

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**«РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)»**

На правах рукописи

ИВАНОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДИПЛОМАТА:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Евсюкова Татьяна Всеволодовна

Ростов-на-Дону – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	11
1.1. Понятие языковой личности в современной лингвистике	11
1.2. Языковая личность и языковая картина мира	17
1.3. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы в изучении языковой личности.....	35
1.4. Дипломатический дискурс как институциональный тип коммуникации.....	43
ВЫВОДЫ.....	48
Глава 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ	52
2.1. Концептуализация языковой личности в дискурсе	52
2.2. Количественное соотношение лексикона российских и британских дипломатов.....	60
2.3. Концептуальное пространство дипломатического дискурса	72
ВЫВОДЫ.....	143
Глава 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ	147
3.1. Культурные сценарии в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.....	147
3.2. Лингвокультурная специфика реализации языковой личности российского и британского дипломатов на вербально-семантическом уровне.	162
3.3. Специфика стратегий и тактик речевого поведения российского и британского дипломатов	177
ВЫВОДЫ.....	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
БИБЛИОГРАФИЯ.....	201

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию лингвокогнитивных и лингвокультурных характеристик языковых личностей российского и британского дипломатов в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Степень разработанности проблемы. Изучение дипломатического дискурса и языковой личности дипломата в лингвистической науке имеет значительную научную традицию. В исследовании Т.А. Волковой описаны конститутивные признаки и стратегии дипломатической коммуникации на материале английского и русского языков [Волкова 2007]. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса изучены в диссертации А.Н. Кожетевой [Кожетева 2012]. Л.М. Терентий исследовал интенциональную структуру успешного дипломатического дискурса, связав его эффективность с личностными характеристиками коммуниканта [Терентий 2017].

Существенный вклад в исследование лингвоаксиологических и лингвосемиотических принципов функционирования открытого профессионального дипломатического дискурса внес М.В. Беляков [Беляков 2021]. Исследование О.В. Александровой и И.Э. Стрелец посвящено выявлению дискурсивных характеристик и принципов организации дипломатического дискурса [Александрова, Стрелец 2021]. В работе М. Сунь исследуются эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсах [Сунь 2024].

Прагмалингвистический анализ особенностей речевого поведения дипломата на материале русского и немецкого языков проведен в исследовании Е.Ю. Оберемченко [Оберемченко 2011]. В диссертационной работе Ю.Л. Ткачевой расширены представления об особенностях дипломатического переговорного дискурса и механизмах выражения негативной реакции в переговорной коммуникации [Ткачева 2024].

Анализ степени разработанности проблемы показывает, что в современной лингвистике накоплен обширный опыт изучения дипломатического дискурса и речевого поведения дипломата. Вместе с тем вопросы, связанные с изучением лингвокогнитивных и лингвокультурных характеристик языковой личности дипломата в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте, остаются открытыми и требуют дальнейшего рассмотрения.

Актуальность диссертации, таким образом, определяется значимостью комплексного сравнительно-сопоставительного анализа языковой личности дипломата на материале русского и английского языков в рамках интеграции лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов.

В современном мире, где публичная дипломатия становится ключевым инструментом продвижения национальных интересов и урегулирования международных конфликтов, важным является глубокое понимание лингвистических механизмов формирования русскоязычного и англоязычного дипломатических дискурсов. В условиях глобальной нестабильности именно языковая личность дипломата выступает основным медиатором между государством и мировым сообществом. Практическая потребность в эффективной межкультурной дипломатической коммуникации требует выявления не только универсальных, но и национально-специфических стратегий речевого поведения дипломата. В этой связи изучение языковой личности дипломата сопряжено с необходимостью анализа лингвистических способов объективации взаимодействия этнокультурных кодов, идеологических установок и институциональных норм в рамках межгосударственной коммуникации.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что языковая личность дипломата обладает системной организацией, детерминированной культурно-мировоззренческими, аксиологическими, профессиональными и индивидуально-личностными факторами, которые

объективируются в речевой деятельности через специфические лингвокогнитивные и лингвокультурные механизмы.

Объектом исследования является языковая личность дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные и лингвокультурные аспекты реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Материал исследования составил корпус публичных выступлений и официальных текстов российских и британских дипломатов за период 2020 – 2025 гг., опубликованных на официальных интернет-ресурсах, таких как сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации (<https://www.mid.ru/>) и сайт правительственного портала Великобритании (<https://www.gov.uk/>). При обработке материала была исключена общеупотребительная и служебная лексика для выделения лингвокультурно маркированных единиц.

Объем картотеки составил 200 публичных выступлений на русском и английском языках общим объемом 300 печатных страниц.

Целью диссертационного исследования является выявление и описание лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- 1) уточнить содержание понятия «языковая личность дипломата» в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов;
- 2) провести количественный анализ лексического состава выступлений российских и британских дипломатов для выявления частотных единиц, репрезентирующих ядерные компоненты их концептосфер;
- 3) выявить особенности вербализации ключевых концептов в дискурсе российских и британских дипломатов;

4) описать культурные сценарии, регулирующие дипломатическую коммуникацию в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах;

5) определить особенности вербально-семантического уровня реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах;

6) установить национально-культурную специфику реализации стратегий и тактик речевого поведения российского и британского дипломатов.

Методы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: *лингвокогнитивный анализ* для реконструкции ментальных структур и ключевых концептов языковой личности дипломата; *лингвокультурологический анализ* для определения национально-культурной обусловленности речевых стратегий и языковых средств; *количественный анализ* с целью статистической обработки данных, подсчёта частотности лексики, выявления ключевых слов; *сравнительно-сопоставительный анализ*, направленный на установление общих закономерностей и национально-специфических особенностей реализации языковых личностей российского и британского дипломатов в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковая личность дипломата как институционально обусловленный тип представляет собой сложное структурное образование, интегрирующее профессиональные нормы дипломатического дискурса с национально-культурными моделями речевого поведения и реализующееся на лингвокогнитивном, лингвокультурном и лингвопрагматическом уровнях.

2. Количественный и сопоставительный анализ вербализации ключевых концептов в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах позволил выявить системные различия в структуре и аксиологическом

наполнении концептосфер языковых личностей российского и британского дипломатов. Установлено, что эти различия детерминированы национально-культурной спецификой, репрезентированной в моделях мышления и системе ценностных доминант, характерных для каждой из лингвокультур.

3. Концептосфера языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах имеет иерархическую структуру, в которой универсальное ядро образует концепт «Безопасность» / «Security», а базовую периферию – высокочастотные концепты «Россия», «Человек», «Сотрудничество», «The UK», «People», «Freedom», «Justice» / «Fairness». Национально-культурная специфика проявляется в доминировании в русскоязычном дипломатическом дискурсе ценностей суверенитета, диалога и исторической преемственности, в англоязычном дипломатическом дискурсе – стратегий геополитического позиционирования, правового регулирования и защиты индивидуальных свобод.

4. Лингвокультурная специфика языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах объективируется в предпочтении различных культурных сценариев и дискурсивных моделей. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерна нарративно-оценочная модель, реализующая пояснительно-аргументативные сценарии; для англоязычного дипломатического дискурса – процедурно-регулятивная модель, реализующая сценарии коалиционного взаимодействия и формулирования правил.

5. Национально-культурная специфика языковой личности дипломата на вербально-семантическом уровне проявляется в предпочтении различных речевых стратегий. Для российского дипломата характерны стратегии обоснования, исторической аналогии и развернутые нарративы, реализуемые через оценочную лексику. Для британского дипломата характерны стратегии делегитимации и нормативного закрепления, объективируемые с помощью

модальных конструкций, юридической терминологии и дискурсивных формул коллективного действия.

Теоретической основой исследования послужили научные идеи и положения отечественных и зарубежных ученых-лингвистов в следующих областях лингвистики: *теории языковой личности и лингвистической персонологии* (Г.И. Богин 1984; В.В. Виноградов 1963, 1980; С.Г. Воркачев 2004; В.В. Воробьев 2008; Ю.Н. Караулов 2010; В.И. Карасик 1996, 2002, 2009; Д.С. Лихачев 1997; Ю.М. Лотман 2000; В.П. Нерознак 1996; Г.Г. Слышкин 2000, 2004; З.Р. Хачмафова 2010, 2023 и др.); *когнитивной лингвистики* (А.П. Бабушкин 2018, Е.С. Кубрякова 2004, 2012; М. Минский 1979; З.Д. Попова 2003, И.А. Стернин 2001; Ю.С. Степанов 1997, 2004; Ч. Филлмор 1988; R. Schank 1977; J. Bruner 1990 и др.); *лингвокультурологии* (А. Вежбицкая 1996, 2001; С.Г. Воркачев 2001; Т.В. Евсюкова 2002; В.В. Воробьев 2008; В.И. Карасик 1996, 2002; В.А. Маслова 2001; В.Н. Телия 1988 и др.).

Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены и описаны лингвокогнитивные и лингвокультурные характеристики языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Раскрыты системные сходства и различия в профессиональной коммуникации российских и британских дипломатов. В ходе исследования установлена структура и аксиологическое наполнение концептосфер языковых личностей российских и британских дипломатов; определены доминирующие дискурсивные модели и культурные сценарии, характерные для русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов; выявлены особенности реализации исследуемых языковых личностей на вербально-семантическом уровне, включая совокупность речевых стратегий и характерные языковые средства их объективации.

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в дальнейшее развитие лингвистической персонологии, когнитивной и

сравнительно-сопоставительной лингвистики. Работа развивает основные положения теории языковой личности, предлагая модель анализа языковой личности дипломата как институционального типа, конкретизируя механизмы интеграции профессиональных и национально-культурных детерминант, формирующих целостную структуру языковой личности и определяющих ее дискурсивную реализацию. Комплексная методика сравнительно-сопоставительного анализа языковой личности в дипломатическом дискурсе с учетом лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов может служить моделью для сопоставления других профессиональных типов языковых личностей.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в образовательном процессе в преподавании вузовских курсов по лингвистической персонологии, сравнительно-сопоставительной лингвистике и межкультурной коммуникации; при разработке специальных курсов и семинаров для переводчиков, лингвистов-аналитиков и будущих дипломатов по кросс-культурным аспектам коммуникации; в подготовке учебно-методических материалов, включая практикумы по лингвистическому анализу дипломатических текстов, рекомендации по конструированию публичных высказываний в международном контексте; при определении тематики выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Материалы и выводы исследования могут служить основой для тренингов по дипломатическому протоколу, ведению переговоров и публичной речи.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета, а также были представлены на научных конференциях разного уровня: на Международной научно-практической онлайн-конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры» (Ростов-на-Дону, 2021); на LXXXII Международной

научно-практической конференции «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (Новосибирск, 2024); на СШ Международной научно-практической конференции «Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке» (Новосибирск, 2024); на II Всероссийской научно-практической конференции «Всероссийский форум молодых исследователей» (Петрозаводск, 2024); на II Международной научно-практической конференции «Research and Development» (Петрозаводск, 2024); на III Международной научной конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании» (Санкт-Петербург 2025).

Основные положения и результаты исследования изложены в **11** публикациях, в том числе **5** статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Объем и структура работы. Основной текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Понятие языковой личности в современной лингвистике

В современной лингвистике преобладает антропоцентрический подход к языку – человек был и остается основным объектом изучения. Э. Сепир в своих трудах одним из первых отмечает, что язык, культура и личность необходимо рассматривать как единое целое; во взаимодействии языка и мышления можно истолковать опыт. Язык – транслятор культуры не только отдельно взятых народов, но также является показателем уникальности личности, язык не может рассматриваться изолированно [Сепир 2002]. После публикации «Структура научных революций» Т. Куна возник вопрос о постановке новой парадигмы, под которой Т. Кун подразумевает научное сообщество, которое объединено едиными целями и включено в исследовательскую деятельность. Бодуэн де Куртене подчеркивал, что подлинная жизнь языка проявляется не на страницах словарей или учебников в «индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое сообщество» [Б. Куртенэ 1963: 37].

Й.Л. Вайсгербер впервые введение понятия «языковая личность» осуществил в монографии «Родной язык и формирование духа» [Вайсгербер 1927], где языковую личность трактует как носителя языка, чья специфика определяется посредством комплексного анализа его творческих высказываний с позиций применения системных языковых средств, обеспечивающих отражение субъективного восприятия внешней действительности.

В основе концепции Вайсгербера лежат следующие теоретические положения: язык следует рассматривать как наиболее обширное культурное

достояние, причём процесс овладения языком не является результатом исключительно индивидуальной языковой личности, а выступает следствием социальной принадлежности индивида к конкретному языковому сообществу. Языковая личность, в свою очередь, воплощает двойственную природу языкового бытия, в которой речевая практика как активное использование языковых ресурсов опирается на индивидуальное владение языком, являющееся её необходимой предпосылкой.

Далее, языковая личность функционирует как динамически развивающаяся «культурообразующая сила», способная выступать в роли конструктора новых культурных контекстов. Учитывая, что язык представляет собой средство выражения глубинных культурных оснований, индивидуальные языковые действия становятся инструментом творческого конструирования культурной реальности, ограниченным национально обусловленной языковой картиной мира. Существенной характеристикой языковой личности является способность сохранять свою своеобразность в процессе усвоения и применения родного языка, причём это своеобразие детерминировано национальной спецификой языкового мировосприятия.

В антропоцентрической парадигме принято выделять несколько направлений. Первое исследует картину мира человека, второе направление представлено коммуникативной лингвистикой и третье изучает «роль языка в познавательных процессах и когнитивной организации человека», четвертое изучает «каким образом язык существует в самом человеке» [Евсюкова 2016: 7]. В.И. Карасик отмечает, что «социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в языковом сознании – коллективном и индивидуальном» [Карасик 2002: 7]. Языковая личность – это динамичное единство социальных ролей, коммуникативных стратегий и индивидуальных особенностей, постоянно трансформирующееся в процессе общения. Она не просто использует язык, но и пересоздает его, выступая одновременно продуктом и творцом языковой реальности. В каждом акте речи сливаются

норма и импровизация, коллективное и личное, делая языковое существование человека живым процессом постоянного становления [Карасик 2009].

Классическая пара лингвистики – язык и речь – в современном антропоцентрическом контексте научного изучения языка трансформируется в концепции языкового сознания и коммуникативного поведения. Языковая личность становится ключевой категорией лингвистики, синтезируя в себе культурные коды, коммуникативные нормы и индивидуальные речевые стратегии. Это не статичный образ, а динамичная система, где традиции языка постоянно переосмысляются через призму личного опыта. Исследование языковой личности в лингвистике основывается на психологических и социологических характеристиках, что позволяет выделить различные типы языковых личностей. Эти характеристики выступают в качестве лингвистически значимых индексов, формирующих определенные типажи личности, характерные своей исторической изменчивостью и социопсихологической вариативностью. В каждом этапе развития этнокультурного сообщества возникают типы личностей, которые наиболее ярко олицетворяют нюансы ценностных ориентиров сообщества, называемые модельными личностями. В процессе общения языковая личность может выявляться в разных проявлениях, которые с точки зрения социолингвистики и лингвокультурологии можно исследовать через ценностные, концептуальные и поведенческие аспекты [Карасик 2011: 10].

В аспекте третьего направления следует вспомнить трактовку языка Ю. С. Степановым, как «промежуточного мира» между субъектом познания и существующей реальностью» [Степанов 1998: 43], а также слова А.Д. Шмелева: «...овладевая языком и, в частности, знанием слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира» [Шмелев 2002: 11]. Иными словами, язык идентифицирует народ, отражая его языковую личность.

В отечественной лингвистике термин «языковая личность» одним из

первых употребил В.В. Виноградов в работе «О языке художественной прозы», обозначив языковую личность как «сущность, которая может проявлять себя в художественном образе, образе автора и образе оратора» [Виноградов 1980: 121]. Лингвист уделял особое внимание сопоставлению языкового героя и образа авторского «я».

Г.И. Богин в работе «Современная лингводидактика» так трактует термин «Языковая личность – это человек, способный производить речевые поступки, «тот, для кого язык есть речь», важны не столько знания о языке, сколько умение с ним работать [Богин 1982: 61]. Г.И. Богин в фундаментальном труде «Современная лингводидактика» позиционирует языковую личность как системообразующую категорию, акцентируя ее речетворческий потенциал – способность к целенаправленным и осмысленным коммуникативным актам. Языковая личность – это «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980]. В более поздней докторской работе исследователь существенно развил свою первоначальную концепцию. Языковая личность определяется там как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1982: 31]. Модель Г.И. Богина представляет собой параметрический шаблон в форме кубического объекта и состоит из шестидесяти структурных элементов. Эти элементы получены путём произведения трёх основных факторов. Первый фактор, или ось-А, включает в себя базовые элементы языкового индивида: его фонетические характеристики, грамматические нормы и лексический запас. Второй фактор, ось-Б, охватывает ключевые речевые функции, такие как говорение, аудирование, чтение и письмо. Третий фактор, ось-В, определяется оценочными параметрами, представляющими уровни эффективности.

Исследователь выделяет пять стадий развития языкового индивидуума,

которые отражают его развитие:

1. Уровень корректности. Он выражается в овладении большим словарным запасом и способности создавать высказывания, соответствующие нормам данного языка;

2. Уровень интериоризации, который свидетельствует о владении внутренней речью;

3. Уровень насыщенности, показывающий владение всем богатством языковых выразительных средств в области фонетических, грамматических и лексических норм;

4. Уровень адекватного выбора, который проявляется в способности выбирать подходящие языковые средства;

5. уровень адекватного синтеза, отражающий «единство реализации коммуникативной и эстетической функций языка, как, впрочем, и вообще единства всех функций языка в речевой деятельности» [Богин 1981].

Ю.Н. Караулов, основоположник теории языковой личности в отечественной лингвистике, в своих исследованиях предложил следующее определение: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [Караулов, 1989: 3]. Его концептуальная модель предполагает анализ языковой личности через призму трёх взаимосвязанных уровней:

- вербально-семантически уровень обращен к отдельным словам, выступающим как единицы вербально ассоциативной сети;
- лингвокогнитивный уровень включает понятия, идеи, концепты;
- мотивационный уровень ориентирован на прагматику языка.

В концепции Ю.Н. Караулова языковая личность формируется через призму национальной культуры, усваивая и перерабатывая характерные вербальные модели своего языкового сообщества. Исследователь акцентирует двойственную природу языковой личности – с одной стороны, она представляет собой индивидуального носителя языка с уникальной

компетенцией, с другой – проявляет способность к ситуативно-обусловленному варьированию речевого поведения, что свидетельствует о ее активной роли в коммуникативных процессах [Караулов 2010: 50].

Согласно концепции С.Г. Воркачева, языковая личность представляет собой материализованное выражение языкового менталитета – «представляется субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы» [Воркачев 2014: 18], лингвист подчеркивает, что языковая личность – это «базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода “семантический фоторобот”, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, - личность словарная, этносемантическая» [Воркачев 2001: 70]. Итак, «под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности» [Воркачев 2001: 70].

О.Б. Сиротинина и Т.В. Кочеткова классифицируют языковые личности по «степени приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства в той или иной форме языка»: элитарная, среднелитературная, литературно-разговорная, фамиллярно-разговорная, просторечная, народно-речевая. [Сиротинина 1997: 7]

Современные ученые дополняют наполнение термина новыми составляющими. Так, Т.В. Евсюкова и Е.Ю. Бутенко определяют языковую личность как вид «полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс», подчеркивая, что изучая языковую личность важно «определить значимые в культуре сценарии речевого поведения в различного рода деятельности человека, т.е. каждое проявление деятельности языковой личности рассматривать как реализацию национальной языковой личности» [Евсюкова 2016: 111].

Анализ языковой личности включает в себя разбор особенностей на

фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, также акцентируется внимание на характерных речевых оборотах и выражениях, по которым можно узнать анализируемую личность. Ученые выделяют следующие параметры: лексикон языковой личности, тезуарус, прагматикон. Уровни модели М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой соответствуют уровням, выдвинутым Ю.Н. Карауловым.

Таким образом, языковая личность представляет собой многоаспектный феномен, требующий разностороннего рассмотрения. Исходя из задач нашего исследования, мы будем рассматривать языковую личность дипломата, детерминированную национальными и профессиональными факторами, через призму ее лингвокогнитивной организации. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость анализа ее этнокультурных особенностей, языка и речевого поведения.

1.2. Языковая личность и языковая картина мира

Понятие языковой личности связано с рядом смежных понятий, которые помогают глубже понять, как язык и индивидуальность взаимодействуют друг с другом. Говоря об антропоцентрическом подходе в языкознании, нам следует остановиться на проблеме соотношения языковой личности и речевого портрета. Над определением понятия речевой портрет начал работу М.В. Панов. Однако лингвист относил данный термин говоря только о фонетических особенностях говорящего: манеру произношения. Фонетический портрет «объединял в себе индивидуальные и коллективные свойства, поскольку был отражением речи своей социальной среды» [Бабушкина 2021: 8]. Фонетическое портретирование позволяет продемонстрировать определенные качества речевого поведения языковой личности.

В современной лингвистике мы можем наблюдать множество

синонимичных терминов, близких к «речевому портрету». В Словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой термин «речевой портрет» отождествляется с термином «речевая характеристика» [Розенталь 1985: 238]. Термин «речевой портрет» нередко используется параллельно с концепцией «языковая личность», которая является его синонимом. Однако, важно отметить, что эти два термина не идентичны.

Ю.Е. Прохоров считает, что «если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения в деятельности» [Прохоров 2008: 59].

В работе «Портрет русского интеллигента» Л.П. Крысин на примере *homoloquens*, то есть «человека говорящего», исследует социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств, а также особенности речевого поведения [Крысин 2001: 91].

Языковая личность как абстрактная модель и речевой портрет как её конкретное воплощение взаимно обуславливают друг друга. Так Т.В. Романова обозначает это взаимодействие: «...понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком – с языковой личностью, прототипом носителя определённого языка» [Романова 2009: 112]. Основное отличие между этими двумя терминами – временная категория. Речевой портрет статичен и поддается анализу за определенную часть времени, он обусловлен ситуацией, контекстом. Языковая личность – постоянная переменная, которая постоянно трансформируется.

Языковая личность и речевая личность – это два понятия, которые относятся к индивидуальному использованию языка и его проявлениям, но имеют разные акценты. Речевая личность – это более узкое понятие, которое относится к конкретным языковым проявлениям человека в процессе общения, фокусируется на том, как человек использует свои языковые навыки

в реальных ситуациях, включая стиль общения, выбор слов, интонацию и другие элементы вербального и невербального общения. Она может варьироваться в зависимости от ситуации, аудитории или контекста, в котором происходит общение.

В своем исследовании «Об общем и частном в понятиях «речевой портрет», «языковая личность», «Идиостиль» и «идиолект» лингвист Д.С. Мухортов подчеркивает, что ключевым критерием, отличающим языковую личность от речевого портрета, являются временные рамки, в которых осуществляется анализ функционально-коммуникативных характеристик индивида. Он придерживается мнения, что речевой портрет можно воспринимать как статическую сущность, которая анализируется в определенный временной промежуток и определяется условиями, связанными с уникальными чертами жанра и речевого регистра. В отличие от этого, «языковой личности» присуща динамика ее эволюции» [Мухортов 2014].

Кроме того, в отличие от языковой личности, «речевой портрет» представляет собой своего рода «срез» на определенном этапе развития коммуникативного потенциала индивида. С другой стороны, его можно рассматривать как совокупность характеристик, формирующих речевой имидж человека, то есть то, как общество традиционно воспринимает и оценивает данную личность.

Понятия «идиостиль» и «идиолект» также тесно связаны с терминами «языковая личность» и «речевой портрет».

«Индивидуальный стиль представляет собой... структурно целостную и внутренне взаимосвязанную систему средств и форм словесного выражения», – утверждает В.В. Виноградов [Виноградов 1963: 105]. Это целостная структура, которая «формируется благодаря специфическим принципам выбора, комбинирования и мотивированного применения языковых элементов» [Пищальникова 1992]. Также отмечается, что выявление системы смыслов, присущей конкретной личности и отличающей ее от других,

демонстрирует ее склонности к отражению определенных аспектов объективной реальности и их взаимосвязей, создавая тем самым картину мира говорящего.

Таким образом, в лингвистике понятие идиостиля в первую очередь ассоциируется с конкретным выбором и отбором языковых средств и способами их взаимодействия и комбинирования. Важно отметить, что, хотя не существует каких-либо абсолютно уникальных методов выражения личностных смыслов, их преобладающее применение легко выявляется [Пищальникова 1992: 28]. Это позволяет связать идиостиль не только с процессом выбора языковых единиц, но и с частотой их употребления, что дает основание для применения доминантно-функционального подхода.

Следовательно, в лингвистическом контексте понятие идиостиля прежде всего связано с определенным выбором языковых средств и их способами комбинирования. Важно отметить, что, несмотря на отсутствие уникальных методов представления личностных смыслов, их преобладающее использование легко прослеживается. Таким образом, идиостиль можно связать не только с отбором языковых единиц, но и с частотностью их употребления, что открывает возможность применения доминантно-функционального подхода. Тем не менее, некоторые исследователи предпочитают использовать лишь один термин и исследуют его характеристики, оставляя пространство для размышлений о возможности разграничения понятий. С одной стороны, это подразумевает наличие основательных размышлений о чёткости дефиниций, а с другой – предполагает завершенность и ограниченность поля определения, что свидетельствует о достаточности как информации, так и терминологии. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» упоминается исключительно понятие «идиолект», который был создан на основе термина «диалект» для обозначения индивидуального варьирования языка, в отличие от его территориального и социального вариантов. Идиолект понимается как

совокупность стилистических особенностей, характерных для речи отдельного носителя языка как в широком, так и в узком смыслах. В узком понимании идиолект относится к специфическим речевым характеристикам конкретного индивида, тогда как в широком смысле он охватывает реализацию языка в устах говорящего, включая все тексты, создаваемые им, что исследуется лингвистами с целью изучения языковой системы. Автор статьи указывает, что идиолект, будучи «точечным» представителем конкретной идиомы, такой как литературный язык, территориальный или социальный диалект, сочетает в себе как общие, так и индивидуальные черты её структуры, нормы и узуса [Ярцева 1990: 234].

Стремление выделить различия между понятиями «идиостиль» и «идиолект», которые, хотя и близки, не являются идентичными, привело к переосмыслению их дефиниций в Стилистическом энциклопедическом словаре [Кожина 2019: 95].

Идиолект понимается как набор структурных языковых особенностей, т.е. стабильных характеристик, проявляющихся в речи конкретного носителя языка. В свою очередь, идиостиль определяется как совокупность речевых и текстовых характеристик индивидуального представителя языковой личности, будь то писатель, ученый или иной говорящий [Кожина 2019].

При этом идиостиль формируется под влиянием различных экстралингвистических факторов, включая функционально-стилевую, жанрово-стилевую и индивидуально-стилевую основы.

Кроме того, особое внимание уделяется многоуровневой интеграции идиостиля, поскольку он выступает в роли «мостика» между текстом и личностью его автора. Это положение имеет ключевое значение для нашего исследования, так как идиостиль анализируется как с лексической, так и с синтаксической точки зрения.

Такое разнообразие синонимичных определений может затруднить восприятие текста, поэтому в данном исследовании мы будем придерживаться

термина «языковая личность», который, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает деятельность современного дипломата.

Лингвоперсонология – перспективное направление лингвистики, изучающее языковую личность как системное единство. Термин «лингвоперсонология» был введен и обоснован В.П. Нерознаком, который поставил вопрос о статусе новой дисциплины: «в рамках общей персонологии может быть выделена в самостоятельное направление науки о языке лингвистическая персонология» [Нерознак 1999: 70]. Исследуя ее развитие на пересечении философских концепций персонологии, персонализма и лингвистики, лингвист утверждает, что «в рамках общей персонологии можно выделить самостоятельное направление науки о языке – лингвистическую персонологию» [Нерознак 1999: 113]. Ученый коротко определил суть этого направления как «теорию языковой личности». В 2003 году он ввел в научный обиход упрощенный вариант ранее предложенного названия – «лингвоперсонология». Объектом и предметом исследования в лингвоперсонологии В.П. Нерознак называет «частно-человеческую языковую личность», связывая изучение «многочеловеческой» языковой личности с лингвокультурологией. Он разграничивает две области знаний, используя разные таксономические единицы: в качестве основы для первой служит идиолект, понимаемый как язык отдельной личности, а для второй – полилект, рассматриваемый как национальный язык в совокупности составляющих его идиолектов.

Таким образом, в дальнейшем понятие фонетического портрета получило широкое распространение и дальнейшую разработку. Ученый выдвигает полилектную и идиолектную личности или же – многочеловеческую и частночеловеческую: «...частночеловеческая личность проявляется только в разновременных, сменяющих друг друга, индивидуациях, а многочеловеческая личность проявляет себя как в разновременных, так и в одновременных ситуациях» [Нерознак 1996: 113].

В.П. Нерознак определяет два типа идиолектной личности: стандартная – воплощающаяся усредненную норму языка, и нестандартную – в ней объединены «верхи» и «низы» культуры языка. Ученый также отмечает, что «...если общенародный язык (полилектная личность) меняет в ходе исторического развития нормы речедеятельности практически на всех уровнях – меняется произношение, трансформируются модели словообразования и словоизменения, обновляется лексика, меняется словоупотребление, то на протяжении жизни одного человека (конкретной языковой личности) доминантные признаки языка (речи) остаются в основном неизменными» [там же]. В контексте лингвистической персонологии, касающейся языковой личности человека, лингвист выделяет два основных типа: стандартную языковую личность, отражающую среднюю литературную норму языка, и нестандартную языковую личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов [там же].

Предметом изучения лингвоперсонологии является человек в языке. Рассматривая статус этой дисциплины, В.П. Нерознак полагает, что лингвистическая персонология занимается исследованием как языковой индивидуальности, то есть идиолекта, так и национальной языковой личности, или полилекта, в разнообразных контекстах и временных периодах. Ее цель – понимание общих и уникальных черт языка, его лексики и концептосферы [Нерознак 1996]. Согласно Ю.М. Лотману, поведение человека подчиняется не только антропологическим и общепсихологическим закономерностям, которые определяют, например, поведение ребёнка, мужчины или женщины, но и нормам социальной семиотики, таким как поведение рыцаря, монаха или представителя богемы, а также художественным категориям, например, жизнестроительства русских символистов, и различным поведенческим стилям – благородному, вульгарному или нейтральному [Лотман 2000: 220].

В основе лингвоперсонологии лежат три фундаментальных принципа:

1. Язык как индивидуальное достояние – каждый носитель языка

обладает уникальной когнитивной базой, включающей не только языковые единицы и правила их употребления, но и личный опыт их использования.

2. Эмоционально-оценочная призма – любая языковая информация в сознании индивида не нейтральна, а связана с потенциальной или актуальной эмоциональной оценкой, что делает речь экспрессивной и субъективно окрашенной.

3. Язык как инструмент социального согласования – несмотря на индивидуальные различия, язык обеспечивает взаимопонимание благодаря общности языковых форм и разделяемого опыта, закрепленного в семантике языковых единиц и коммуникативных контекстах.

Таким образом, лингвоперсонология изучает язык не как абстрактную систему, а как живое взаимодействие индивидуального сознания и коллективного опыта, где каждый носитель одновременно уникален и включен в общее коммуникативное пространство.

В современной лингвистике понятие лингвокультурного типажа занимает особое место среди категорий, описывающих человека через призму его коммуникативного поведения. Как отмечает Г.Г. Слышкин, данный феномен представляет собой обобщение стереотипных представлений о типизируемой личности – с которой говорящий осознанно или неосознанно себя ассоциирует. В отличие от абстрактного стереотипа, лингвокультурный типаж всегда связан с конкретной – реальной или вымышленной – личностью и включает в себя ценностную составляющую, отражающую глубинные культурные установки [Слышкин 2004].

Теория лингвокультурных типажей, развивая концепцию языковой личности Ю.Н. Караулова, синтезирует подходы лингвистики, культурологии и социологии. Как подчеркивает В.И. Карасик, важнейшими характеристиками типажа являются его типизируемость, культурная значимость и аксиологическая наполненность. При этом лингвокультурный типаж отличается от социальной роли – большей культурной устойчивостью,

от речевого портрета – включением ценностного компонента, а от имиджа – объективностью бытования в языковом сознании [Карасик 2009]. Особенностью лингвокультурного типажа является его способность существовать в различных формах – от реалистичного изображения до карикатурного преувеличения, сохраняя при этом узнаваемость для носителей культуры. Эта категория позволяет анализировать взаимосвязь языка, культуры и национального менталитета, выступая своеобразным мостом – между индивидуальным языковым сознанием и коллективной культурной памятью.

Языковая личность включает в себя не только активный словарный запас и грамматические навыки, но также культурный и социокультурный контекст, в котором человек использует язык, она отражает идентичность человека как носителя языка, его отношение к языковым нормам, традициям и культурным аспектам.

Выбор термина «языковая личность» в данном диссертационном исследовании является методологически принципиальным, поскольку он в отличие от других смежных понятий позволяет рассматривать индивида как целостную систему. Данный термин дает возможность проанализировать ментальные и культурные особенности личности. Именно такая объемная трактовка позволяет выявить и описать ценностную аксиологическую картину мира человека, которая объективируется в его дискурсе, что и составляет главную цель нашего исследования.

Языковая картина мира представляет собой исторически сформированное в сознании членов языкового сообщества обоснование их восприятия реальности, отображаемое через язык и определенные схемы концептуализации действительности. Данная концепция берет свои истоки в трудах В. Фон Гумбольдта и его последователей, исследующих внутреннюю структуру языка, а также в американской этнолингвистике, где особое место занимает гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

Л. Вайсбергер, основываясь на концепции этнической связи языка, разработал идею языковой картины мира, в которой этничность играет ключевую роль в формировании языкового сознания. Ученый утверждает, что язык является носителем тех значений, которые формируют уникальный взгляд членов конкретного языкового сообщества на окружающий мир. Таким образом, язык осуществляет активное влияние на создание целостного мировоззрения в сознании каждого индивида. В своих работах Вайсбергер подчеркивает, что языковая картина мира обладает мировоззренческой, национально-субъективной и идиоэтнической спецификой, что связано с тем, как народ воспринимает объективную реальность через призму своего языка [Вайсбергер 2004].

В своих исследованиях Л. Вайсбергер выделяет ключевые характеристики языковой картины мира, подчеркивая ее комплексную природу и значимость для этнического самосознания:

– Целостность и взаимосвязанность – языковая картина мира интегрирует мировоззренческие установки этноса, закрепленные в языковых структурах.

– Конструирующая роль – языковые формы создают особую «промежуточную реальность», которая влияет на восприятие мира носителями языка и становится частью их повседневного опыта.

– Динамичность и эволюция – языковая картина мира формируется в процессе исторического развития этноса и одновременно стимулирует его дальнейшее культурное развитие.

– Многослойность – включает фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные и грамматико-синтаксические аспекты, каждый из которых вносит уникальный вклад в отражение действительности.

– Культурно-идентификационная функция – языковая картина мира

служит средством выражения этнической самобытности, сохранения духовного наследия и подтверждения уникальности народа.

Такой подход позволяет рассматривать язык не только как инструмент коммуникации, но и как важнейший элемент культурной идентичности.

В.Н. Телия рассматривает языковую картину мира как неотъемлемый результат когнитивной и языковой активности, формируемый через взаимодействие мышления, окружающей реальности и языка, который служит инструментом для передачи мыслей о мире в процессе общения [Телия 1988]

Академик Ю.Д. Апресян в интерпретациях языковой картины мира акцентировал внимание на том, что каждый естественный язык не только формирует уникальное восприятие окружающего мира, но и создает органичную систему взглядов, представляющую собой коллективную философию, общую для всех его носителей. Таким образом, подход к концептуализации реальности в рамках одного языка может быть как универсальным, так и уникальным, что создает разнообразие восприятия мира у носителей различных языков [Апресян 1995].

Языковая картина мира представляет собой важную составляющую более широкой концептуальной картины, в которой помимо языковых знаний содержится информация, обогащающая концептуальное восприятие через специфические языковые средства. Это своего рода материализация концептуальной картины при помощи языка. Однако не все элементы концептуальной картины могут быть выражены словами. В рамках концептов можно выделить как языковые характеристики, не имеющие своих аналогов в концептуальной модели, так и когнитивные сущности, которые не нашли отражения в языке [Попова 2003].

В исследовании О.А. Корнилова «Языковые картины мира как отражение национальных менталитетов» это понятие трактуется как «результат восприятия реальности, сформированного повседневным языковым сознанием представителей конкретного языкового сообщества»

[Корнилов 2011: 235].

В монографии «Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты» З.Р. Хачмафова отмечает, что анализ проблемы репрезентации картины мира в языке строится на фундаменте триады: «окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке». Исходно предполагается, что человек воспринимает действительность адекватно, и язык так же точно её воспроизводит [Хачмафова 2010: 21].

На фоне разнообразия мнений о природе понятия «языковая картина мира» нельзя отрицать, что восприятие окружающего мира в языке варьируется у различных народов. В процессе своей деятельности у человека формируется субъективное представление о реальности. Он осваивает язык, как и саму действительность; при этом, помимо логической или понятийной картины мира, возникает и языковая, которая, хотя и не противоречит логической, тем не менее не является ей тождественной.

Концептуальная картина мира, как и сам концепт, представляет собой предмет междисциплинарного исследования. В логике ее природа изучается как система кодирования и организации информации [Павиленис 1983]. Нейрофизиология и психология трактуют картину мира как субъективный образ реальности, формирующийся в результате когнитивных процессов и деятельности психических механизмов (Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев). С позиций психолингвистики, это совокупность ментальных репрезентаций, проявляющихся в поведении и речевой практике. Философский подход акцентирует связь концептуальной картины мира с такими феноменами, как сознание, мировосприятие, познание и отражение действительности. В зависимости от научной парадигмы, концептуальная картина мира интерпретируется либо как система знаний, либо как продукт мышления, либо как языково-когнитивное отражение реальности (Р.Ф.

Абдеев, Л. Витгенштейн, Э.В. Ильенков) [Босова 1999: 68].

Р.И. Павиленис ввел термин «концептуальная система» для описания понятийной картины мира. Эта система формируется в ходе осознания индивидом окружающей реальности и отражает национальную духовную активность народа. Язык служит инструментом для выявления содержания концептуальной системы, фиксируя те уникальные знания, которые свойственны данной культурной общности.

Компонентом концептуальной системы, который отражает ее национальную специфику, является концепт, или смысл. Эта когнитивная структура возникает в результате осознания определенного аспекта действительности. В рамках концепта фиксируется разнообразное содержание: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое и прочее. Таким образом, сопоставление концептов между языками помогает выявить как национальные, так и интернациональные элементы, присутствующие в содержании концептуальной системы представителей различных языков. Ментальные различия проявляются через наличие уникальных национальных концептов, характерных для конкретной культуры [Павиленис 1983: 146].

Национальная уникальность концептуальной системы находит свое выражение в наличии специфических концептов, составляющих культуру данного народа. Эта совокупность концептов формирует особенности менталитета, и их выявление является крайне важным не только для понимания особенностей речепорождения, но и для изучения специфики смыслообразования. Полученные данные могут быть успешно применены в социологии, политологии, включая области этнической конфликтологии.

В процессе межъязыкового сопоставления концептов можно наблюдать стабильное взаимодействие универсальных и идиоэтнических элементов. Понятийный компонент концепта, который носители различных языков связывают с одной и той же частью реальности, обладает универсальным

характером. В то же время, национально-культурная специфика проявляется в остальных компонентах, подчеркивая уникальность восприятия и интерпретации данной действительности каждым народом.

Вопрос о том, как мир концептуализируется в языке с помощью слов, имеет огромное значение. Р. Ладо, один из пионеров контрастивной лингвистики, в своё время указал на распространённую иллюзию, весьма свойственную даже образованным людям, что значения идентичны во всех языках, а различия касаются лишь форм их выражения. На самом деле же, значения, которые служат основой нашего опыта, определяются культурными факторами, и, следовательно, могут значительно варьироваться от одной культуры к другой. При этом варьируются не только значения, но и состав лексики. Эта специфика варьирования играет ключевую роль в формировании уникальности языковых картин мира [Ладо 1989].

Важно учитывать, что восприятие определенной ситуации или объекта напрямую зависит от субъекта восприятия, его фоновых знаний, жизненного опыта, ожиданий и даже от места, где он находится, а также от того, что попадает в его поле зрения. Это открывает возможность описания одной и той же ситуации с различных точек зрения и перспектив, что, безусловно, углубляет понимание данной ситуации. По замечанию З.Р. Хачмафовой, т.к. «...каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [Хачмафова 2010: 23].

Несмотря на то, что процесс «конструирования мира» может показаться сугубо субъективным, он неизбежно включает в себя учет множества объективных аспектов, связанных с ситуациями и реальными условиями в мире. В результате этого процесса формируется «субъективный образ объективной реальности».

Заостряя внимание на когнитивных основах языковой номинации, Е.С. Кубрякова разумно определяет языковую картину мира как структуру знаний о реальности, тем самым подчеркивая ее когнитивную природу. Она отмечает, что когнитивно-ориентированное исследование деривационных процессов предоставляет возможность не только детализировать особенности «картирования» мира в рамках конкретного языка, но и, при соответствующем обобщении таких данных в типологическом контексте, способствовать формулированию общих принципов понимания человеком ключевых категорий бытия, характеристик мироздания, а также закономерностей структурирования мира. Это касается как физических аспектов человеческого существования, так и его социальной организации, включая всю систему ценностей, а также нравственных и морально-этических оценок [Кубрякова 2003: 7].

При анализе картины мира важно понимать, что она не является простым отображением реальности или окном в нее. Связь концептов с вербальными средствами выражения наблюдается практически во всех определениях, касающихся лингвокультуры. Тем не менее, среди «лингвоконцептуалистов» отсутствует согласие по поводу конкретных значимых единиц языка, к которым можно было бы соотнести концепт [Воркачев 2001: 70]. Так определяет лингвокультурный концепт С.Г. Воркачев: «Лингвокультурный концепт <...> – продукт абстрагирования семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых языковых единиц» [там же]. Это интерпретация человеком окружающего мира, его способ осознания. Как подчеркивается, язык фиксирует не только то, что было воспринято, но и то, что было осмыслено, интерпретировано». Это указывает на то, что мир для человека – это не только восприятие через органы чувств, но и значительная доля этого мира составляют субъективные результаты его интерпретации. Таким образом, хотя утверждение о языке как «зеркале мира» имеет право на

существование, это зеркало является далеким от идеала: оно отражает мир не напрямую, а через призму субъективного познания конкретного сообщества людей.

Следовательно, концептуальная картина мира представляет собой упорядоченную систему знаний об объектах, которые могут быть представлены как в актуальной, так и в потенциальной познавательной и практической деятельности индивида. Концептом, являющимся базовой единицей этой системы, фиксируются и актуализируются различные виды содержания – понятийное, эмоциональное, ассоциативное, вербальное и культурологическое – относящиеся к объектам реальности и интегрированные в структуру концептуальной картины мира.

Вопрос соотношения понятий «картина мира», «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира» требует теоретического осмысления. Мы придерживаемся позиции З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые рассматривают картину мира как структурно организованную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в человеческом сознании – будь то сознание индивида, социальной группы или всего общества [Попова 2002: 7]. Согласно этой концепции, картина мира может существовать в непосредственной когнитивной форме как результат чувственного восприятия и осмысления реальности, либо в опосредованной форме, когда концептуальные представления получают выражение через различные знаковые системы. Языковая картина мира представляет собой особый случай опосредованного отражения действительности, фиксирующий исторически сложившиеся представления народа о мире в системе языковых значений и грамматических структур [там же]. Таким образом, язык выступает важнейшим, но не единственным способом объективации концептуальной картины мира [там же].

Лексикон культурного словаря является прямым отражением языковой картины мира, тогда как понятие «картина мира» относится к культурному

уровню. Между языковым и культурным уровнями существует особый концептуальный уровень, представляющий собой совокупность значений слов, входящих в культурный словарь.

В итоге, концепция языковой картины мира включает в себя две взаимосвязанные, но отличающиеся идеи:

1. языковая картина отличается от «научной», порождая так называемую «наивную картину»;
2. каждый язык создает свою уникальную картину мира, которая может существенно отличаться от других языковых систем.

Реконструкция языковой картины мира является одной из центральных задач современной лингвистике. Исследования фокусируются на системном анализе лексики конкретного языка для восстановления целостной картины представлений, независимо от их специфичности или универсальности и на изучении отдельных концептов, значимых для данной культуры, которые трудно переводятся на другие языки, – как, например, для русского языка слова тоска, воля и счастье, каждая из которых содержит уникальные смысловые нюансы.

В данной работе мы исходим из определения, которое дает С.Г. Воркачев: «Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001]. По сути, единственной причиной, обуславливающей терминологизацию лексемы «концепт», является необходимость этнокультурной легитимации семантических единиц, то есть их соотнесение с языковой индивидуальностью [там же].

В последние годы активно развивается подход, сочетающий оба направления, нацеленный на репрезентацию русской языковой картины мира через комплексный анализ – лингвистический, культурологический, семиотический – специфических концептов, который активно исследуют

такие ученые, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтин и другие.

Языковая картина мира в языковой личности проявляется через различные аспекты, отражающие восприятие человеком окружающей реальности. Язык не просто средство коммуникации, но и отражение культуры, традиций и менталитета народа. Языковая картина мира в рамках языковой личности отображается через язык как инструмент, позволяющий выражать как индивидуальный, так и общий опыт, традиции и культурную идентичность, что в свою очередь создает уникальный стиль речи для каждого человека.

Носитель языковой личности воспринимает язык не только как систему знаков, но и как средство, с помощью которого он выражает свое понимание мира. То, как человек формулирует мысли, выбирает слова и выражает чувства, зависит от его языковой картины мира. Также, языковая картина мира носит культурный характер, и носитель языковой личности несет в себе элементы этой культуры. Стиль общения, выбор лексики и грамматических конструкций указывают на принадлежность к определенной культурной группе, что в свою очередь влияет на восприятие и интерпретацию мира. Разные носители языковой личности могут иметь разные языковые картины мира на основе своих социальных и культурных опытов. Это приводит к разнообразию восприятия одной и той же реальности. Например, одни и те же явления могут быть описаны по-разному в зависимости от культурного контекста и личного опыта говорящего. Языковая картина мира не статична и способна трансформироваться под влиянием носителей языковой личности. Через индивидуальное восприятие и употребление языка отдельный носитель вносит свой вклад в эволюцию языковой картины мира в масштабах всего социума. В то же время, изменения в языковой картине мира также могут оказывать влияние на индивидуальный опыт и стиль общения носителей.

Таким образом, языковая картина мира и носитель языковой личности

находятся в тесной взаимосвязи, где каждая из составляющих влияет на другую и вместе формируют уникальный способ понимания и выражения реальности.

1.3. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы в изучении языковой личности

В лингвистике конца прошлого столетия наблюдался принципиальный пересмотр методологических оснований: традиционная системно-структурная парадигма уступила место антропоцентрическому, функционально-когнитивному подходу, рассматривающему язык в динамике. Данная трансформация научной парадигмы вернула исследовательский фокус на человека как носителя языка и познающего субъекта, что коренным образом изменило вектор лингвистических изысканий [Воркачев 2001: 64].

Антропоцентрический подход подразумевает переориентацию внимания исследователей с объектов исследования на субъект – рассматривается человек в языке и язык как проявление человеческой деятельности.

В рамках антропоцентрической парадигмы развиваются различные направления, среди которых особое значение имеют когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как механизм восприятия и обработки информации, изучая процессы категоризации, осмысления и накопления знаний о мире, а также способы, которыми язык их кодифицирует. Лингвокультурология, как междисциплинарная область, объединяющая лингвистику и культурологию, исследует взаимосвязи между языком и культурой, рассматривая их взаимодействие как единое целое, где языковое содержание тесно переплетается с культурным и внеязыковым [Воробьев 1996: 4].

Для углублённого анализа феномена языковой личности целесообразно применить методологический аппарат когнитивной лингвистики. В рамках

данного подхода особое внимание будет уделено исследованию ментальных механизмов репрезентации языкового знания. Наша задача заключается в интерпретации языковых фактов и категорий через призму их связи с когнитивными структурами. Мы стремимся установить соответствие между языковыми формами, их ментальными коррелятами и теми фрагментами опыта, которые они актуализируют в качестве элементов системы знаний.

Когнитивная лингвистика является важным направлением в современной лингвистике, которое изучает процессы категоризации, систематизации и концептуализации окружающей действительности через язык. Она также исследует связь между языком и мыслительными процессами человека, а также роль языка в аккумуляции человеческого опыта.

Когнитивная лингвистика изучает концепты и фреймы, которые являются когнитивными основами и содержат в себе культурно-обусловленные знания о мире.

Вторая половина XX века стала переломным моментом в развитии лингвистики, когда фокус стал направлен на когнитивный аспект языковой системы. Это привело к более глубокому пониманию природы языка и возникновению новых научных направлений, таких как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, анализ дискурса, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика и другие.

Предмет изучения когнитивной лингвистики – это формирование и представление знаний в языке, «... стержнем этой науки является ее направленность на получение знания о знании, и в фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями, относящиеся к его накоплению и систематизации, его росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, его мышлении и процессах коммуникации» [Кубрякова 2004]. Таким образом, когнитивная лингвистика – это та дисциплина, которая изучает язык как

средство когниции, а именно как процесс познания, который связан с восприятием, мышлением, вниманием, памятью, решением проблем и принятием решений.

В рамках данного исследования принципиально важным представляется анализ взаимосвязи между знаниями, объективированными в языковых структурах, и познающим субъектом как целостной системой восприятия, осмысления и практического взаимодействия с действительностью. Первичная обработка информации происходит через сенсорное восприятие, за которым следует когнитивная интерпретация, формирующая целостный образ окружающего мира. Этот процесс детерминирован комплексом культурных, социальных и индивидуально-психологических факторов. Как отмечает А.А. Залевская, «речевая организация человека понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как функциональная динамическая система», при этом «лексикон человека... отражает ту картину мира, которая хранится в сознании» [Залевская 1990].

Лингвокогнитивный подход к изучению языковой личности предполагает рассмотрение языковых единиц как вербальных репрезентаций глубинных мыслительных процессов. Такой подход основывается на понимании языка как двуединого феномена, выполняющего одновременно коммуникативную и когнитивную функции. Исследование в данном ключе направлено на реконструкцию структур знания, лежащих в основе языковой деятельности и определяющих специфику индивидуального и коллективного языкового сознания. Этот методологический ракурс позволяет выявить глубинные механизмы взаимодействия языковых форм и ментальных репрезентаций, что имеет принципиальное значение для понимания природы языковой личности как носителя культурно обусловленной картины мира.

Лингвокогнитивный подход позволяет выявить универсальные и индивидуальные особенности языковой личности, а также определить, как они проявляются в различных контекстах общения.

В лингвокогнитивной лингвистике концепт играет ключевую роль в процессе понимания и интерпретации текстов. Он представляет собой базовую единицу мыслительной деятельности человека, которая отражает его знания, опыт и представления о мире. Концепты формируются на основе различных источников информации, включая язык, культуру, личный опыт и социальные взаимодействия.

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология исследуют языковую деятельность через призму диады «язык – человек», используя интегративный подход. Основными понятиями, объединяющими эти направления, являются «концепт» и «картина мира». В когнитивной лингвистике концепт определяется как единица ментальной системы, отражающая конкретный фрагмент знаний, хранимых в сознании – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона и концептуальной системы» [Кубрякова 1996: 90].

В рамках лингвокультурологии особый исследовательский интерес вызывают культурные концепты, трактуемые как «культурно-ментально-языковые» образования. Эти концепты выступают своеобразными концентратами культуры в сознании индивида, где культурные смыслы транслируются в ментальный мир человека посредством языковых знаков и связанных с ними когнитивных комплексов - образов, ассоциативных связей и ценностных доминант [Степанов 2001: 14].

Многие ученые подчеркивают различие между когнитивным и лингвокультурным концептами. Так, Г.Г. Слышкин указывает, что для когнитивистской парадигмы одному концепту соответствует одна языковая единица, тогда как лингвокультурный концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. «может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи», и агрегирует несколько языковых средств; кроме того, в когнитивной лингвистике каждому слову соответствует свой концепт, а в лингвокультурологии концепты – это преимущественно

абстрактные культурно значимые единицы [Слышкин 2004: 22-23].

С.Г. Воркачев отмечает, что лингвокультурологический интерес сосредоточен на изучении специфики ментальных единиц конкретной культуры, в то время как когнитивные исследования ориентированы на выявление универсальных закономерностей формирования ментальных представлений [Воркачев 2001: 43-44]. Таким образом, ценностный компонент является существенным отличием культурного концепта от когнитивного.

В рамках когнитивной лингвистики проводится разграничение между языковой и концептуальной картинами мира. Концептуальная картина мира обладает более широким охватом, поскольку включает не только вербально выраженные, но и невербальные формы репрезентации действительности в сознании человека.

Лингвокультурологический подход дополняет это разделение, вводя понятие ценностной картины мира. Ключевые характеристики ценностной картины мира заключаются в следующем:

- она сочетает универсальные общечеловеческие ценности с культурно-обусловленными элементами;
- её содержание раскрывается через систему взаимосвязанных оценочных категорий, которые соотносятся с правовыми нормами, религиозными доктринами, этическими принципами и народными обычаями.
- она включает культурные доминанты, формирующие тип культуры, которые поддерживаются и сохраняются в языке;
- ценностная картина неоднородна, поскольку отражает различия социальных групп;
- существует как на уровне коллективного, так и индивидуального сознания [Карасик 1996: 5].

Таким образом, лингвокультурология обосновывает важность рассмотрения ценностной картины мира в качестве самостоятельного феномена, существующего параллельно с языковой картиной мира.

Оба направления - и когнитивная лингвистика, и лингвокультурология - объединяет антропоцентрический подход, сосредоточенный на диаде "язык-человек", а также общий интерес к изучению концептов и картин мира. Однако между ними существуют существенные различия в трактовке ценностных компонентов и структурной организации исследуемых явлений.

Ключевое различие между лингвокогнитивным и лингвокультурным подходами заключается в их исследовательской направленности: если первый ориентирован преимущественно на индивидуальное сознание и когнитивные процессы, то второй делает акцент на культурных аспектах и коллективных представлениях.

Концепт в лингвокогнитивном подходе представлен как ментальное образование в сознании человека, которое моделирует и обобщает познавательную деятельность индивида. В этом подходе концепт связан с тем, как человек воспринимает, осмысливает и организует знания о мире, выраженных языком. Каждый концепт сопоставляется одной языковой единице, исследуется структура знаний и процесс их вербализации. Основное внимание уделяется тому, как индивид понимает и отражает мир, и как язык фиксирует эти ментальные структуры.

Лингвокультурный подход рассматривает концепт как базовую единицу культуры – комплексное ментальное образование, отражающее культурные знания, ценности и традиции, которые «входят» в сознание через язык. Фокус ставится на культурной специфике, ценностных ориентирах и коллективном сознании, а не только на индивидуальном восприятии. Концепты здесь представляют собой преимущественно абстрактные, значимые для культуры образования.

Эти два подхода не противоречат друг другу, а дополняют, являясь двумя сторонами одного и того же ментально-культурного процесса: лингвокогнитивный подход показывает, как индивид воспринимает и конструирует знания, а лингвокультурный – как культура формирует и

передаёт эти знания и ценности через язык и коллективное сознание. Представим эти различия в форме таблицы.

Таблица 1. Различия между лингвокогнитивным и лингвокультурным подходами

Аспект	Лингвокогнитивный подход	Лингвокультурный подход
Направление	От индивидуального сознания к культуре	От культуры к индивидуальному сознанию
Основной объект исследования	Познавательная деятельность индивида, ментальные структуры и концепты	Культурные знания, ценности, культурно значимые концепты
Соответствие концептов и языка	Один концепт – одна языковая единица	Один концепт – несколько языковых выражений
Концепты	Индивидуальные ментальные образования	Коллективные культурные образования
Фокус	Процессы восприятия, осмысления, категоризации	Культурные значения, ценностные ориентиры, традиции

В рамках данного исследования мы выделяем и рассматриваем лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы отдельно по причине их фундаментальных методологических и концептуальных различий, которые обуславливают специфику предмета, методов и целей этих

направлений.

Во-первых, лингвокогнитивный подход ориентируется на изучение связи языка с индивидуальным сознанием и когнитивными процессами. Концепты в данном подходе понимаются как ментальные структуры, отражающие способы восприятия, осмысления и категоризации индивидом окружающей реальности. Здесь акцент делается на внутренних когнитивных механизмах организации знаний и их вербализации в языке, при этом каждому концепту сопоставляется одна языковая единица, что позволяет выделять структурные и функциональные особенности ментальных представлений. Следовательно, данный подход исследует психологические основы формирования языковых значений, уделяя внимание познавательной деятельности личности и универсальным когнитивным закономерностям

Во-вторых, лингвокультурный подход фокусируется на влиянии культуры как коллективного феномена на язык и сознание. Концепты в данной парадигме рассматриваются в качестве комплексных культурно-ценностных образований, проникающих в ментальный мир через языковое выражение. Этот подход подчеркивает полиапеллируемость концептов – один концепт может быть представлен множественными языковыми средствами, что отражает его культурную многомерность и вариативность. Особое внимание уделяется отражению в языке национально-культурных особенностей, традиций, ценностных ориентаций и коллективных смыслов, что выводит исследование на уровень культурологических и социолингвистических аспектов языка.

Третьим существенным аспектом является различие в научных парадигмах и используемых методах. Лингвокогнитивный подход базируется на принципах когнитивной науки и психолингвистики, ориентирован на выявление универсальных механизмов мышления и восприятия через анализ языка. В то время как лингвокультурный подход опирается на культурологию, этнолингвистику и социолингвистику, акцентируя внимание на культурной

спецификации языковых явлений и коллективной памяти.

Важным фактором разделения является также ценностный компонент. В лингвокогнитивном подходе ценности рассматриваются через призму структуры и организации знаний, тогда как в лингвокультурологии ценностный аспект является основным, фиксируя культурные нормы и «систему ценностей», господствующую в конкретном обществе.

Таким образом, рассмотрение лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов обусловлено различиями в объекте и предмете исследования, методологии, а также целевых ориентирах. Это позволяет адекватно отражать и анализировать различные уровни взаимодействия языка, сознания и культуры, и более полно раскрывать сложность языкового феномена в многоаспектной лингвистической картине мира.

1.4. Дипломатический дискурс как институциональный тип коммуникации

Дипломатический дискурс представляет собой один из наиболее формализованных и институционально детерминированных типов профессиональной коммуникации. Как отмечают исследователи, природа любого дискурса определяется, во-первых, спецификой агента социального действия [Шейгал 2004] и, во-вторых, его интенциональной базой [Шейгал 2004; Ушакова, Павлова 2000].

В современной лингвистике наблюдается интерес к лингвистическому исследованию дипломатического дискурса. Т.А. Волкова в своем научном исследовании выявила специфические особенности и конститутивные признаки дипломатического дискурса, изучила стратегии дипломатической коммуникации на материале английского и русского языков [Волкова 2007].

В диссертационной работе Е.Ю. Оберемченко исследован прагмалингвистический аспект особенностей речевого поведения

русскоговорящих и немецкоговорящих дипломатов [Оберемченко 2011]. Л.М. Терентий в своей работе описал интенциональную структуру дипломатического дискурса успешного типа и установил, что успех дипломатической коммуникации зависит от индивидуальных особенностей личности дипломата [Терентий 2017]. Монографическое исследование М.В. Белякова посвящено исследованию лингвоаксиологических и лингвосемиотических особенностей дипломатического дискурса [Беляков 2021]. О.В. Александрова и И.Э. Стрелец исследовали особенности построения дипломатического дискурса, его дискурсивные характеристики [Александрова, Стрелец 2021].

Эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе анализируются в исследовании М. Сунь [Сунь 2024].

Т.С. Большакова в своем исследовании исследует военно-дипломатический дискурс как новый тип гибридного институционального дискурса и анализирует его в соответствии с критериями институционального дискурса [Большакова 2025].

Исследование А.Г.Б. Салаховой посвящено описанию структуры языковой личности дипломата с учетом когнитивных и прагматических особенностей его речевой деятельности на примере дискурса министра иностранных дел Германии Франка Вальтера Штайнмайера [Салахова 2016]. Особенности реализации языковой личности в рамках дипломатического дискурса в разных временных условиях изучаются в исследовании М.В. Белякова и О.И. Максименко [Беляков, Максименко 2020].

Функционирование дипломатического дискурса неразрывно связано с системой международных отношений и внешнеполитической деятельностью суверенных государств, что определяет его ключевые характеристики: строгую нормативность, высокую степень конвенциональности и ярко выраженную целенаправленность. Институциональная природа дипломатического дискурса проявляется, прежде всего, в его жёсткой

функциональной заданности. Его основной функцией является регулирование межгосударственных отношений – от установления контактов и ведения переговоров до урегулирования конфликтов и заключения международных договоров. В таком контексте любое речевое действие, будь то нота, коммюнике или официальное заявление, приобретает статус политического акта, который влечет за собой конкретные правовые и политические последствия.

Сущностные характеристики дипломатического дискурса определяются конфигурацией его ключевых параметров: статусно-ролевых характеристик агента, типологии адресата и интенциональной направленности. Агентный состав представлен стратами высшего политического руководства и профессиональных дипломатов. Адресат дипломатического дискурса также характеризуется дуализмом. В зависимости от коммуникативного контекста им может выступать как массовая аудитория, опосредованная каналами СМИ, так и профессиональное сообщество в рамках закрытых межведомственных или межгосударственных контактов. Соответственно, в структуре дипломатического дискурса выделяются два коммуникативных пространства – публичное и закрытое, каждому из которых присущи свои целевые доминанты. В публичном пространстве доминирует информационно-воздействующая функция, направленная на легитимацию внешнеполитического курса. В закрытом пространстве приоритетной является функция достижения конкретных договоренностей, реализуемая через механизмы переговорного процесса.

Как подчёркивает А.А. Леонтьев, в основе высказывания лежит «иерархия пропозиций», которая формируется «на базе определенной стратегии ориентировки в описываемой ситуации, зависящей от «когнитивного веса» того или иного компонента ситуации» [Леонтьев 2003: 114]. Именно индивидуальность этого восприятия позволяет выделить ключевую фигуру – языковую личность дипломата, чьи способности

определяют успех коммуникации. Это порождает специфический «дипломатический язык» – систему клишированных формул, эвфемизмов и лаконичных, но семантически ёмких конструкций. Классическим примером является дипломатический лексикон, где такие формулы, как «обмен мнениями был откровенным и конструктивным» или «стороны договорились продолжить консультации», имеют чётко закреплённые значения.

Таким образом, дипломатический дискурс – это разнонаправленная деятельность в двух контекстах: публичном и закрытом. Профессиональный язык дипломата – это своеобразный «эзопов язык», где, например, формулировки «Стороны едины в том» и «Было выражено обоюдное стремление сторон» для дипломата обозначают разную степень согласия [Ковалев 1993].

Публичная форма дипломатического дискурса служит трансляцией государственных целей, и её успех зависит от коммуникативной компетенции языковой личности дипломата. Однако эта форма – лишь видимая часть. Основной массив дипломатической коммуникации носит закрытый, конфиденциальный характер, что позволяет рассматривать дипломатический дискурс также и как форму специализированного научного общения.

Двойственная природа целеполагания в дипломатическом дискурсе проявляется в его функциональной амбивалентности. С одной стороны, он служит каналом публичной легитимации внешнеполитического курса, с другой – выступает инструментом для достижения конфиденциальных договорённостей в рамках закрытых переговоров. Таким образом, дипломатическая коммуникация эволюционирует от простого обмена информацией до формы сложноорганизованной деятельности, в которой речевые акты непосредственно конституируют политическую реальность.

На публичном уровне дискурс дипломатии демонстрирует структурную близость с дискурсом политическим. Это родство, во-первых, определяется доминированием регулятивной функции, направленной на воздействие

[Шейгал 2004: 34]. Во-вторых, наблюдается конвергенция стратегических установок: риторика «защиты национальных интересов» нередко маскирует практики, нацеленные на доминирование и установление контроля. Подобная логика, как отмечает В.И. Попов, особенно характерна для дипломатии сверхдержав, склонных проецировать собственные модели мироустройства на глобальную арену [Попов 2003: 451].

В современную эпоху граница между политическим и дипломатическим общением становится всё более условной. Под влиянием глобализации, медиатизации и экономизации международных отношений происходит гибридизация дискурсивных форматов. Общей чертой публичной коммуникации в обеих сферах становится её перформативность, ритуализованность и ориентация на драматургический эффект [Шейгал 2004].

Публичный дипломатический дискурс можно интерпретировать как специализированную подсистему в рамках политической коммуникации. Он заимствует её базовые функции и стратегии, но адаптирует их для решения задач международного взаимодействия в условиях строгого институционального регламента. Его исследование требует учёта дуальности: ориентации на широкую аудиторию при одновременном сохранении закрытого профессионального кода, что делает его уникальным объектом для междисциплинарного анализа. Дипломатический дискурс можно определить как специализированный институциональный тип коммуникации, который осуществляется уполномоченными агентами – государствами, международными организациями, в строго нормативном поле с целью регулирования межгосударственных отношений. Его анализ требует учёта трёх взаимосвязанных аспектов:

- 1) нормативно-протокольных рамок,
- 2) двойственной природы,
- 3) стратегической ориентации на достижение конкретных политико-правовых результатов.

Это делает его сложным объектом исследования, находящимся на пересечении лингвистики, политической лингвистики, социолингвистики, политологии, истории и теории международных отношений.

ВЫВОДЫ

Изучив теоретические основы исследования языковой личности в современной лингвистике и проанализировав ключевые концепции языковой личности, разработанные Г.И. Богиным, С.Г. Воркачевым, Ю.Н. Карауловым, В.И. Карасиком и другими исследователями, мы рассматриваем языковую личность как сложный, многоуровневый и динамический феномен, который проявляется в использовании языка в качестве культурного кода, репрезентирующего мировоззренческие установки, ценностные ориентиры и этнокультурные особенности индивида как носителя языка. Языковая личность выполняет функцию материализации языкового менталитета. Понимание этих концепций важно для анализа общения и идентичности человека. Язык формирует мировоззрение человека, отражая его культурную идентичность и национальный менталитет.

В данной работе мы придерживаемся мнения, что языковая личность представляет собой многоаспектный феномен, требующий разностороннего рассмотрения. Исходя из задач нашего исследования, мы рассматриваем языковую личность дипломата, детерминированную национальными и профессиональными факторами, через призму ее лингвокогнитивной организации. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость анализа ее этнокультурных, когнитивных и лингвокультурологических особенностей.

Данный подход позволяет рассматривать языковую личность как:

- носителя этнокультурных языковых моделей;
- репрезентанта коллективного языкового сознания;
- воплощение «говорящего человека» как научной абстракции.

Языковая личность отражает идентичность человека как носителя языка,

его отношение к языковым нормам, традициям и культурным аспектам. Такой ракурс исследования особенно продуктивен при анализе взаимосвязи языковых структур и культурных кодов.

В исследовании мы используем термин «языковая личность», поскольку он наиболее полно отражает аксиологические, ментальные и культурные особенности индивида. Данное понятие неразрывно связано с языковой картиной мира, которая, в свою очередь, представляет собой воплощение ценностной, аксиологической картины мира, находящей своё отражение в языке.

Взаимодействие между языковой картиной мира и ее носителем – языковой личностью – определяет подвижный характер мировосприятия, которое трансформируется под влиянием культурной среды и индивидуального опыта. Эта динамика основана на том, что языковая картина мира представляет собой исторически сформированное в сознании членов языкового сообщества обоснование их восприятия реальности, отображаемое через язык и определенные схемы концептуализации действительности. Однако языковая картина мира, будучи вербализованной и социально закреплённой, является лишь частью более широкого и сложного ментального образования – концептуальной картины мира.

Концептуальная картина мира – это упорядоченная система знаний об объектах, релевантных для познавательной и практической деятельности человека. Языковая картина мира и концептуальная картина мира рассматриваются как отражение ментальных и культурных особенностей носителя языка.

Базовой единицей концептуальной картины мира выступает концепт, который аккумулирует в себе многоаспектное содержание: понятийное, эмоциональное, ассоциативное, вербальное и культурологическое. Важную роль играют лингвокультурные концепты, служащие ключевыми единицами в анализе сознания носителя языка с учётом культурных ценностей.

Национальная уникальность концептуальной системы находит свое выражение в наличии специфических концептов, составляющих культуру данного народа.

Особое место занимает рассмотрение лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов, раскрывающих разные аспекты исследования языковой личности дипломата. Лингвокогнитивный подход ориентируется на индивидуальное сознание, познавательную деятельность и моделирование знаний о мире через язык, где каждому концепту соответствует отдельная языковая единица. Данный подход фокусируется на индивидуальном сознании и когнитивных процессах восприятия и обработки информации человеком через язык и дискурс. В этом аспекте языковая личность рассматривается как носитель ментальных структур и концептов, отражающих индивидуальное восприятие мира, организованное и вербализованное посредством языковых средств. Такой подход акцентирует внимание на познавательной деятельности индивида, механизмах формирования и структурирования знаний и умений в языке.

Лингвокультурный подход, напротив, изучает коллективное сознание, культурные ценности и традиции, отражающиеся в языке, а концепты выступают как многомерные культурные образования, представленные несколькими языковыми средствами. Языковая личность и концепт выступают центральными понятиями лингвокультурологии, отражающими ментальность и менталитет усреднённого носителя языка. Эти категории выполняют важную методологическую функцию, позволяя реконструировать типизированный образ «говорящего человека» [Воркачев 2001]. В этом подходе концепты являются комплексными культурно-ментальными образованиями, выражаемыми множественностью языковых средств – полиапеллятивность. Языковая личность здесь выступает как хранитель и носитель национально-культурного прототипа, что обуславливает её речевое поведение и мировоззрение. Разница между этими подходами заключается в

направлении их внимания: когнитивный подход движется от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – от культуры к индивидуальному сознанию.

При изучении языковой личности, необходим комплексный и многоаспектный подход, учитывающий как когнитивные, так и культурные факторы, что позволяет полноценно раскрыть сущность данного феномена, что покажет ментальные и культурные особенности носителя языка. Таким образом, с точки зрения формирования и исследования языковой личности важно учитывать подходы отдельно, поскольку первый раскрывает механизмы когнитивного восприятия и речевой активности на индивидуальном уровне, а второй – культурно-ценностные аспекты, влияющие на речевое поведение в коллективном и социальном измерениях.

Также, отметим, что публичный дипломатический дискурс представляет собой специализированную институциональную подсистему политической коммуникации, он наследует ключевые функции и прагматические стратегии, но трансформирует их для нужд международного взаимодействия в условиях жёсткого нормативного поля. Его сущность определяется фундаментальной дуальностью: одновременной ориентацией на массовую аудиторию и использованием закрытого профессионального кода. В этой связи анализ дипломатического дискурса должен фокусироваться на трёх взаимосвязанных аспектах:

1. Нормативно-протокольных рамках, задающих формальные правила коммуникации.
2. Двойственной природе его реализации.
3. Стратегической направленности на достижение конкретных политических и правовых результатов.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

2.1. Концептуализация языковой личности в дискурсе

Изучение концептов в данном исследовании подчинено задаче моделирования языковой личности дипломата. В этом контексте концепт выступает операциональной единицей анализа, позволяющей через дискурсивные практики выявить ценностные и когнитивные доминанты, характеризующие профессиональное сознание языковой личности дипломата.

В лингвокогнитивном анализе концепты используются для выявления ключевых идей и значений, которые лежат в основе текста или дискурса. Концепты выполняют функцию репрезентантов языковой картины мира, будучи носителями национально-культурно маркированного содержания. Они аккумулируют и транслируют специфику коллективного менталитета и ценностных ориентаций. Таким образом, концепт является центральной категорией лингвокогнитивного подхода, обеспечивающей методологическую основу для интегрального исследования взаимосвязей между ментальными процессами, языковым выражением и культурным контекстом.

Для Ю.И. Степанова концепт – это эквивалент культуры в сознании человека, «...то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также средство, с помощью которого человек «входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 50]. Ученый отмечает, что концепт обладает сложной двойственной природой: с одной стороны, концепту «принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков

содержания история; современные ассоциации; оценки, и т. д.» [там же]. Согласно Ю.С. Степанову, «концепты не только мыслятся, они переживаются», это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру» [Степанов 1997: 41-42]. Д.С. Лихачев в труде «Концептосфера русского языка» отмечает, что концепт «...снимает разногласия, различия в понимании значения слова <...> он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества <...> для эмоциональной ауры слова», так как сила концепта – в его «подстановочной» роли в языке [Лихачев 1997: 280]. С.Х. Ляпин объясняет концепты как культурные гены, входящие в генотип культуры и определяющие феноменологическую поверхность культуры [Ляпин 1997]. А.А. Залевская под концептом понимает «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2001: 38].

Для анализа дискурса принципиально важным является разграничение понятия и концепта. Если понятие фиксирует договорённости о значении, то концепт отражает глубинные, часто индивидуальные смыслы, актуализируемые языковой личностью в процессе коммуникации.

В.З. Демьянков, проанализировав «понятие» и «концепт» в разнообразных узусах, пришел к заключению о том, что понятия – это «то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем», однако концепты «существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» [Демьянков 2001: 40]. В.В. Колесов в «Язык и ментальность» разграничивает «концепт» и «понятие», утверждая, что концепт – это «сущность понятия <...> явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе», понятие же – это «явленность концепта в виде одной из его содержательных форм» [Колесов 2004: 145]. Как подчёркивает В.П. Нерознак, ключевое различие между концептом и понятием состоит в отсутствии у концепта

однозначного словесного эквивалента; учёный определяет концепт как «особый абстрагированный образ, отражающий фрагмент национальной картины мира с помощью слов» [Нерознак 1998: 83].

Н.Д. Арутюнова трактовала концепты как «понятия жизненной философии», отражающие национальное мировоззрение; также концепт обеспечивает передачу культурного кода этноса поколениям [Арутюнова 1993: 3-7]. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев также придерживались подхода, заключавшегося в том, что единственным способом создания содержания концепта является использование семантики языка. Е.С. Кубрякова дает определение концепта как лингвокогнитивного явления, служащего «объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90-93]. Лингвист подчеркивает, что «концепт» и «понятие» «характеризуют различные аспекты человеческого сознания и мышления», так как «концепт» – более объемный термин, обозначающий «разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [Кубрякова 2012: 15]. Д.С. Лихачев и Е.С. Кубрякова подчеркивают, что концепт формируется не непосредственно из лексического значения слова, а через взаимодействие этого значения с индивидуальным и коллективным опытом человека. Таким образом, концепт выступает связующим звеном между языковыми единицами и действительностью.

В.И. Карасик определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта». Для анализа языковой личности в дискурсе важно, что эти фрагменты опыта не просто хранятся в сознании, но и определяют речевое поведение индивида. Именно через обращение к концептам в процессе коммуникации языковая личность

демонстрирует свою принадлежность к определенной культуре и профессиональной среде. Согласно исследованиям, концепты фиксируются в сознании в виде стереотипов, что способствует передаче и сохранению информации как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Это обуславливает наличие трёх ключевых аспектов концептов: образно-перцептивного, понятийного и ценностного [Карасик 2009]. Применительно к дипломатическому дискурсу ценностный аспект приобретает особую роль, так как именно он определяет оценочные суждения и стратегии вежливости, характерные для речи дипломата. В.И. Карасик обращает внимание на «принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым <...> способы языкового закрепления концепта рассматриваю в качестве его знаковой формы» [Карасик 2009]. В работах В.И. Карасика концепт получает определение как точка повышенной смысловой плотности, образующаяся на пересечении многочисленных ассоциативных связей. Совокупность подобных узлов образует целостное «концептуальное пространство» как отражение языкового сознания [Карасик 1999: 39]. Выделение ценностного и значимостного компонентов в структуре концепта имеет прямое отношение к анализу языковой личности в дискурсе. Именно эти компоненты определяют выбор языковых средств, интонацию и аргументацию, характерные для конкретной профессиональной или социальной группы, в данном случае – дипломатов.

Среди существующих подходов особое место занимает лингвоцентрическая классификация, в рамках которой выделяются предметные, признаковые и событийные концепты [Карасик 2009]. Согласно другому подходу, «осмысленные фрагменты опыта соотносятся с картинками, картами, сценариями, фреймами, гештальтами» [там же]. В рамках данного исследования особый интерес представляют лингвокультурные аспекты, что предполагает фокусировку на концептах, наиболее ярко отражающих

культурную специфику языкового сообщества, – так называемых культурных концептах: «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [там же]. В научной литературе концепты принято делить на два фундаментальных типа: параметрические и непараметрические. Параметрические концепты отражают пространственные, временные, количественные и качественные характеристики явлений. Непараметрические концепты обладают предметной содержательностью и, в свою очередь, подразделяются на следующие виды: 1) регулятивные, включающие в себя оценочный кодекс конкретной лингвокультуры; 2) нерегулятивные, представляющие собой разнообразные ментальные образования, такие как «путешествие», «подарок» или «здоровье» [там же].

С.Г. Воркачев приравнивает концепт к единице национального менталитета, к способу категоризации знания, к специфическому индивидуальному и групповому способу мировосприятия, так как «его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задаётся самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но и создает его» [Воркачев 2004: 67]. Исходя из данного положения, исследователь выделяет телеономные концепты, такие как любовь, справедливость, и нетелеономные концепты – путешествие, визит, внимание. Значимостная составляющая концепта определяется «местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени» [Воркачев 2004: 7]. Развивая данную мысль, лингвист определяет концепт как сложную ментальную единицу, выходящую за пределы фиксированного лексического значения. Он рассматривается как целостное образование, интегрирующее языковые и внеязыковые компоненты и формирующееся в процессе

взаимодействия человека с окружающей действительностью, что обуславливает его центральную роль в процессах мышления и коммуникации [Воркачев 2001]. В своих работах С.Г. Воркачев выделяет следующие ключевые характеристики концепта:

1. Многоуровневая структура. Концепт включает чувственный, когнитивный и эмоциональный слои, что обеспечивает его связь не только с языковым значением, но и с культурными, социальными и аффективными аспектами сознания.

2. Когнитивная значимость. Концепты выполняют функцию организации системы знаний и представлений носителей языка, обладая разветвленной сетью ассоциативных связей, специфика которых может варьироваться в зависимости от культурного контекста.

3. Динамичность и вариативность. Ученый подчеркивает подвижный характер концептов, отмечая их способность к эволюции и трансформации под влиянием социокультурных изменений [там же].

В рамках лингвоконцептологии С.Г. Воркачев предлагает следующее определение лингвоконцепта. В узком «содержательном» понимании концепты трактуются им как «понятия жизненной философии» этноса, получившие лексическое закрепление и выступающие гарантами устойчивости и трансляции его духовной культуры. В более широкой трактовке границы этой категории расширяются до любого культурного смысла, получившего вербальное выражение и обладающего – даже минимальной – этнической маркированностью [Воркачев 2007: 15].

В трактовке концепта Т.В. Евсюковой и Е.Ю. Бутенко сознание выступает как сфера локализации концепта, тогда как культура определяет его содержание и специфику. Согласно данной концепции, концепт представляет собой «ментальную проекцию объективных элементов культуры», в то время как язык и речь выполняют функцию «сфер, в которых концепт находит своё предметное воплощение» [Евсюкова 2016]. А.С. Аскольдов определял

концепт как «семантическую метку» – имя «архивированного файла», отправляющее к «свернутому» информационному блоку, включенному в индивидуальную систему знаний [Аскольдов 1997: 269]. Концепт может быть рассмотрен как «свернутый текст». Согласно В.Н. Телия, концепты могут быть сгруппированы в форму эпизода, сцены, фрагмента сценария или даже всего сценария целиком [Телия 1988]. Концепты обычно создаются в процессе понимания мира как сенсорные модели, которые позднее вербализируются или возникают в результате освоения языка носителем [Юсупова 2014: 156]. Концепты часто находят свое отражение в языке, а их языковые воплощения представляют собой важный инструмент для понимания мыслительных процессов и одновременно служат способом сохранения и передачи знаний о мире.

Обобщая существующие подходы к определению данного феномена, можно заключить, что концепт представляет собой культурно-детерминированную единицу, аккумулирующую и сохраняющую коллективный опыт этноса. Специфика концептов заключается в их ценностной природе – они отражают культурно значимые характеристики действительности. Исходя из понимания языковой личности как интегрального единства сознания, культуры и речи, центральным элементом её структуры и, соответственно, ключевой единицей нашего анализа выступает концепт. В данной работе мы оперируем им как дискурсивно репрезентированной когнитивной структурой, несущей в себе культурно-обусловленное ценностное содержание. Такой подход позволяет выявить и описать иерархию значимых смыслов в картине мира дипломата, установив их связь как с национальной культурной традицией, так и с конкретными речевыми стратегиями.

Анализ концепта предполагает использование как семантических, так и культурных способов исследования, а также учёт широкого культурного, философского и исторического окружения для точного и наиболее

всеобъемлющего раскрытия смысла концепта. В.И. Карасик включает следующие шаги: 1) дефинирование; 2) анализ контекста; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) анкетирование, интервьюирование [Карасик 2002: 131]. В нашем исследовании анализ концепта включает в себя этапы, обозначенные В.И. Карасиком, за исключением анкетирования и интервьюирования.

В рамках лингвокогнитивного подхода, ориентированного на реконструкцию структур сознания через язык, центральной единицей анализа выступает концепт. Концепт понимается как комплексное ментальное образование, опосредующее связь между индивидуальным и коллективным опытом, культурой и языком. Когнитивная лингвистика трактует язык как сложную познавательную систему, не ограничиваясь его коммуникативной функцией. Согласно этому подходу, язык выступает активным участником мыслительных процессов, будучи неразрывно связанным с механизмами восприятия, осмысления и запоминания действительности. В отличие от традиционных представлений, язык здесь понимается не как нейтральное средство передачи информации, а как динамическая система, которая формирует и одновременно отражает индивидуальную и коллективную картину мира, включая когнитивные, эмоциональные и культурные составляющие.

Концепт, представляющий собой «сгустки культуры», является ключевой единицей, позволяющей понять как индивидуальное, так и коллективное восприятие мира, а анализ концептов раскрывает взаимосвязь между мышлением, языком и культурой. Он фиксирует знания и опыт человека, трансформируясь под воздействием культурного контекста и исторического времени. Концепт применяется для анализа конкретных языковых форм и их культурных ассоциаций. В рамках когнитивной лингвистики концепт рассматривается как важнейший инструмент для понимания языка как формирующего мышление и восприятие. Так как

языковая личность рассматривается нами как единство сознания, культуры и речи, ключевой единицей анализа становится концепт. Для лингвистического исследования, нацеленного на сопоставление, необходимо понятие, фиксирующее связь универсального концепта с конкретной языковой системой. Исследование концепта позволяет увязать ментальные структуры с конкретными языковыми средствами в дипломатическом дискурсе. В анализе языковой личности изучение концептов и концептосферы имеет главенствующее значение.

2.2. Количественное соотношение лексикона российских и британских дипломатов

Квантитативный анализ используется в качестве метода исследования лексикона языковой личности позволяя исследователям систематически собирать и анализировать статистические данные о частоте использования определенных слов и грамматических конструкций, что в свою очередь помогает выявить уникальные особенности речи и стиля.

Поскольку концепты имеют языковую объективизацию, то есть выражаются средствами конкретного языка, представляется возможным провести квантитативный анализ лексикона британских и российских дипломатов. На основе полученных количественных данных в дальнейшем предполагается охарактеризовать языковую личность представителей двух дипломатических культур через вербальный срез их концептосферы.

Для изучения количественных характеристик лексических единиц были использованы лингвостатистический и квантитативный методы, позволившие осуществить сопоставительный анализ употребительности данных единиц. Основным результатом работы стали таблицы, отражающие наиболее частотные единицы в выступлениях дипломатов. Квантитативный показатель выступил в качестве маркера, определяющего принадлежность концепта к

категории ключевых, а также позволил сделать вывод о том, в каком из языковых вариантов концепт получил более активную вербализацию.

Анализ проводился нами на материале 100 выступлений британских дипломатов, опубликованных на сайте www.gov.uk, www.bbc.co.uk, в газетах The Guardian, The Telegraph. Анализ выступлений был сделан с помощью сервисов Miratext, Istio, WordTabulator. Данные платформы позволили выявить 20 самых частотных лексических единиц.

В данном исследовании с помощью количественного метода мы создали «словник» дипломатов, далее мы рассмотрим, как один концепт может быть выражен различными нюансами значений, т.е. вербализован несколькими словами.

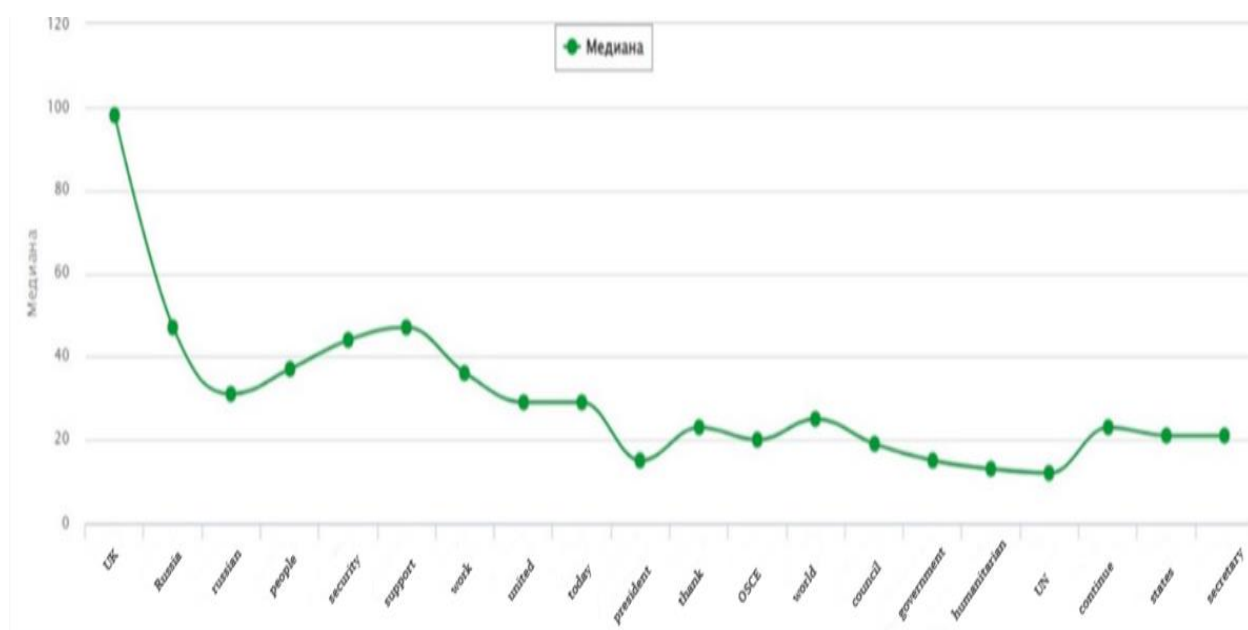

Рисунок 1 – 20 самых частотных лексических единиц в речах британских дипломатов

Помимо служебных частей речи, нами были удалены из анализа следующие лексические единицы: *Ukraine, international, rights, foreign*. Так как исследование проводилось с 2020 по 2025 год, в период, когда обстановка на

международной арене была чрезвычайно напряженной и результат с частотным упоминанием «Ukraine» был вполне предсказуем. Лексемы «international», «rights» и «foreign», представляют концепты, имеющие сходное семантическое наполнение в речах российских и британских дипломатов. Интерес для нашего исследования представляют лексемы, векторизирующие концепты, демонстрирующие разный менталитет языковых личностей.

Задача дипломата представлять интересы государства, тем самым обеспечивать его устойчивость и безопасность, поэтому лексическая единица «security» входит в 20-ку самых упоминаемых слов. Приведем несколько примеров: «...*the events which led to the deteriorating security situation we find ourselves in today*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/osce-forum-for-security-cooperation-opening-session-uk-statement>], «*Their diversion and misuse cost hundreds of thousands of lives every year, undermine security and sustainable development*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/osce-forum-for-security-cooperation-opening-session-uk-statement>], «*We are adapting to a more competitive world, seeking to lead in security, diplomacy, development and poverty reduction*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/world-peace-forum-beijing-reshaping-relations-among-major-powers>] (пер. «...*события, которые привели к ухудшению ситуации в области безопасности, в которой мы находимся сегодня*», «*Их отвлечение и неправильное использование ежегодно уносят сотни тысяч жизней, подрывают безопасность и устойчивое развитие*», «*Мы адаптируемся к более конкурентному миру, стремясь лидировать в области безопасности, дипломатии, развития и снижения уровня бедности*»)).

Следом за гарантированием безопасности, дипломаты выражают поддержку дружественным государствам или призывают мировое сообщество выразить содействие какой-либо стороне: «*We also value the support you provide to OSCE field operations elsewhere in our region*»

[<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-acknowledges-importance-of-osce-conflict-prevention-centres-work>] (пер. «Мы также ценим поддержку, которую вы оказываете полевым операциям ОБСЕ в других частях нашего региона»).

Права человека – неотъемлемое достояние всех людей, они находятся под защитой международного права, дипломаты регулируют и контролируют положения с правами человека в различных странах мира: «*Ms. Nicola Murray, Deputy Head of the UK Delegation to the OSCE, condemns ongoing human rights violations*» [<https://www.gov.uk/government/news/ongoing-violations-of-human-rights-in-illegally-uk-statement>], «*We condemned the military coup in Myanmar, and once again we call on the military junta to return power to a democratically elected government, and end its serious human rights violations against the people of Myanmar*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-48-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-independent-investigative-mechanism-for-myanmar>] (пер. «Г-жа Никола Мюррей, заместитель главы делегации Великобритании в ОБСЕ, осуждает продолжающиеся нарушения прав человека», «Мы осудили военный переворот в Мьянме и еще раз призываем военную хунту вернуть власть демократически избранному правительству и положить конец его серьезным нарушениям прав человека в отношении народа Мьянмы»).

Дипломатия – это искусство общения на международном уровне, чем больше у страны поддержки со стороны других государств, тем она сильнее, ее интересы актуальнее. Мы не включали в анализ местоимения и другие служебные части речи, однако, считаем важным упомянуть о местоимениях «I» и «We» в речах дипломатов. Заручаясь мировой лояльностью, британские дипломаты заявляют о доминировании: «*The UK, alongside its international partners, will continue...*» [<https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-and-us-expose-global-campaigns-of-malign-activity-by-russian-intelligence-services>] (пер. «Великобритания вместе со своими международными партнерами продолжит...»). «I» наиболее частотно используется в следующих

конструкциях: «*Finally, if I may, Mr President, as others, including President Lourenço, have raised the issue of...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/addressing-the-fragile-security-and-political-situation-in-the-central-african-republic>], «*Thank you Foreign Minister Linde, Excellencies, friends, I am very pleased to be joining you here today*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>], «*I am delivering this statement on behalf of the following thirty five participating States*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/human-rights-in-belarus-35-osce-states-invoke-vienna-mechanism>] (пер. «*Наконец, если позволите, господин Президент, поскольку другие, включая президента Лоренсу, подняли вопрос о...*», «*Спасибо министру иностранных дел Линде, Ваши Превосходительства, друзья, я очень рад присоединиться к вам здесь сегодня*», «*Я выступаю с этим заявлением от имени следующих тридцати пяти государств-участников*»). В ситуациях, где дипломат нанес визит в посольство другой страны, приветствует представителя другого государства, он использует личное местоимение первого лица единственного числа, также в 11 случаях из анализируемых речей, местоимение сопровождалось словосочетанием «on behalf», а также такими грамматическими структурами, как «would like», «be pleased», «look forward to», «be grateful», «want». Поэтому, частотность этой единицы не нарушает общепринятое правило дипломатов быть в единении со страной и не высказывать личных позиций. Схожий комментарий можно дать по местоимению «you». В случае личного визита, дипломаты всегда сопровождают его такими клише, как «*Thank you Madam President*», «*Thank you for convening this meeting*», «*I wish you well with your probable mission to South Sudan*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-government-supports-training-of-zambia-peacekeeping-defence-forces>], «*Thank you for joining this critical event*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-co-hosts-afghanistan-pledging-conference-2022-foreign-secretarys-speech>] (пер. «*Благодарю вас, госпожа Президент*», «*Спасибо за созыв этой встречи*», «*Я*

желаю вам успехов в вашей возможной миссии в Южный Судан», «Спасибо, что присоединились к этому важному событию»). Поэтому данное местоимение используется в качестве персонального обращения исключительно в подобных конструкциях.

Мы хотели бы упомянуть служебную часть речи, частотность которой высока, а именно частица – «not». Английскому языку свойственны деликатные формулировки, в частности хеджирование. Дипломатическому дискурсу это присуще особенно, так негативная частица «not» помогает сделать высказывание политически корректным. Так, вместо фразы «*it is difficult for us*» (пер. «это сложно для нас»), британский дипломат говорит «*This is not easy for any of us*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/pm-opening-remarks-at-press-conference-with-german-chancellor-olaf-scholz-8-april-2022>], вместо «*war will be long*» (пер. «война будет длинной») → «*war will not end overnight*» [там же] (пер. «война не окончится в одночасье»), вместо «*The UK does not want to have difficult relationship with Russia*» (пер. «Великобритания не хочет иметь сложных отношений с Россией») → «*The current difficult relationship with Russia is not the one the UK wants*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/cs-speech-to-the-international-institute-for-strategic-studies>] (пер. «Нынешние сложные отношения с Россией - это не то, чего хочет Великобритания»). Но, также «not» используется в качестве эмфатической конструкции: «*We do this not only to act on our sense of fairness but also because we know that in this global we will not be safe until everyone is safe*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Мы делаем это не только для того, чтобы действовать в соответствии с нашим чувством справедливости, но и потому, что знаем, что в этом глобальном мире мы не будем в безопасности, пока все не будут в безопасности»).

Добавим комментарий о вспомогательных глаголах «will» и «have». «Have» может являться как вспомогательным глаголом для образование

перфектных времен, входит в состав полу-модального глагола «have to» (пер. «*быть вынужденным/ должным*»), быть основным глаголом в предложении в значении «иметь» или же входит в каузативную форму. Проанализировав вручную все случаи употребления этой единицы, было выявлено следующее процентное соотношение: перфектное время – 80,6%, основной глагол – 14,9%, полу-модальный глагол – 4,4%, каузативная форма – 0,1%. Неудивительно, ведь дипломаты часто говорят о результате их деятельности, например: «*We have previously expressed our deep concerns*», «*authorities have turned their attention*» [<https://www.gov.uk/government/news/human-rights-concerns-in-russia-uk-statement>] (пер. «*которые были вынуждены*», «*Мы ранее выражали нашу глубокую озабоченность*», «*власти обратили свое внимание*»), используя настоящее совершенное время. В качестве полу-модального глагола долженствования глагол «have to» используется гораздо реже, так как дипломаты нечасто прибегают к описанию обязанности или необходимости, вызванной какими-то внешними обстоятельствами: «*To achieve that and support the region's safety and security, we have to stick to our commitments*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>] (пер. «*Чтобы достичь этого и поддержать безопасность и безопасность региона, мы должны придерживаться наших обязательств*»).

«Will» – глагол для обозначения будущего времени, а также для выражения предсказаний, обещаний. Говоря о результатах деятельности, установлении дружественных контактов или разрыве отношений, дипломатам свойственно выражать надежду на продуктивное сотрудничество, обещать своему народу придерживаться какого-либо политического курса и т.д., приведем примеры: «*the UK will always stand against corruption*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-aid-supports-vulnerable-people-in-chad-using-millions-of-pounds-recovered-during-corruption-case>], «*The United Kingdom will continue to be one of the foremost supporters of the humanitarian*

response» [<https://www.gov.uk/government/speeches/allowing-afghans-to-starve-serves-no-ones-interests>], «*This in turn will enable us to continue to build and maintain democracy across our OSCE region*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/democracy-and-democratic-elections-in-the-osce-region-uk-statement>] (пер. «*Великобритания всегда будет выступать против коррупции*», «*Соединенное Королевство продолжит оставаться одним из главных сторонников гуманитарного реагирования*», «*Это, в свою очередь, позволит нам продолжать строить и поддерживать демократию во всем нашем регионе ОБСЕ*»).

Рассмотрим результаты количественного анализа выступлений российских дипломатов, на основе опубликованных речей на сайте <https://www.mid.ru/>. Предлоги и нефункциональные слова были удалены из расчета, также мы удалили из анализа такие частотные лексемы, как «международный», «иностранный», «отношения», «США»/ «американский» и «Украина» так как они являются лидерами частотности в обеих категориях и не несут в себе особой значимости в аспекте анализа разности концептуальной составляющей.

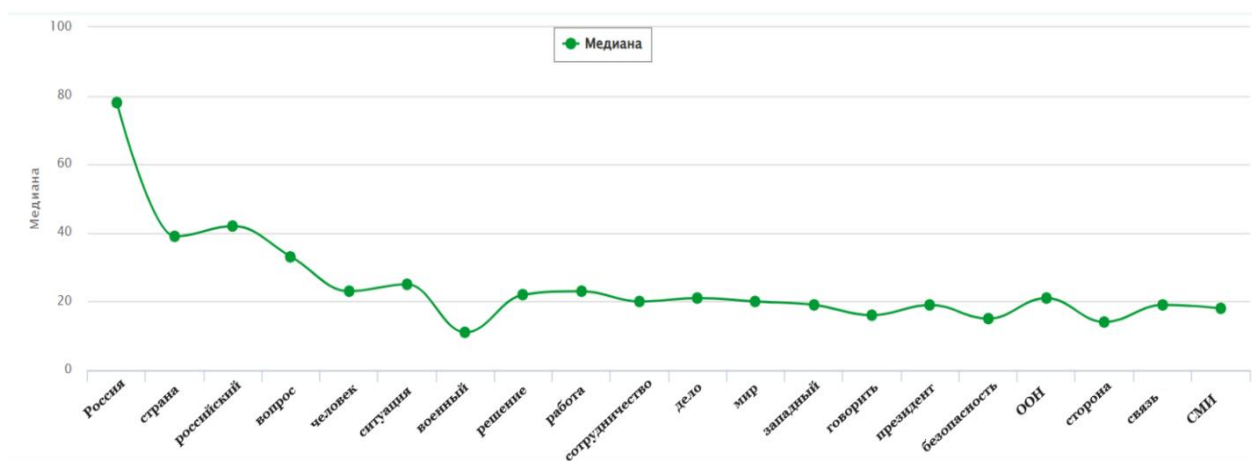

Рисунок 2 – 20 самых частотных лексических единиц в речах российских дипломатов

Российские дипломаты, апеллируя к интересам государства используют

лексемы «страна», «Россия»: *«Как известно, Россия выступила с рядом инициатив, направленных на поддержание предсказуемости и сдержанности...»*

[https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/4570219].

Представители посольства России в разных странах зачастую проводят брифинг-встречи с журналистами в формате «вопрос-ответ», где дипломаты в режиме реального времени отвечают, ссылаясь на заданную тему: *«Может, имеет смысл уточнить, к какому государству они относятся, и задать этот вопрос государству их гражданской принадлежности?»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719], *«Со своей стороны, намерены настойчиво добиваться от германских властей прояснения ситуации вокруг Ф.Бергера...»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

Также дипломаты в выступлениях призывают страны к диалогу: *«Вопрос к Берлину: вы своих наблюдателей направляли?»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

Производные от лексемы «человек» также, как в выступлениях британцев в большинстве своем используются в словосочетании «права человека»: *«Мы заинтересованы иметь в лице наших соседей стабильные, процветающие государства, в которых обеспечены экономический рост, права человека, с которыми у нас развиваются дружественные, партнерские, вплоть до союзнических, отношения»*

[https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEBzrL0/content/id/4564889].

Как мы наблюдаем, российские дипломаты часто используют слова

«ситуация» и «решение» и «сотрудничество» по нескольким причинам. Данные лексемы позволяют описывать обстоятельства без излишней эмоциональной окраски, что важно для поддержания нейтралитета в коммуникации, что позволяет обходить детали и предлагать различные способы урегулирования конфликтов или проблем. Лингвистическая репрезентация сотрудничества, реализуемая через соответствующий лексический ряд, ориентирует дипломатический дискурс на поиск компромиссных стратегий и совместных решений, тем самым деэскалирует потенциальные конфликты. В этом проявляется его ключевая функция – смещение фокуса с фиксации противоречий на моделирование инструментов совместного урегулирования:

«Россия открыта для самого широкого сотрудничества в данной сфере» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], *«Приветствуем данное решение Министерства юстиции США»* [там же].

Анализ показал, что в дискурсе российских дипломатов последовательно актуализируется категория государственной принадлежности, что выражается в высокой частоте лексем «Россия» и «страна». Данные единицы функционируют не только как номинации субъекта международного права, но и как маркеры коллективной идентичности, акцентирующие единство государства и его институтов. Апелляция к интересам государства служит риторической основой для аргументации внешнеполитических решений и инициатив. Стилистический анализ свидетельствует о широком использовании формата «вопрос-ответ» и прямых обращений к другим государствам (*«Вопрос к Берлину...»*). Это указывает на реализацию коммуникативной стратегии диалога, в рамках которой российские дипломатические представители стремятся не только декларировать позицию, но и инициировать обсуждение, запрашивать информацию и призывать к взаимодействию. Частотное употребление

лексемы «*вопрос*», в том числе в конструкциях, адресованных конкретным странам, дополнительно подтверждает ориентацию на дискуссионные формы коммуникации.

Активное использование лексем «*ситуация*», «*решение*» и «*сотрудничество*» выполняет ряд дискурсивных функций. Во-первых, данные единицы позволяют описывать международные обстоятельства в нейтральном ключе, минимизируя эмоционально-оценочные коннотации и способствуя сохранению нейтралитета. Во-вторых, они смещают фокус внимания с фиксации противоречий на поиск инструментов их урегулирования. Лексема «*сотрудничество*», в частности, функционирует как дискурсивный оператор деэскалации, ориентирующий коммуникацию в русло совместного поиска решений. Данная стратегия эксплицируется в типовых конструкциях, например, «*Россия открыта для сотрудничества*», «*приветствуем решение*», маркирующих готовность к конструктивному взаимодействию.

Как и в англоязычном дипломатическом дискурсе, в русскоязычном дискурсе присутствует тема прав человека, объективируемая производными от лексемы «*человек*» в составе словосочетания «*права человека*». Данная тематика встраивается в более широкий контекст стабильности и партнерских отношений, что свидетельствует о ее институционализированном характере в дипломатической риторике.

Таким образом, анализ дискурса российских дипломатов позволяет реконструировать следующие ментальные доминанты языковой личности: ориентация на диалог и сотрудничество, стремление к нейтральной дескрипции международных ситуаций, акцент на государственной идентичности как источнике легитимации внешнеполитического курса. Выявленные особенности формируют специфическую модель коммуникативного поведения, в рамках которой приоритет отдается поиску совместных решений и поддержанию диалогических отношений с международными партнерами.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет выявить ряд особенностей, характеризующих дипломатический дискурс России и Великобритании. В дискурсе британских дипломатов регулярно акцентируется поддержка со стороны Европейского союза, а также декларируется оказание поддержки иным государствам. В речах российских дипломатов прослеживается ориентация на диалог и взаимное сотрудничество, реализуемая, в частности, посредством побудительных конструкций.

Язык в дипломатической коммуникации выполняет не только информативную, но и инструментальную функцию, выступая средством реализации внешнеполитического влияния. В англоязычном дипломатическом дискурсе последовательно реализуется речевая стратегия солидаризации, направленная на акцентирование единства международного сообщества и приверженности нормам защиты прав человека. Данная дискурсивная стратегия сопровождается тактикой демонстрации готовности к оказанию поддержки суверенным государствам, что на языковом уровне выражается посредством соответствующих перформативных конструкций и модальных средств долженствования/намерения. В контексте современных международных конфликтов подобная риторика, обладая высоким прагматическим потенциалом, может интерпретироваться отдельными реципиентами как имплицитная форма дискурсивного вмешательства, имплицитно оценивающая внутриполитические процессы суверенных государств и тем самым реализующая скрытые стратегии воздействия.

В российском дипломатическом дискурсе обращает на себя внимание высокая частотность лексемы «вопрос», что может свидетельствовать о направленности на диалоговые формы коммуникации. Наряду с этим, активное употребление побудительных конструкций отражает установку на практическое взаимодействие и совместное решение проблем, что в совокупности формирует модель коммуникативного поведения,

ориентированного на кооперацию. Выявленные различия в лексическом наполнении и коммуникативных стратегиях представляются релевантными для дальнейшего анализа сквозь призму лингвокультурных концептов, а также для изучения влияния культурно обусловленных факторов на реализацию дипломатической коммуникации.

2.3. Концептуальное пространство дипломатического дискурса

Для выделения ключевых ценностных доминант языковой личности дипломатов нами был проведен количественный анализ лексики. В качестве единиц анализа будут выступать лексемы, репрезентирующие ключевые концепты дипломатического дискурса в русском и английском языках. В рамках данного параграфа основными задачами являются 1) выявление частотных характеристик вербализованных концептов; 2) описание их структуры на основе отобранных языковых единиц; 3) сопоставительный анализ объема лексических средств, задействованных для вербализации данных концептов в двух лингвокультурах.

Сопоставительный анализ вербальных средств репрезентации концептосфер русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов позволил выявить сходства и различия в семантическом наполнении исследуемых концептов и определить их роль в формировании языковой личности дипломата как представителя соответствующей национальной дипломатической лингвокультуры.

Рассмотрим концепт «Россия» и его семантическое наполнение вербализованными единицами.

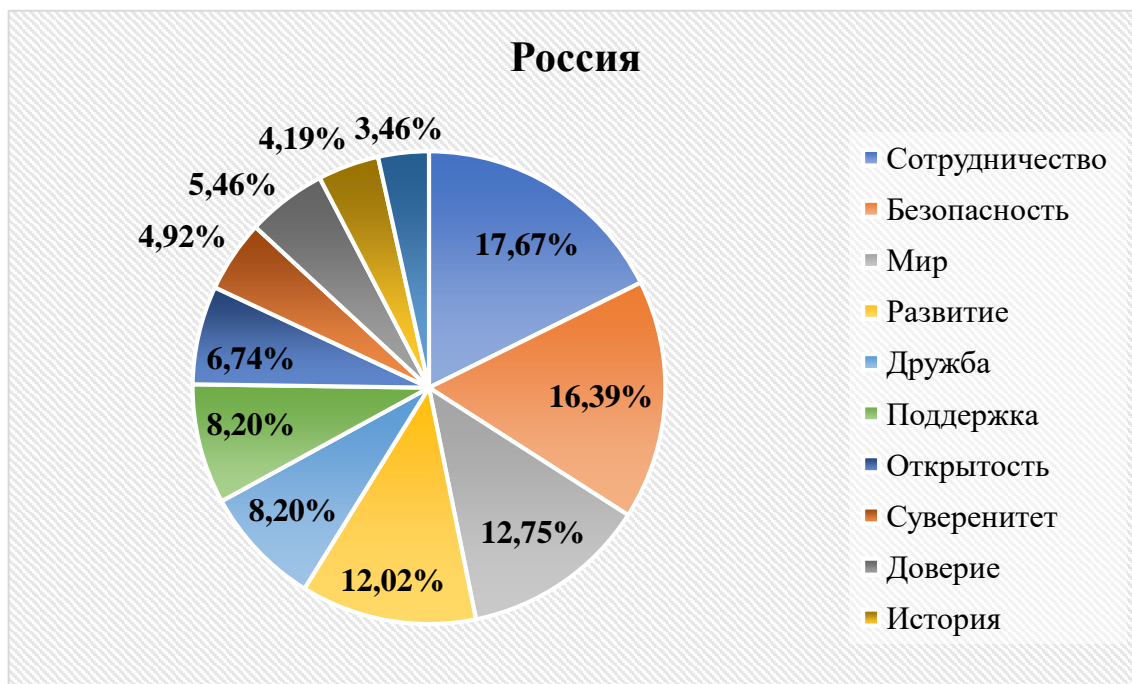

Рисунок 3 – Концепт «Россия» и его семантическое наполнение

Языковая объективизация концепта «Россия» отличается следующими аспектами.

- Геополитическая роль

В речах подчеркивается значение России как ключевого игрока на международной арене, способного влиять на глобальные процессы, такие как безопасность и сотрудничество. Приведем несколько примеров: *«Твёрдо убеждены, что следование этим принципам остаётся залогом успешного взаимодействия в вопросах укрепления международной безопасности и стабильности. Одним из центральных направлений такого взаимодействия является контроль над вооружениями, который позволяет решать задачи в сфере национальной безопасности мирными политико-дипломатическими методами как наименее затратными и не связанными с какими-либо существенными издержками. При этом контроль над вооружениями не является самоцелью, поскольку определяющее значение сохраняют интересы*

и соображения национальной безопасности»

[https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/4570219].

– Миротворческая миссия

В выступлениях российских дипломатов регулярно подчеркивается роль России как миротворческой силы, ориентированной на урегулирование конфликтов и обеспечение стабильности в кризисных регионах, поэтому такие лексемы как «мир», «дружба», «поддержка» мы наблюдаем на втором месте: *«Призываем все вовлеченные стороны проявлять ответственный подход, действовать с опорой на международное право, искать компромиссные решения, способные **обеспечить долгосрочный мир** и поступательное развитие всех стран и народов Юго-Восточной Европы»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], *«В 2014-2015 гг. Россия уже **оказала весомую поддержку** Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне в борьбе с эпидемией этого заболевания (объем нашего содействия превысил 60 млн долл. США)»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

– Государственный суверенитет

Провозглашая принцип защиты национального суверенитета и независимости – как своей страны, так и других государств, – Россия в условиях глобализации и давления со стороны крупных западных держав сочетает открытость к диалогу с безусловной защитой собственных национальных интересов: *«Россия – **суверенное** государство и на своей территории имеет право проводить учения, организовывать патриотическое воспитание молодежи...»* [<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1449003/>], *«Полагаем, что это решение положительно скажется на динамике **развития нашего сотрудничества** с Фондом,*

переживающего в настоящее время активизацию»

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

– Доверие

Роль доверия в дипломатии является основополагающей: оно создает базу для долгосрочных и надежных отношений между государствами, способствует продуктивному сотрудничеству и урегулированию разногласий. В то же время в дипломатической практике отмечаются не только процессы укрепления доверительных связей, но и случаи подрыва взаимного диалога: *«Надеемся, что Баренцево сотрудничество в ближайшие годы не только сохранит свою динамику, но и выйдет на новые рубежи в интересах упрочения на Севере Европы атмосферы доверия, стабильности и добрососедства»*

[https://www.mid.ru/web/guest/maps/no/-/asset_publisher/f4MKObbyouc4/content/id/4574740], *«Дальнейшее совершенствование мер укрепления доверия и безопасности и разработка нового режима контроля над обычными вооружениями были бы возможны только в случае создания благоприятных условий – прежде всего, отказа стран Запада от политики «сдерживания» России»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

– История и культура

Обсуждая сотрудничество с другими странами, дипломаты апеллируют к давним историческим связям, основанным на общих традициях, либо выражают протест против фальсификации значимых исторических фактов: *«Культурные связи между Россией и Италией являются исторически прочными и продолжают развиваться...»*

[https://www.mid.ru/web/guest/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/3848008], *«Насаждаемые ими*

среди подрастающих поколений искаженные трактовки исторических событий тех лет...» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], «*Это стало бы важным вкладом в части обеспечения сохранности культурных памятников и религиозных святынь, достижения межконфессионального, межэтнического примирения и согласия*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

Лингвистическая объективизация концепта «Россия» в русском дипломатическом дискурсе характеризуется выраженной центрированностью на интересах национальной безопасности, которая выступает определяющим фактором при принятии любых международных обязательств и реализации суверенных прав государства. Россия позиционируется как миротворческая сила, чей этический статус подчеркивается активным использованием лексем «мир», «дружба» и «поддержка», что манифестирует образ государства-арбитра в противовес прагматическим интересам иных акторов. Значимым элементом наполнения концепта является апелляция к исторической памяти и защита культурно-религиозного наследия от фальсификаций, что неразрывно связывает современную дипломатию с духовным наследием страны. Российский дискурс акцентирует поиск «атмосферы доверия» и добрососедства, эксплицитно противопоставляя этические принципы партнерства западной политике «сдерживания»

В современном дипломатическом дискурсе права человека и их защита занимают центральное место, выступая ключевым элементом международной политики, где человек рассматривается как субъект, наделенный неотъемлемыми правами и свободами. В данном контексте предметом исследования выступает содержание концепта «человек» в публичных выступлениях российских дипломатов.

Концепт «Человек» и его семантическое наполнение вербализованными единицами.

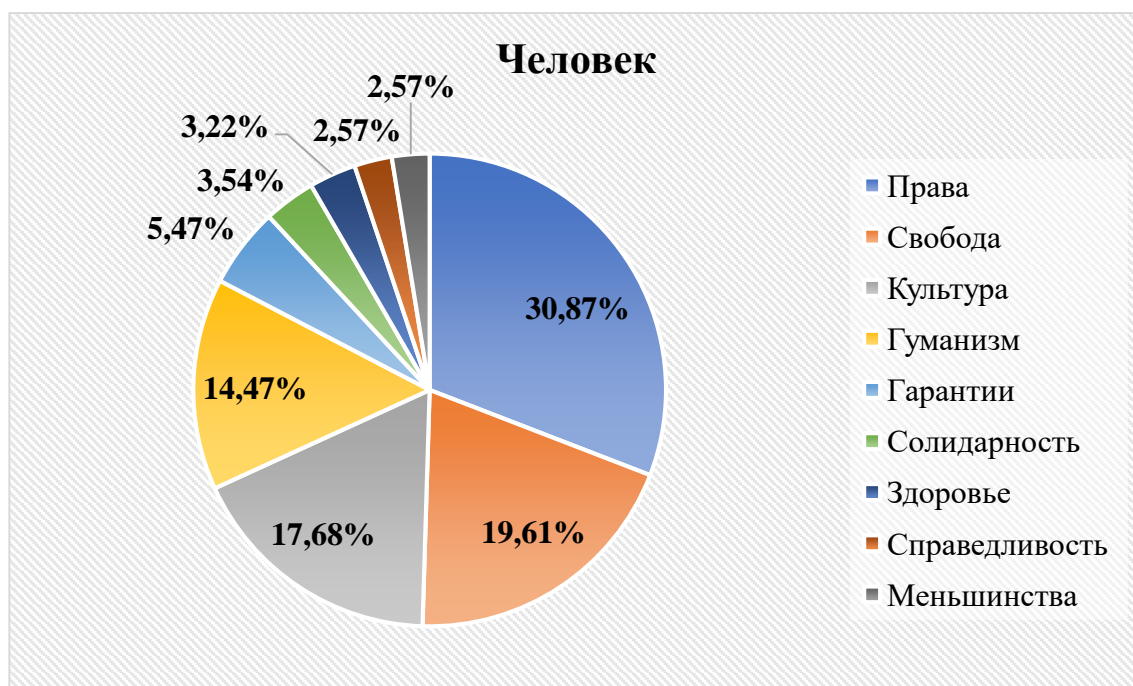

Рисунок 4 – Концепт «Человек» и его семантическое наполнение

Языковая объективизация концепта «*Человек*» выражена через следующие семантические акценты.

– Права человека

В дипломатическом дискурсе доминирует тема защиты прав человека как универсальной ценности. Представители подчеркивают важность соблюдения этих прав для всех без исключения, апеллируя к международным нормам и стандартам «*В стране продолжают системные нарушения основных прав и свобод человека. Не соблюдается право на свободу и личную неприкосновенность*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], «*Заложенная этим документом основа современной международной системы поощрения и защиты прав человека переживает сегодня серьезные испытания на прочность*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-]

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

– Гуманизм

Внешнеполитическая риторика делает акцент на гуманистических принципах, которые ставят человеческую жизнь и благополучие выше политических и экономических интересов, а также затрагивает проблематику свобод граждан: *«В мире по-прежнему насчитывается 17 самоуправляющихся территорий с населением 1,6 млн человек, которые так и не смогли реализовать свое неотъемлемое право на самоопределение, в том числе по причине сохранения имперских амбиций у бывших метрополий. ...»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Если сейчас Запад озаботился необходимостью уважать международное гуманитарное право и спасти жизни людей»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/].

– Социальная справедливость

Приоритетными являются принципы социального равенства и справедливости, что находит отражение в последовательной борьбе с дискриминацией и создании равных возможностей для всех членов общества: *«Заложенные в Дейтонско-Парижском соглашении принципы сохраняют актуальность и сегодня. Именно они гарантируют права и интересы народов Боснии и Герцеговины»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Возможности дальнейшей работы по гарантиям безопасности с учётом имеющихся предложений продолжают изучаться»*

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1796771/].

– Экономические и социальные права всех групп населения

Приоритетными направлениями являются обеспечение социальных

гарантий, а также доступности образования, здравоохранения и достойных условий жизни: *«Принимаются меры с целью оздоровления национальной экономики, а также улучшения жизни населения»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

– Глобальные вызовы

В фокусе современной международной повестки находятся глобальные вызовы, такие как изменение климата, миграционные процессы и вопросы безопасности, оказывающие непосредственное влияние на жизнь людей, что подчеркивает необходимость укрепления многостороннего сотрудничества. В основе данного подхода лежит антропоцентрический принцип, согласно которому человек выступает центральным субъектом международных отношений. При этом его права, свободы и интересы рассматриваются в качестве приоритета, который должен учитываться при принятии любых решений на мировой арене.

Специфика концепта «Человек» в русскоязычном дипломатическом дискурсе определяется его антропоцентрическим характером, при котором человек признается центральным субъектом международных отношений, а его права и интересы – безусловным приоритетом. Русскоязычный дипломатический дискурс базируется на социально-экономическом детерминизме, выделяя в качестве жизненно важных аспектов доступ к образованию, здравоохранению и достойные условия жизни населения. При этом индивидуальные права рассматриваются в тесной корреляции с интересами народов и принципами социальной справедливости, что придает концепту выраженный коллективистский оттенок. Гуманистическая составляющая концепта постулирует приоритет человеческой жизни над конъюнктурными интересами, а реализация человеческого потенциала объявляется невозможной без эффективного противодействия глобальным

вызовам и обеспечения международной безопасности.

Аналогично, сравним наполнение концепта «The UK» в речах британских дипломатов.

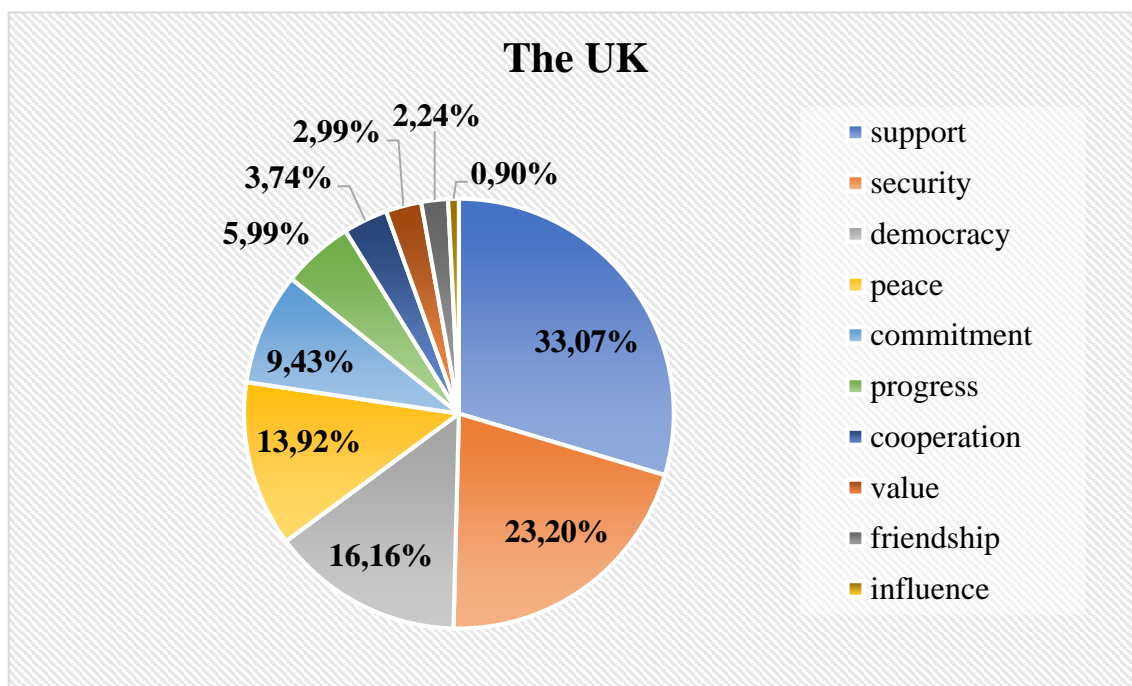

Рисунок 5 – Концепт «The UK» и его семантическое наполнение

В проанализированных речах британских дипломатов концепт «The UK» репрезентируется через ряд ключевых аспектов, которые отражают обобщенные культурные характеристики, присущие данной языковой личности.

– Международная безопасность

В выступлениях британских дипломатов ключевое место занимают темы международной безопасности и демократии. В них заявляется о намерениях поддержки глобального демократического правопорядка и подчеркивается верность странам-союзникам: «*The UK and our allies will always stand for the rule of law and hold to account those who undermine freedom, democracy and human rights*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-new-special-envoy-to-the-western-balkans>] // «*The UK is deeply*

committed to European security» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-new-special-envoy-to-the-western-balkans>], «*We remain committed to supporting the democratic aspirations of the people of...*» [<https://www.gov.uk/government/news/belarus-joint-statement-on-coordinated-sanctions>] (пер. «*Наше намерение состоит в том, чтобы по-разному информировать вас о национальной безопасности, и я намерен поговорить с четырьмя подразделениями: полицией, борьбой с нелегальной иммиграцией, тюрьмой и полком*» // «*Великобритания и наши союзники всегда будут отстаивать верховенство закона и привлекать к ответственности те, кто подрывает свободу, демократию и права человека*» // «*Великобритания глубоко привержена европейской безопасности*», «*Мы по-прежнему привержены поддержке демократических устремлений народа...*»). Подобными заявлениями дипломаты стремятся повесить вес и влияние Великобритании в мировой политике и укрепить позиции Лондона в сфере международного сотрудничества.

– Совместная работа с союзниками

В контексте партнерства с Австралией и США особое внимание уделяется неукоснительному соблюдению взятых обязательств: «*...the UK will be fully consistent with the three parties' respective non-proliferation obligations – and that **this cooperation** will be pursued in a manner that preserves the integrity of the non-proliferation regime*» [<https://www.gov.uk/government/news/aucus-trilateral-statement-to-the-iaea>] (пер. «*Великобритания будет полностью соответствовать соответствующим обязательствам трех сторон в области нераспространения и что это сотрудничество будет осуществляться таким образом, чтобы сохранить целостность режима нераспространения*»). Это указывает на то, что Великобритания рассматривает свою глобальную роль как компонент более широкой системы международного партнерства.

– Устойчивость и влияние

В выступлениях заявляется статус Великобритании как «устойчивой» и «влиятельной» нации: «*There is no doubt that we face unprecedented international challenges. But we are a resilient nation. We are an influential nation with outstanding military, intelligence and diplomatic capabilities*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/cs-speech-to-the-international-institute-for-strategic-studies>] (пер. «Нет сомнений в том, что мы сталкиваемся с беспрецедентными международными вызовами. Но мы стойкая нация. Мы влиятельная нация с выдающимися военными, разведывательными и дипломатическими возможностями»). Такая риторика имеет целью создать образ страны, которая готова справляться с вызовами.

– Возможности для изменений

Упоминание о выходе из ЕС и возможности пересмотра внешней и внутренней политики: «*Our departure from the EU has provided us a unique opportunity to reconsider many aspects of our domestic and foreign policy, building on existing friendships but also looking further afield*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Наш выход из ЕС предоставил нам уникальную возможность пересмотреть многие аспекты нашей внутренней и внешней политики, опираясь на существующие дружеские отношения, но также заглядывая дальше»). Дипломаты заявляют о намерении Великобритании пересмотреть свои международные обязательства и расширить внешние связи, подчеркивая важность адаптивности и поиска новых направлений для развития.

– Поддержка демократических устремлений

Подчеркивая значимость совместных усилий, дипломаты демонстрируют неизменную решимость Великобритании отстаивать интересы мира и стабильности: «*...and the United Kingdom remain fully*

committed to peace, stability, and prosperity in the Indo-Pacific» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-indo-pacific-policy-fcdoministers-speech-to-the-iiss>] (пер. «...и Соединенное Королевство по-прежнему полностью привержено миру, стабильности и процветанию в Индо-Тихоокеанском регионе»).

Таким образом, анализ вербализации концепта в британском дипломатическом дискурсе выявляет модель активного субъекта, который стремится активно формировать глобальный правопорядок через семантические поля международной безопасности и защиты прав человека. В основе этой модели лежит ценностный универсализм. Великобритания позиционирует свою глобальную роль как неотъемлемый компонент системы международного партнерства, подчеркивая предсказуемость и неукоснительное соблюдение взятых обязательств. Дискурс транслирует стратегический оптимизм, опирающийся на уверенность в исключительных дипломатических возможностях «устойчивой нации», а также на адаптивность, проявленную в поиске новых направлений.

Семантическое наполнение концепта «People»

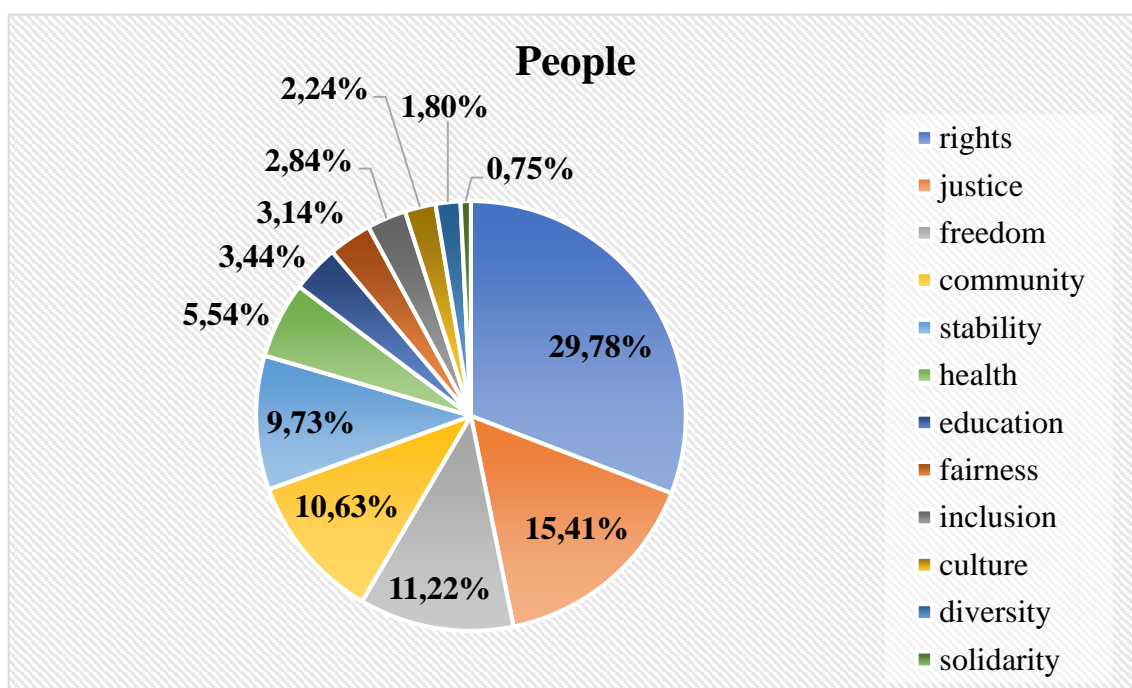

Рисунок 6 – Концепт «People» и его семантическое наполнение

Концепт «People» репрезентирован разнообразными лексико-семантическими средствами, передающими спектр значений и акцентов, которые подчеркивают значимость человеческого измерения в международно-политическом и дипломатическом дискурсах.

– Права человека

Концепт «права человека» занимает центральное место в дискурсе британских дипломатов, поскольку в их выступлениях последовательно декларируется приверженность страны защите индивидуальных прав и свобод, включая принципы равенства и недискриминации: «*We agreed a core set of principles – renouncing the use of force, respect for sovereignty and territorial integrity, and protecting human rights and freedoms*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>] (пер. «Мы согласовали основной набор принципов – отказ от применения силы, уважение суверенитета и территориальной целостности, а также защита прав и свобод человека»).

– Равенство и справедливость

В соответствии с государственным курсом, британские дипломаты активно включают в свою риторику вопросы преодоления бедности, обеспечения доступного образования и справедливого распределения ресурсов. Они позиционируют Великобританию как участника укрепления открытых обществ и гаранта прав человека для всех граждан: «*We provide food, clean water, shelter, medical care, education*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-completes-largest-and-longest-western-evacuation-from-sudan>] (пер. «Мы предоставляем продовольствие, чистую воду, кров, медицинское обслуживание, образование»). В выступлениях британских дипломатов также находит отражение курс на поддержку национального многообразия, признание ценности всех культур, этнических групп и меньшинств, а также ориентация на обеспечение инклюзивности в

социальной и правовой сферах: «*Young people have the ability to be transformative in society, and it is essential that schools **nurture inclusivity***» [<https://www.gov.uk/government/speeches/osce-head-of-mission-to-bosnia-and-herzegovina-uk-response-31-march-2022>] (пер. «*Молодые люди способны вносить изменения в общество, и важно, чтобы школы поощряли инклюзивность*»).

– Образование

Подчеркивается ключевая роль грамотности и образования, которые рассматриваются как фундаментальные основы для прогресса общества и раскрытия человеческого потенциала: «*We have provided over 6 million people with emergency **health, food, water, shelter and education support** through the UN Afghanistan Humanitarian Fund*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-co-hosts-afghanistan-pledging-conference-2022-foreign-secretarys-speech>] (пер. «*Мы предоставили более 6 миллионам человек экстренную медицинскую помощь, продовольствие, воду, кров и образование через Афганский гуманитарный фонд ООН*»).

– Здоровье

Рассматривается право на здоровье как фундаментальная ценность, а также проблемы доступности медицинской помощи и развития системы здравоохранения в целом: «*As part of a global effort, **we have provided health services** for over 300,000 people*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-co-hosts-afghanistan-pledging-conference-2022-foreign-secretarys-speech>] (пер. «*В рамках глобальных усилий мы предоставили медицинские услуги более чем 300 000 человек*»).

– Культура

В дипломатическом дискурсе подчеркивается значимость культурной идентичности и наследия, а также необходимость поддержки культурных

обменов и междивилизационного диалога: «...*but there is also a far more pressing and evident separation, a separation of cultures and ethnicities not between Islands but within Islands...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-monday-31st-may-2021>] (пер. «...но существует также гораздо более насыщенное и очевидное разделение, разделение культур и этнических групп не между островами, а внутри островов...»).

Специфика концепта «People» в британском дипломатическом дискурсе определяется приоритетом правового универсализма, при котором защита индивидуальных прав и свобод провозглашается фундаментальным международным принципом наравне с государственным суверенитетом. Содержательное наполнение концепта характеризуется гуманитарным прагматизмом, акцентирующим внимание на количественных показателях оказанной помощи и позиционирующим Великобританию как глобального гаранта жизнеобеспечения в кризисных регионах. Важной составляющей выступает социальная инклюзивность, в рамках которой образование рассматривается как инструмент «раскрытия человеческого потенциала», а молодежь наделяется статусом активной «трансформирующей силы» общества. В отличие от российского дискурса, апеллирующего к морально-этическим ценностям и коллективному единству, британская модель носит более индивидуализированный и функционально-правовой характер, ориентированный на преодоление этнокультурной фрагментированности.

В ходе исследования мы также хотим остановиться подробнее на нескольких более узких концептах. Данные вербализованные концепты не входят в 20-ку частотных понятий, но мы предполагаем, что для исследования языковой личности дипломатов данные концепты несут в себе несколько целесообразных аспектов, которые могут позволить глубже понять механизмы и стратегии дипломатического общения обеих культур. Выбор для подробного анализа более узких концептов обусловлен их особой значимостью для

реконструкции языковой личности дипломатов. В то время как высокочастотная лексика зачастую отражает лишь текущую международную повестку, именно менее частотные, но семантически насыщенные единицы несут в себе целесообразные аспекты, позволяющие глубже понять специфические механизмы и стратегии дипломатического общения, характерные для каждой из культур. Обращение к таким концептам позволяет выйти за рамки поверхностного статистического анализа и обнаружить фундаментальные национально-культурные различия: если ядро частотного словаря может быть общим, то в периферийных зонах, например, в трактовках понятий «душа», «сердце», «мир» проявляется оппозиция между российским «эмоционально-духовным» и британским «рационально-функциональным» подходами. Таким образом, в данной работе реализуется качественный приоритет содержательной значимости концептов над их количественной представленностью, что необходимо для полноценного понимания механизмов формирования дипломатического дискурса.

Проанализируем вербализованные концепты ценностных абстракций «Правда» и «Истина» с их английскими эквивалентами.

«Правда» и «истина» на первый взгляд абсолютно синонимичны, но по меткому замечанию Ю.С. Степанова, *«в этих двух словах, связанных в тесную пару и одновременно противопоставленных, в русской культуре концептуализирована своеобразная духовная ценность»* [Степанов 2004: 455]. Как отмечает Ю.С. Степанов, ссылаясь на словарь Даля, *«истина связывается, скорее, с земным, преходящим <...>, а правда – с небесным, вечным»*. Рассмотрим значение этих единиц, обратившись к современным словарям Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. [https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt], Ушакова Д.Н. [<https://ushakovdictionary.ru/>] и Лопатина В.В. [Лопатин 2013]

Правда:

1. Онтологический статус: фундаментальное соответствие между

фактом сознания и объективным положением дел в реальности; утверждение, имеющее референцию в действительном мире.

2. Гносеологический идеал: адекватное отражение действительности в сознании, достигаемое в процессе познания; синоним объективной истины в её завершённом виде.

3. Этический императив: нравственная максима, предписывающая поведение, основанное на справедливости, честности и отстаивании правого дела.

4. Моральный абсолют: высший поведенческий идеал, заключающийся в строгом соответствии действий индивида нормам морали, долга и неписаным этическим принципам.

5. Социальный уклад: порядок и гармония в общественных отношениях, основанные на доминировании принципов справедливости и честности как системообразующих начал.

6. Личная правота (разг.): атрибут личности, обозначающий состояние морального превосходства в конкретной ситуации; синоним *correctness* в споре или конфликте.

7. Модальность уверенности (вводн. сл.): вербальный маркер, используемый для апелляции к достоверности и истинности последующего высказывания.

8. Утвердительная частица: дискурсивный элемент, выражающий категоричное подтверждение, согласие или усиление аргумента (напр.: «Я правда это видел»).

Дипломаты часто апеллируют к правде как восстановлению порядка, справедливости, отражению действительного порядка вещей и объективности: «Да, **правда** бесценна» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052] // «Потому что **правда** вас не интересует, вами движет единственная цель – очернить Россию» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808940/].

Истина:

1. Гносеологический коррелят: в философской традиции – состояние сознания, достигающее адекватного и полного соответствия объективно существующей реальности.

2. Предельный идеал познания: высшая цель интеллектуальной деятельности, заключающаяся в достижении абсолютного конгруэнтного совпадения содержания мысли с фрагментом объективной действительности.

3. Верифицированное знание: утверждение или пропозиция, получившие подтверждение и обоснование через практическую деятельность и совокупный жизненный опыт.

4. Онтологическое основание: не зависящее от субъективного восприятия положение дел, актуально существующее в мире и аутентично его отражающее.

5. Синонимия с правдой: в повседневном дискурсе – тождественное понятию «правда» как синоним достоверности и подлинности высказывания.

По меткому замечанию Ю.С. Степанова, «истина связывается, скорее, с вечным и неизменным, а правда – с земным, изменчивым, социальным» [Степанов 2004: 457]. Несмотря на некоторую синонимичность в отдельных значениях, мы и наблюдаем в толкованиях, что истина имеет в себе аспект идеала – абсолютную объективность, что является недостижимым вечным мериллом. А также, в *истине* мы находим связь с предыдущими поколениями, где хранится багаж знаний, с помощью которого можно непредвзято оценивать действительность.

Дипломаты, используя прилагательное «*истинный*», стремятся продемонстрировать объективную действительность, воззвать к абсолютной истине с ее кристальными мотивами: «*На кону стоит репутация ЕС и истинные цели его политики на Балканах*» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/]// «*Об истинных ценностях «просвещенного Запада» свидетельствует...*»

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1809070/]. Пытаясь установить связь между действительностью и реальными действиями представителей других стран, дипломаты говорят не о *правде*, как о социально-культурном понятии, а об *истине*, как о неизменной константе: «*К сожалению, вместо совместной работы по установлению истины и фактов произошедшего с россиянином, официальный Париж и Берлин предпочли придать делу политическую окраску...*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4652596/]// «Соответственно, когда начинается дублирование функций тех международных структур, у кого данное направление входит в функциональные обязанности исходя из консенсуса всех государств участников, то происходит подмена *истины* ложными посылками» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719/].

Полевая модель концепта «Правда» в речах российских дипломатов

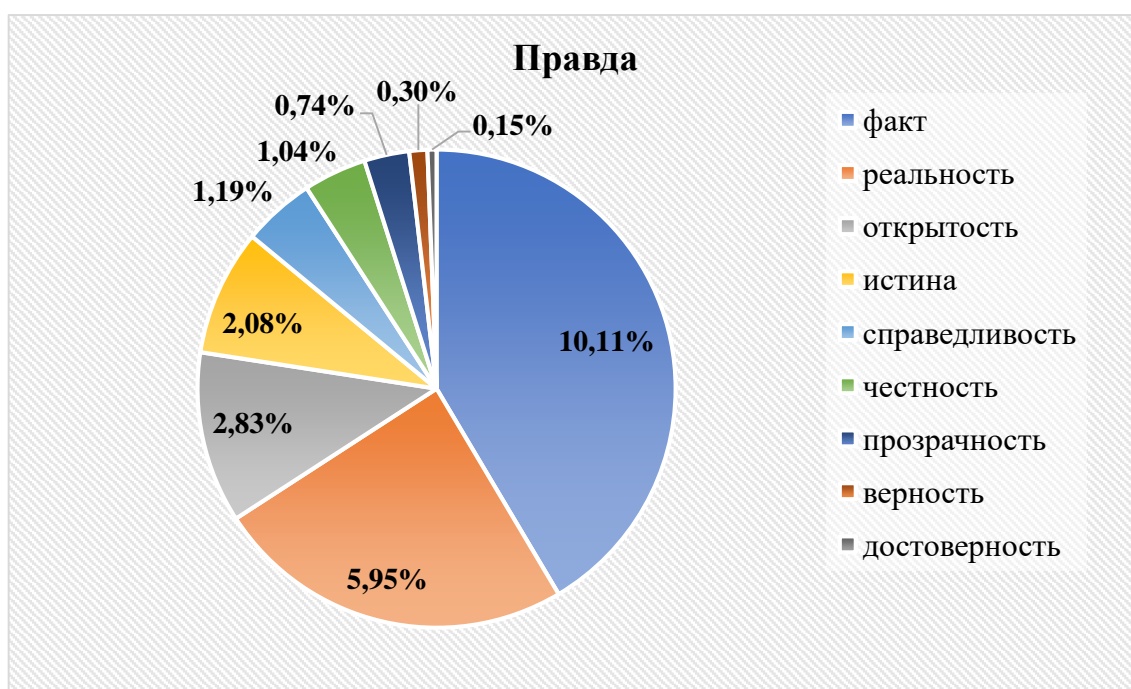

Рисунок 7 – Концепт «Правда» и его семантическое наполнение

Дипломаты подчеркивают стремление к объективности представляемой информации: *«Помните, какая была фантастическая информационная кампания, как умело и искусно комбинировались слова, как переплетались **факты** с ложью и **неправдой**, как создавалось ощущение абсолютной, стопроцентной уверенности в вовлеченности России в те события»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], *«По имеющимся **достоверным** данным...»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808940/].

Готовность России к честному и открытому диалогу с другими государствами, желание быть понятыми и услышанными в международной политике: *«Россия на всех уровнях **открыто и честно** говорит на тему свободы СМИ, обсуждая и свои проблемы, и международные»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719], *«Российская Федерация последовательно выступает за построение **прозрачной**, безопасной и инклюзивной системы международной информационной безопасности (МИБ)»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

Действия России на международной арене основаны на задачах обеспечения справедливых условий для всех государств: *«Задача ясна – любыми способами вывести из-под удара **истинных** заказчиков, организаторов и исполнителей всех этих провокаций»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719], *«...заявлениям французских и немецких властей о приверженности принципам многосторонности, объективности и **справедливости** в международных делах, а также то, что ни в Берлине, ни в Париже не готовы отвечать за свои слова»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

Российские дипломаты в речах подчеркивают значимость построения «справедливого мира», в котором честно распределены возможности у государств, в котором нет места лживых установок и скрытых коалиций: *«Подобная практика препятствует усилиям по перезапуску переговорного процесса, направленного на установление **справедливого, прочного и всеобъемлющего мира** в ближневосточном регионе»*

[[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-](https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719)

[/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719](https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719)], *«Или это будет демократичный, **справедливый мир** – без шантажа и запугивания негодных...»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1831211/], *«В*

*этих условиях приобретает все большую актуальность формирование по-настоящему **справедливого** и многополярного **мироустройства»***

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1830444/].

Справедливый мир выступает основополагающей целью в дипломатической работе в ходе переговоров. Также, справедливость в дипломатической коммуникации неразрывно связана с элементом международного права: *«В это не очень спокойное время ценим Ваши усилия по **обеспечению** большей стабильности, **справедливости** и **верховенства права»***

[https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1830785/]. Здесь

справедливость – неотъемлемая часть общепринятых юридических законов и правил.

Такие выражения, как «справедливые требования», «справедливая критика», «справедливая система» подчеркивают, что те основаны на честных, соответствующих истине условиях: *«Российская сторона вновь выразила поддержку Гаване в ее **справедливом требовании** полной и безотлагательной отмены **американского эмбарго»***

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1831080/].

Рисунок 8 – Интерпретационное поле концепта «Правда»

Специфика функционирования концептов «Правда» и «Истина» в российском дипломатическом дискурсе заключается в их трансформации из абстрактных категорий в прагматические инструменты этико-правовой оценки. «Истина» выступает в качестве «кристального мерилa» для верификации реальных мотивов международных акторов, позволяя отделить объективные факты от их политической окраски. Параллельно с этим концепт «Правда» наделяется статусом «бесценного» ценностного ресурса, необходимого для восстановления объективности и борьбы с «лживыми установками» в условиях информационного противоборства. Оба понятия в отечественном дискурсе неразрывно связаны с категорией справедливости, которая репрезентируется как их морально-юридическое воплощение в международном праве и фундамент «справедливого мира». При этом истина опирается на «багаж знаний предыдущих поколений», обеспечивающий непредвзятость текущих оценок. В рамках аксиологической оппозиции «свое – чужое» позиция России маркируется как «честный и открытый диалог», в то

время как действия оппонентов интерпретируются как «подмена истины ложными посылами».

В речах британских дипломатов мы проанализируем вербализованные концепты «Fair» и «Justice» [<https://www.merriam-webster.com/>], [<https://dictionary.cambridge.org/>], [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

Justice:

1. the quality of being just, impartial, reasonable or fair (пер. *качество быть справедливым, беспристрастной, рассудительной или непредвзятым*)
2. the legal system used to punish people who have committed crimes (пер. *правовая система, используемая для наказания людей, совершивших преступления*)
3. a judge in a court (also used before the name of a judge) (пер. *судья в суде (также используется перед фамилией судьи)*)
4. the principle or ideal of just dealing or right action (пер. *принцип или идеал справедливого обращения или правильного действия*)
5. conformity to this principle or ideal (пер. *соответствие этому принципу или идеалу*)
6. the quality of conforming to law (пер. *качество соблюдения закона*)

Концептосфера «Justice» включает в себя «честность», «разумность», «право».

Слово justice этимологически восходит к древнему – французскому (середина XII) «justice» (justice, legal rights, jurisdiction) – «правосудие, законные права, юрисдикция» и в XI – к латинскому «iustitia» – «праведность», «равенство» [<https://www.etymonline.com/word/justice>]. Так, семами для английского «justice» можно выявить «честность», «право», «беспристрастность» и «разумность».

Полевая модель британского концепта «Justice»

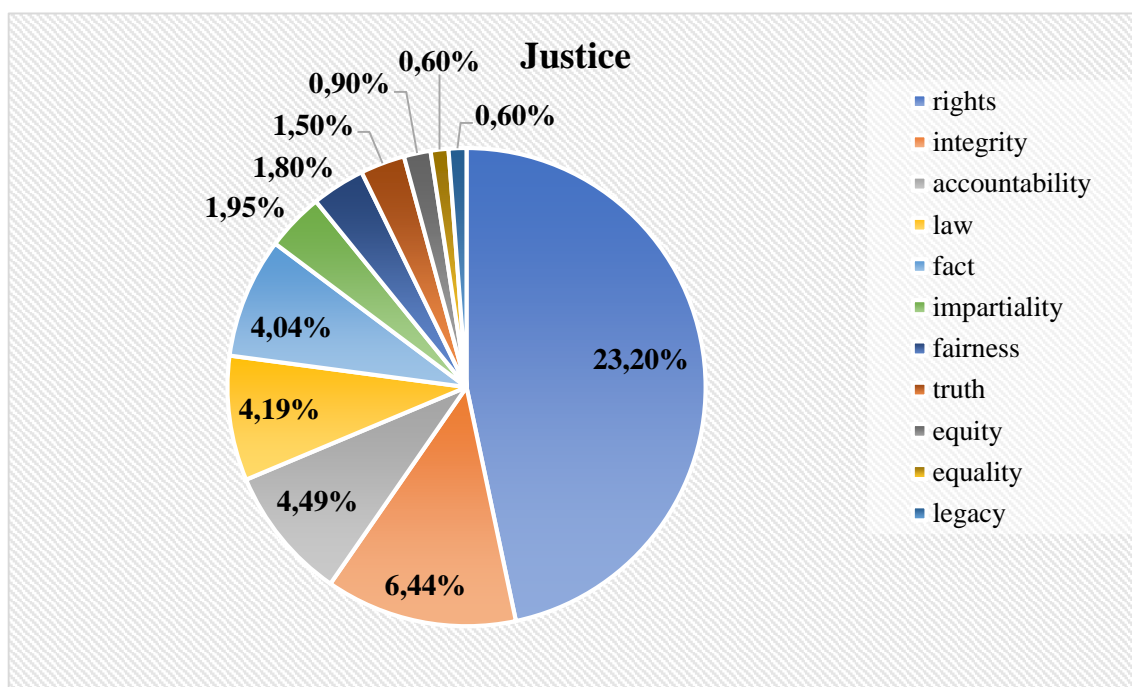

Рисунок 9 – Концепт «Justice» и его семантическое наполнение

Концепт справедливости включает в себя вопросы глобального равенства, такие как борьба с бедностью, неравенством и обеспечением доступа к ресурсам. В речах может идти речь о справедливом распределении благ и ответственности на международной арене, что направлено на поддержание собственного влияния и статуса: «*We do this not only to act on our sense of **fairness** but also because we know that in this global we will not be safe until everyone is safe*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «*Мы делаем это не только из чувства справедливости, но и потому, что знаем, что в этом глобальном мире мы не будем в безопасности, пока все не будут в безопасности*»).

Вербализация концепта справедливости в речах британских политиков осуществляется посредством выражения поддержки демократии и верховенства права как способ легитимировать свои действия на

международной арене: «*Democracy rests on foundations that have to be built over time: strong institutions, responsible and accountable government, a free press, the rule of law and equal rights for all people*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/democracy-and-democratic-elections-in-the-osce-region-uk-statement>], *We agreed a core set of principles – renouncing the use of force, respect for sovereignty and territorial integrity, and protecting human rights and freedoms*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>] (пер. «Демократия опирается на основы, которые должны быть созданы с течением времени: сильные институты, ответственное и подотчетное правительство, свободная пресса, верховенство закона и равные права для всех людей», – мы согласовали основной набор принципов – отказ от применения силы, уважение суверенитета и территориальной целостности и защита права и свободы человека»).

Также находим схожие коллокации: «*secure justice*», «*support justice*», «*bring to justice*», «*deliver justice*», «*provide justice*», «*achieve justice*», «*face justice*», «*seek justice*» (пер. «обеспечить правосудие», «поддержать правосудие», «привлечь к ответственности», «вершить правосудие», «обеспечивать правосудие», «добиваться правосудия», «предстать перед правосудием», «добиваться справедливости»). «*Myanmar must cooperate with the Independent Investigative Mechanism as well as other international justice mechanisms*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-48-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-independent-investigative-mechanism-for-myanmar>], «*That same commitment to fairness and to justice means that we will continue to support open societies*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Мьянма должна сотрудничать с Независимым механизмом расследования, а также с другими международными механизмами правосудия», «Та же приверженность

справедливости означает, что мы будем продолжать поддерживать открытые общества») так в примерах мы наблюдаем, что сема, связанная с правосудием и правовыми основами преобладает в речах британских дипломатов.

Fairness/Fair:

1. the quality of treating people equally or in a way that is reasonable (пер. *Умение относиться к людям одинаково или разумным образом*)

2. behaviour that is reasonable and right and just (пер. *поведение, которое является разумным, правильным и справедливым*)

3. treating someone in a way that is right or reasonable, or treating a group of people equally and not allowing personal opinions to influence your judgment (пер. *Относиться к кому-либо правильным или разумным образом или к группе людей одинаково и не позволять личному мнению влиять на ваше суждение*)

4. something or someone that is fair is reasonable, right, and just (пер. *что-то или кто-то, кто является справедливым, является разумным, правильным и справедливо правильным*)

5. if a situation is fair, everyone is treated equally and in a reasonable way (пер. *если ситуация справедлива, то ко всем относятся одинаково и разумным образом*)

6. a fair person treats everyone equally and in a reasonable way (пер. *справедливый человек относится ко всем одинаково и разумным образом*)

7. reasonably and morally right (пер. *Разумно и морально правильно*)

8. acceptable and appropriate in a particular situation (пер. *Приемлемо и уместно в конкретной ситуации*)

9. treating everyone equally and according to the rules or law (пер. *относиться ко всем одинаково и в соответствии с правилами или законом*)

«Fairness» включает в себя «равенство»/«справедливость», «здравый смысл». Во многих примерах мы наблюдаем использование этих двух концептов вместе: *«That same commitment to fairness and to justice means that*

we will continue to support open societies and defend human rights» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Та же приверженность честности и правосудию означает, что мы будем продолжать поддерживать открытые общества и защищать права человека»).

В аспекте справедливости британские дипломаты зачастую стремятся обосновать свои действия на международной арене достижением общего глобального блага, также укрепить свое влияние: «*We do this not only to act on our sense of fairness but also because we know that in this global we will not be safe until everyone is safe*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Мы делаем это не только для того, чтобы действовать в соответствии с нашим чувством справедливости, но и потому, что знаем, что в этом глобальном мире мы не будем в безопасности, пока не будут в безопасности все»).

Рисунок 10 – Интерпретационное поле концепта «Justice»

В англоязычном дипломатическом дискурсе концепты «Justice» и «Fairness» образуют функционально-семантическое единство, базирующееся на принципах беспристрастности, законности и рациональности. Семантическое ядро концепта «Justice» тесно связано с институционально-правовыми механизмами, такими как верховенство закона, привлечение к ответственности, международные юридические механизмы, в то время как «Fairness» акцентирует внимание на моральной правоте, здравом смысле и разумном равенстве при обращении с субъектами. Специфика их функционирования заключается в вербализации этических категорий: приверженность справедливости постулируется не только как универсальный идеал, но и как фундаментальное условие глобальной безопасности.

Полевая модель концепта «Freedom»

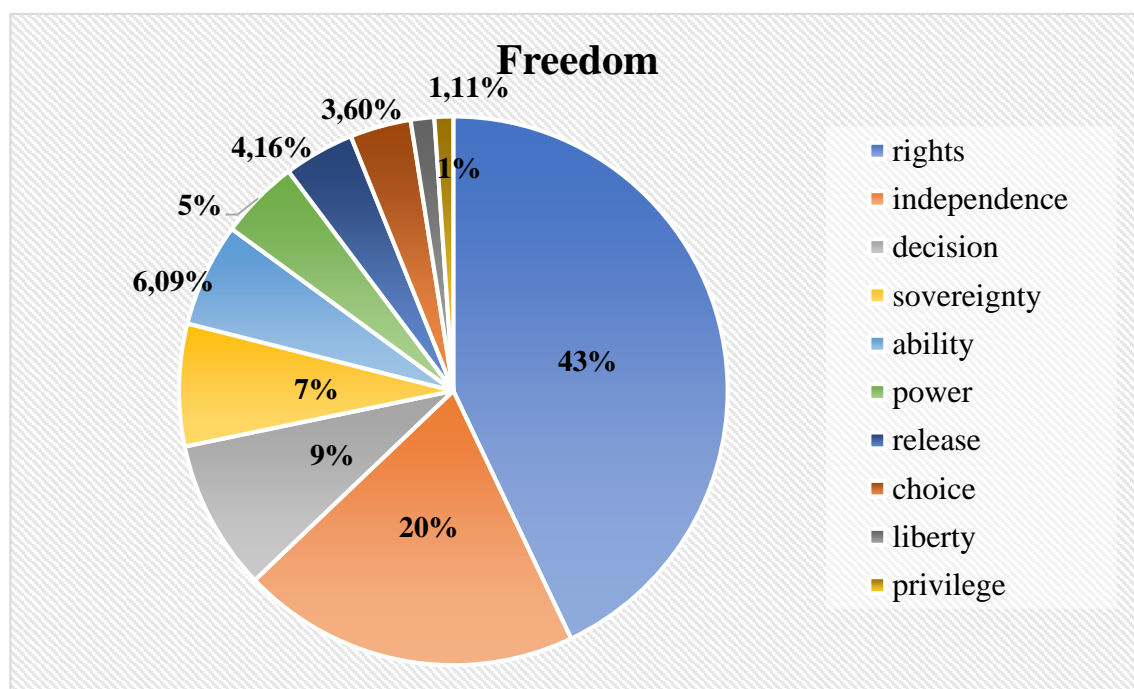

Рисунок 11 – Концепт «Freedom» и его семантическое наполнение

Британские дипломаты часто обсуждают свободу в контексте

международных отношений, поддерживая концепцию свободы как одного из оснований внешней политики: «*In this context, it was right that the 25th Conference of States Parties suspended some of Syria's OPCW **rights and privileges** until they...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/26th-opcw-conference-of-states-parties-uk-statement>], «*...I accept, view **independence** as the long-term purpose for unity as JAGS did*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-Monday-31st-may-2021>] (пер. «В этом контексте было правильно, что 25-я конференция государств-участников приостановила действие некоторых прав и привилегий Сирии, предоставленных ОЗХО, до тех пор, пока они...», «...Я принимаю независимость и рассматриваю ее как долгосрочную цель единства, как это сделали JAGS»).

Свобода также включает в себя ответственность за собственные действия и выбор, которые можно рассматривать как формы личной свободы: «*Their **actions and choices** today will be ones they have to live with forever*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/dialogue-is-key-to-improving-stability-for-israelis-and-palestinians-uk-at-the-un-security-council>] (пер. «Их сегодняшние действия и выбор будут теми, с которыми им придется жить вечно»)). Свобода здесь интерпретируется через призму личной ответственности и последствий, что предполагает взятие на себя ответственности за выбор. Дипломаты рассматривают личные усилия как способ достижения свободы.

Свобода интерпретируется через призму выбора и глобальных решений, что связано с концептом суверенитета: «*So just like the UK, China is faced with **decisions** about what sort of global power it wants to be*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/world-peace-forum-beijing-reshaping-relations-among-major-powers>] (пер. «Таким образом, как и Великобритания, Китай сталкивается с необходимостью принятия решений о том, какой мировой державой он хочет быть»)). Страны имеют свободу выбора своего пути и роли на международной арене, что подчеркивает значение свободы как

принципа в рамках геополитики.

Полевая модель концепта «Свобода»

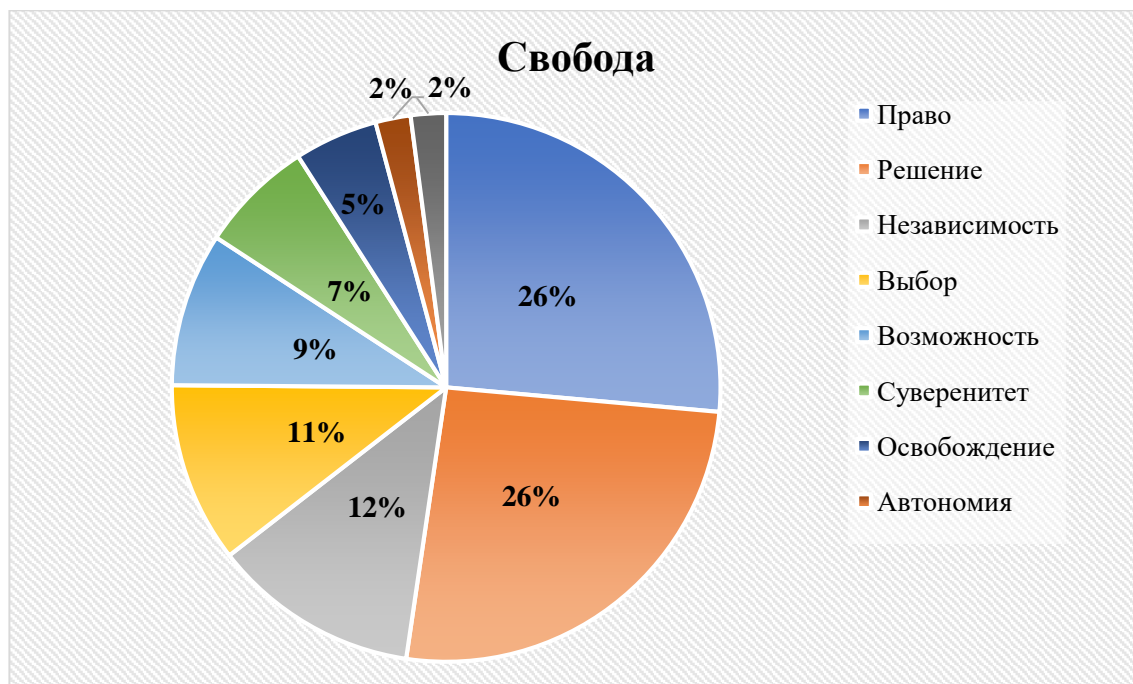

Рисунок 12 – Концепт «Свобода» и его семантическое наполнение

Свобода связана с правом на самоопределение: *«Вскоре после окончания Второй мировой войны в стране поднялось движение за **получение статуса национальной автономии**»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

В высказывании подчеркивается активное стремление к свободе в контексте национальной идентичности и самоуправления.

Свобода также представлена как важное человеческое право, закрепленное в международных документах, подчеркивается свобода убеждений и выражения: *«**Право** на свободу убеждений и на свободное выражение их; свободный доступ к информации и ее распространение зафиксировано в статье 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

Свобода представляется как ответственность за действия и последствия, которые могут быть вызваны тем или иным выбором: *«Это решение окончательное и пересмотру не подлежит»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Я также хотела бы сказать, что это, конечно, не останется без адекватной реакции, без адекватных ответов, но это не наш выбор»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2348943].

Свобода ассоциируется с независимостью в управлении и информационной политике, это важный аспект для обеспечения открытости и неподконтрольности внешнему влиянию: *«Руководству этой компании нужно что-то предпринять для того, чтобы не потерять свою независимость, сохранить непредвзятость и свой информационный суверенитет»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

Безусловно, российские дипломаты также рассматривают данный концепт через призму прав человека и международного сотрудничества, свобода приравнивается к ответственности государств перед международными нормами, что подтверждает ее социальную и политическую значимость: *«Россия продолжит вносить весомый вклад в содействие развитию конструктивного межгосударственного сотрудничества в правозащитной сфере, укреплению международного режима соблюдения прав человека на основе справедливости и равноправия в соответствии с целями и принципами, закрепленными в Уставе ООН»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

Свобода рассматривается как процессе избавления от угнетения и колониального правления, свобода является основным мотивом в борьбе

против угнетения, а ее реализация рассматривается как значительное достижение в истории: «Реализация Декларации привела к **освобождению** из-под колониального гнета порядка 750 млн человек...» [https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1449003/].

Имя концепта «Свобода» в русской лингвокультуре связано, с одной стороны, с принадлежностью к кругу своих (как и в германских языках), с другой стороны – с выделением себя как личности» [Карасик 2005: 242]. Свобода, как ключевой концепт, тесно связанный с культурными постоянными по Ю. С. Степанову, может рассматриваться как телеономный принцип в соответствии с С.Г. Воркачевым. Этот принцип символизирует высшие духовные ценности и служит основой нравственного идеала человека. Телеономные концепты могут проявляться в противоречивых и негативных формах, что отражает нравственное сознание через понятия «антиценностей» – тех аспектов, борьбе с которыми стоит посвятить свою жизнь: злу, подлости и несправедливости [Воркачев, 2003: 24].

А.С. Солохина также выделяет три основных значения для словарных дефиниций имен концепта «Свобода» и «Воля» в русской и «Freedom» и «Liberty» в английской лингвокультуре:

- возможность поступать как хочешь;
- отсутствие ограничений;
- нахождение не в заключении, рабстве [Солохина 2004: 98]

В речах российских и британских дипломатов номинативное содержание концепта «Свобода» выражено в отсутствии стеснений и ограничений, возможность проявления воли на основе законов общества (по Ожегову), в словаре Oxford представлено следующее определение: «*the power or right to do or say what you want without anyone stopping you*» [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>] (пер. «власть или право делать или говорить то, что вы хотите, и никто вас не остановит»).

На основе анализа лексических единиц, репрезентирующих концепт, мы

отмечаем, что британские дипломаты прибегают к идее свободы в речах в двух сценариях. В первом случае – это обвинение правительств других стран в несоблюдении или нарушении прав и свобод граждан: «*Beijing have eroded Hong Kong's 'one country, two systems' framework, and removed individual rights and freedom*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/cs-speech-to-the-international-institute-for-strategic-studies>] // «*The 9 August 2020 presidential election results were neither free nor fair, and «massive and systematic» violations and abuses of human rights and fundamental freedoms had been committed by the security forces*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/human-rights-in-belarus-35-osce-states-invoke-vienna-mechanism>] // «*Hand in hand with economic devastation, caused by this man, has come the parallel removal of liberty, justice and freedom*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/presidency-of-maduro-no-longer-rests-on-democratic-foundations>] (пер. «Пекин разрушил концепцию Гонконга »одна страна, две системы« и упразднил права и свободы личности» // «Результаты президентских выборов 9 августа 2020 года не были ни свободными, ни справедливыми, а служба безопасности совершила «массовые и систематические» нарушения прав человека и основных свобод. Силы» // «Рука об руку с экономическим крахом, вызванным этим человеком, произошло параллельное уничтожение свободы, правосудия и свободолюбия»). Стоит отметить, что критика всегда направлена на правительства стран, а не на граждан, которые всегда разделяют борьбу за свободу: «*...the Sudanese people's calls for freedom, peace and justice*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-united-kingdom-remains-committed-to-supporting-sudans-journey-to-democracy-uk-at-the-un-security-council>]// «*We commend the Syrian people, who courageously and peacefully took to the streets to demand freedom...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/addressing-the-lingering-humanitarian-situation-in-syria-uk-at-the-un-security-council>] (пер. «...народ Судана призывает к свободе, миру и справедливости»// «Мы воздаем должное

сирийскому народу, который мужественно и мирно вышел на улицы, требуя свободы...»). Критика все время направлена на правительство, а не на граждан, которые все время разделяют борьбу за свободу: «...призывы суданского народа к свободе, миру и справедливости»// «Мы воздаем должное сирийскому народу, который мужественно и мирно вышли на улицы требовать свободы...». Так, наиболее частотные коллокации в данном случае: *disregard/ limit/ respect/ restrict/ undermine/ remove/ attack/ block/ lack* и другие (пер. *игнорировать/ ограничивать/ уважать/ ограничивать/ подрывать/ удалять/ атаковать/ блокировать/ отсутствие*).

Во втором – это заявление о соблюдении гражданских прав и свобод внутри страны и в дружественных странах-партнерах: «...*alongside the US, Canada and EU, demonstrate that the UK is prepared to stand up for freedom and democracy...*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-imposes-further-sanctions-to-hold-lukashenko-regime-to-account-for-human-rights-violations-in-belarus>]// «*Together, we all have a historic duty to keep the flame of freedom burning in...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>] // «*It may be hard, but freedom and security must come first*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>] (пер. «...*вместе с США, Канадой и ЕС продемонстрируйте, что Великобритания готова отстаивать свободу и демократию...*»// «*Вместе у всех нас есть исторический долг поддерживать пламя свободы, горящее в...*»// «*Это может быть трудно, но свобода и безопасность должны прийти сначала*»). А также демонстрация поддержки со стороны мирового сообщества: «*At this defining moment, the free world has shown a united response*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/105english-foreign-secretary-statement-to-parliament-28-march-2022>] (пер. «*В этот решающий момент свободный мир продемонстрировал единую реакцию*»). Здесь преобладают следующие коллокации: *underpin the values of freedom/ call for freedom/ underline the need*

for free democracies/ improve media freedom/ enable freedom to flourish/ respect the freedom (пер. *Поддерживать ценности свободы/ призывать к свободе/ подчеркивать необходимость свободных демократий/ улучшить свободу СМИ/ обеспечивать процветание свободы/ уважать свободу*) и т.д.

Мы замечаем, что частота упоминания ключевых слов в выступлениях британских дипломатов вдвое выше, что можно рассматривать как попытку Британии, стремящейся сохранить статус мирового гегемона, заявить себя на роль единственного гаранта прав и свобод для развивающихся стран. Это создает видимость равноправного партнера в глобальной борьбе за эти идеалы, однако на деле подобная риторика может скрывать истинные намерения и интересы, в том числе желание установить контроль над менее развитыми государствами.

Однако, мы наблюдаем иную семантическую структуру вербализации данного концепта в выступлениях российских дипломатов. Свобода неразрывно связана с правом на самоопределение и национальную идентичность. Кроме того, свобода влечет за собой ответственность за выбранные действия и их последствия: некоторые решения являются окончательными и необратимыми, и любое действие не останется без реакции. Это понимание свободы также связано с необходимостью поддержания независимости в управлении и информационных подходах, что является критически важным для обеспечения прозрачности и защиты от внешнего давления.

В самом значении слова уже закодирован определенный смысл, который может быть истолкован по-разному различными культурами. В философии свобода трактуется как *«возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества»* [Ожегов 2019] Приведем ключевые аспекты толкования «свободы» в словарях русского языка С.И. Ожегова/ Н.Ю. Шведовой [https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt], Т.Ф. Ефремовой

[<https://ushakovdictionary.ru/>]:

1. Отсутствие стеснений и ограничений
2. Вообще отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чём-н, запретов
3. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе
4. На свободе на досуге, в свободное от работы, занятий время
5. Государственная независимость, суверенитет
6. Отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению, желанию
7. Легкость, отсутствие затруднений
8. Простота, непринужденность, отсутствие натянутости (в поведении, обращении и т.п.)
9. Раздолье, простор, воля
10. Возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни (полит.)

Анализируя различные толкования, мы можем заметить, что русский концепт «свобода» предполагает ощущение легкости, «высвобождения» от стеснения, независимости, отсутствие давления, как отмечает А. Вежбицкая, «свобода предполагает ощущение счастья, вызываемое отсутствием какого-то давления, какого-то «сжатия», каких-то тесных, сдавливающих оков» [Вежбицкая 2001: 235]. Также свобода связана с раздольем – бескрайним пространством, где есть легкость, непринужденность, отсутствие неволи или подчинения. Это тот аспект, который мы не наблюдаем при рассмотрении и сравнении с английским эквивалентом *freedom* или *liberty*, где свобода приравнивается к личными свободам и личному праву выбора. Забегая вперед, отметим, что компонент простора, необъемного пространства особенно ярков выражен в другом концепте – воля, который мы проанализируем следующим.

По меткому замечанию А. Вежбицкой, культурное представление

русского концепта «Свобода» соответствует известному стереотипу относительно «русской природы», связанному с широкой русской душой: «Стереотип «широкой русской природы», образно говоря, предполагает человека, который испытывает отвращение ко всякого рода ограничениям, принуждению, путам, который ощущает потребность «раскинуться», «перелиться» через любые границы, как река во время разлива» [Вежбицкая 2001: 238].

Наиболее частотными в речах российских дипломатов являются словосочетания: «свобода слова», «гражданские свободы», «свободное выражение и обмен мнений», «свободное волеизъявление», «право на свободу», «свобода мнений», частота упоминания – 51.

«Пускай они выбирают свободно, без какого-либо давления» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/] – аспект отсутствия давления.

«Надеемся, что это будет способствовать тому, чтобы эксперты чувствовали себя более свободно при изложении своих точек зрения» [https://www.mid.ru/web/guest/obsie-voprosy-mezdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzeniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/4590419].

У русского концепта «Свобода» находим также и его отрицательное значение. Несмотря на то, что концепт изначально характеризуется отсутствием каких-либо стеснений или ограничений, «ситуация, когда правил и запретов, ограничивающий выбор действий X-а, оказывается слишком мало, ассоциируется уже не со свободой X-а, а с вседозволенностью, произволом» [Кошелев 1991: 112] В следующем примере наблюдаем как раз данный диссонанс, где свобода приравнивается к беспределу, ситуации, когда нет никаких ограничивающих правил: *«На конкретном примере я рассказала типичную историю с людьми, которые преследуются за терроризм на территории России и очень свободно себя чувствуют в Европе»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2348943].

*«Призываем администрацию «Инстаграм» пересмотреть политику, ограничивающую право пользователей на **свободный доступ к информации**»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4652596]

*«... проведения после непродолжительного переходного периода **свободных и демократических выборов** при содействии ЭКОВАС и Афросоюза»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4652596].

Еще один эквивалент английского freedom (частота – 76), в определенных контекстах – это will. Понятийное наполнение концепта [https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt], [<https://ushakovdictionary.ru/>], [<https://gufo.me/dict/efremova>]:

1. Одна из основных психических способностей человека, заключающаяся в сознательном регулировании своего поведения, в управлении своими поступками
2. Сознательное стремление к осуществлению какой-нибудь цели (книжн.)
3. Желание, требование
4. Свобода, независимость; состояние, противоположное рабству, неволе
5. Полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках (разг.)
6. Способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели
7. Власть, возможность распоряжаться
8. Поступать, как считаешь нужным
9. Выражает утверждение своей точки зрения в противоположность

другой

10. Сознательное стремление к осуществлению или к достижению поставленной цели; упорство, настойчивость

11. перен. Простор, раздолье

Несмотря на то, что частотность «свободы» гораздо выше, чем у «воли» 174.9 против 126.4 [Ляшевская 2009], а также производных прилагательных – свободный – 149, вольный – 24, примеры употребления мы также находим в речах дипломатов (проверено на <https://textometr.ru/frequency-check>).

«С нашей стороны для возобновления двустороннего страт диалога имеется всё необходимое: политическая воля, проработанные подходы, сформированная межведомственная команда» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_s_trategicheskie_problemy/1415641/], - в данном примере дипломат говорит об осознанном стремлении, желании вести диалог, заявляет, что у страны есть необходимое упорство и настойчивость для возобновления отношений.

«Утверждения о том, что оставшиеся самоуправляющиеся территории по определению не смогут выжить в качестве независимых государств или что их нынешний статус отвечает воле коренного населения, далеко не всегда соответствуют действительности» [<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1449003/>], - в данном примере мы уже отмечаем случай употребления в контексте наличия у населения способности осуществить свои желания, осознанное стремление поступать так, как считается нужным.

Рисунок 13 – Интерпретационное поле концепта «Свобода»

Специфика концепта «Свобода» в русскоязычном дипломатическом дискурсе характеризуется его глубокой связью с образом «широкой русской природы», выражающимся через категории «раздолья» и отсутствия «сдавливающих оков». Понимание свободы неразрывно связано с этической ответственностью за последствия принятых решений, которые признаются окончательными и влекут за собой обязательную реакцию. Концепт приобретает выраженный коллективный и национальный характер, манифестируясь через право на самоопределение, сохранение идентичности и защиту суверенитета от внешнего давления. Являясь телеономным принципом, свобода репрезентирует высшую духовную ценность и нравственный идеал, предполагающий активную борьбу с «антиценностями» – несправедливостью и произволом. В дипломатической практике данное содержание зачастую трансформируется в категорию «воли», понимаемую как осознанное, настойчивое стремление и способность государства к достижению поставленных целей.

Как отмечает А. Вежбицкая, отличие между концептами «Liberty» и «Freedom» связано с «негативной» ориентацией последнего. Так в концепте freedom заключена возможность «НЕ делать того, чего не хочешь», а также «делать то, что хочешь БЕЗ ВМЕШАТЕЛЬСТВА» со стороны других людей» [Вежбицкая 2001: 217]. Данный компонент мы не находим в «Liberty», что является значительным отличием в исследуемой паре концептов. Британские философы И. Берлин, Дж.Локк, А. Смит, Т. Гоббс основывали freedom на принципе отсутствия вмешательства извне, что мы находим в современных толкованиях в словарях. Проанализировав значения, представленные в словарях Oxford, Cambridge, Merriam-Webster выделим следующие значения [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>], [<https://dictionary.cambridge.org/>], [<https://www.merriam-webster.com/>]:

1. the power or right to do or say what you want without anyone stopping you
2. the ability to do what you want because you have no obligations or responsibilities
3. the state of not being a prisoner or slave
4. the state of not being ruled by a foreign or cruel government
5. the state of being able to move easily
6. a situation in which you are not affected by something unpleasant

Основными составляющими являются:

1. возможность делать то, что ты хочешь без внешнего ограничения в виде обязательств, долженствований или других лиц
2. состояние, в котором человек не находится под воздействием иностранного жестокого правительства
3. возможность передвижения
4. состояние, в котором человек не является рабом или заключенным
5. состояние, в котором на человек не действуют неприятные факторы.

Как отмечает А. Вежбицкая, «понятие freedom сосредоточено на возможности делать, что хочешь, и не делать, чего не хочешь», добавляя, что «семантика слова freedom соответствует тем самым идеалу «ненавязывания», который представляет собой одну из главных тем в культуре англосаксонского мира» Вежбицкая 2001:220]

В речах британских дипломатов freedom встречается в подавляющем большинстве в следующих коллокациях: «freedom of expression», «freedom of association», «freedom of passage», «freedom of assembly», «freedom of the seas». Дипломаты в речах выражают особенную обеспокоенность «навязыванием» в других государствах ограничений на свободу слова, политический плюрализм, свободу прессы борьбу с которыми государство намерено поощрять, защищать, следить за отсутствием любого внешнего вмешательства: *promote/ respect/ call for/ maintain/ demand freedom and democracy, ensure the ability of civil society and media actors to freely document and report* (пер. *поощрять/уважать/призывать/поддерживать/требовать свободы и демократии, обеспечивать способность гражданского общества и средств массовой информации свободно документировать и сообщать*).

В следующих примерах британские дипломаты в своих речах утверждают стремление в поддержании свободы во всем мире, подразумевая, что в виде выражения помощи другим странам в освобождении их из-под негативных обстоятельств, в тех государствах оценят возможность делать что-либо без ограничения и чьего-либо воздействия, вмешательства: «*Working with key Southeast Asia partners will help us promote freedom and democracy across the world*» [<https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-visit-to-southeast-asia-to-build-ties-with-fastest-growing-parts-of-the-world>]// «*Sir Stuart's appointment is a clear demonstration of Britain's commitment to the Western Balkans and to the defence and promotion of freedom and democracy in the region*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-new-special-envoy-to-the-western-balkans>]// «*demonstrate that the UK is prepared to stand up for freedom*

and democracy» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-imposes-further-sanctions-to-hold-lukashenko-regime-to-account-for-human-rights-violations-in-belarus>]// «*we call on everyone to respect freedom and democracy in the region*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>]// «*We are alarmed about restrictions on media freedom and civil society groups*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-49-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-fact-finding-mission-on-libya>]// «*freedom and security must come first*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>]// «*Together, we all have a historic duty to keep the flame of freedom burning*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>] (пер. «Работа с ключевыми партнерами в Юго-Восточной Азии поможет нам продвигать свободу и демократию по всему миру»// «Назначение сэра Стюарта является четкой демонстрацией приверженности Великобритании Западным Балканам и защите и продвижению свободы и демократии в регионе»// «продемонстрируйте, что Великобритания готова отстаивать свободу и демократию»// «мы призываем всех уважать свободу и демократию в регионе»// «Мы встревожены ограничениями свободы СМИ и групп гражданского общества»// «свобода и безопасность должны быть на первом месте»// «Вместе, на всех нас лежит исторический долг поддерживать пламя свободы».).

Понятие «liberty» происходит от латинского слова «liber», что означает «лицо, не являющееся рабом» и в первую очередь подразумевает «отрицание ограничений, налагаемых рабством» [Wirszubski 2008] Данный факт не мог не сыграть доминирующую роль в формировании исследуемого концепта. Как отмечает А. Вежбицкая, *liberty* со времен, когда дефиниция использовалась в прямом значении и была однокомпонентна, слово «постепенно стало специализироваться на «общественных правах» <...> гарантируемых

соответствующими политическими структурами» [Вежбицкая 2001: 224] В словарях Oxford, Cambridge, Macmillan находим следующие составляющие значения:

1. freedom to live as you choose without too many limits from government or authority;
2. the state of not being a prisoner or a slave;
3. the legal right and freedom to do something;
4. an act or a statement that may offend or annoy somebody, especially because it is done without permission or does not show respect;
5. an example of speech or behaviour that upsets other people because it shows little respect or does not follow what is thought to be polite or acceptable.

Так, основными составляющими являются:

1. свобода жить без ограничений со стороны правительства или власти;
2. не являться рабом/заключенным;
3. законное право и свобода делать что-либо;
4. действие или заявление, которые могут кого-то оскорбить или разозлить, особенно потому, что они совершены без разрешения или не проявляют уважения;
5. пример речи или поведения, которые расстраивают других людей, потому что они проявляют мало уважения или не соответствуют тому, что считается вежливым или приемлемым.

«Liberty» подразумевает право индивида на совершение желаемых действий при условии их законности и отсутствия ограничений со стороны государственной власти, также содержит дополнительный смысловой оттенок: реализация свободы может переходить в действие, воспринимаемое как оскорбительное, если оно совершается в ущерб нормам вежливости, уважения к окружающим и общепринятым правилам поведения. Но отметим, что данному значению вербализация исследуемого концепта в речах британских

дипломатов не выявлена.

Так как различительная черта между «liberty» и «freedom» – это разрешение со стороны закона, то говоря о запретах и ограничениях, наложенных во время пандемии, дипломат использует именно liberty ввиду того, что рестрикция была со стороны государства: «*The restrictions on our liberty are not pleasant, for some they are hurting...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-at-15-september-national-press-conference>] (пер. «Ограничения нашей свободы неприятны, некоторым они причиняют боль...»). В следующем примере мы видим употребление как freedom, так и liberty: «*Hand in hand with economic devastation, caused by this man, has come the parallel removal of liberty, justice and freedom*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/presidency-of-maduro-no-longer-rests-on-democratic-foundations>]/ «*Of course, that outward, liberal, free trading perspective is why we enjoy such a close and historic relationship with you here in Chile...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>]/ «*We can demonstrate that the benefits of liberal democracies and free markets...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «Рука об руку с экономическим опустошением, вызванным этим человеком, параллельно произошло уничтожение свободы, справедливости и раскрепощенности»// «Конечно, именно эта внешняя, либеральная перспектива свободной торговли является причиной того, что мы поддерживаем такие тесные и исторические отношения с вами здесь, в Чили...»// «Мы может продемонстрировать, что преимущества либеральных демократий и свободных рынков...»), так дипломат заявляет, как об отсутствии свободы, предоставленной государством, так и об отсутствии возможности жить без «навязывания» ограничений.

Рисунок 14 – Интерпретационное поле концепта «Freedom»

Специфика концепта «Freedom» в англоязычном дипломатическом дискурсе базируется на аксиологической дихотомии «правительство – народ», при которой критика за ограничение прав всегда адресована правящим режимам, тогда как стремления граждан к независимости позиционируются как борьба, поддерживаемая международным сообществом. Свобода репрезентируется в неразрывной связи с демократией и глобальной безопасностью, приобретая при этом этическое измерение через категорию ответственности субъекта за долгосрочные последствия сделанного выбора. В геополитическом контексте концепт коррелирует с суверенитетом, подразумевающим право государства самостоятельно определять свой путь и масштаб влияния на мировой арене, однако в институциональном плане «свобода» рассматривается как комплекс прав и привилегий, имеющий условный характер и подлежащий приостановке в случае нарушения субъектом международных норм.

Наряду с концептом «Свобода», нам также следует привести примеры к

концепту «Право»/ «Права». Вербализованный концепт «Право» обладает широкой понятийной составляющей в английском языке. В толковых и энциклопедических словарях лексема «right» представляется многозначной. В Oxford Dictionary мы находим следующее определение: «a moral or legal claim to have or get something or to behave in a particular way» [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>], так «право» расшифровывается как «моральное или юридическое требование иметь или получить что-либо или вести себя определенным образом». В Cambridge Dictionary находим дополнение: «what is considered to be morally good or acceptable» – «что считается морально хорошим или приемлемым» // «the fact that a person or animal can expect to be treated in a fair, morally acceptable, or legal way, or to have the things that are necessary for life» [<https://dictionary.cambridge.org/>] – «тот факт, что человек или животное могут рассчитывать на справедливое, морально приемлемое или законное обращение или на то, что у них будут вещи, необходимые для жизни». Так, значение тесно связано с такими понятиями, как «мораль», и «закон».

В толковом словаре Ожегова мы также наблюдаем связь с правилами и нормами: «Совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе, а также наука, изучающая эти нормы», «Охраняемая государством, узаконенная возможность что-н. делать, осуществлять»

[https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt].

В данном случае мы также наблюдаем, что частотность употребления лексемы в британских выступлениях вдвое выше, чем в речах российских дипломатов. Преобладают такие словосочетания, как «*human rights, human rights violations, human rights commitments, its citizens' rights*» (пер. «права человека, нарушения прав человека, обязательства в области прав человека, права ее граждан»). Российские дипломаты также апеллируют к правам человека: «Россия последовательно отстаивает принципы верховенства

права и коллективных начал в международных отношениях», «...по итогам четырехлетнего служебного расследования о серьезных нарушениях международного права...». Такая высокая частотность употребления объяснима тем, что работа дипломата имеет юридическую природу и основана на международном праве.

Язык не только отражает мир в сознании носителя языка, в нем находят отражение национальный менталитет. Семантическое наполнение каждой лексической единицы неповторимо, что вызывает уникальный визуальный образ. В плане содержания единиц языка содержатся образные ассоциаты, стереотипы, когнитивные структуры. Связь между лексическим слоем языка и установками общества, особенностью мышления заложена в основе национальной специфики.

В России законодательно закреплено понятие «недружественное государство», что подразумевает страны, совершающие в отношении России, российских компаний и граждан недружественные действия, данный концепт входит в такие концепты межгосударственных отношений как «партнер», «союзник» и другие.

Для углублённого анализа концептов была применена когнитивно-аксиологическая модель В.И. Карасика (2002) и социодинамическая схема Ю.С. Степанова (1997). Этимология слова восходит к литовскому «draugas» и латышскому «draugs» («товарищ»), а также к древнегерманскому «trucht» («отряд воинов»), что указывает на его первоначальное значение – «тот, кто сражается вместе» [<https://lexicography.online/etymology/%D0%B4/%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3>].

Понятийное содержание вербализованного концепта «Друг» раскрывается через следующие основные компоненты:

1. Тождество и близость (арх.): «Другой я», равный; всякий ближний [Даль 1863].

2. Градуальность отношений: связь, варьирующаяся по степени близости – от приятельских до основанных на узах дружбы [Даль 1863].
3. Семантическое ядро: лицо, связанное с кем-либо отношениями дружбы [Ожегов 2019].
4. Вторичная семантика: значение сторонника или защитника чего-либо (например, «друг свободы») [Ожегов 2019].
5. Коммуникативная функция: использование в качестве личного обращения к близкому человеку или в качестве доброжелательного просторечия [Ожегов 2019].

Дополняя семантическое поле концепта, приведем синонимы: «доброжелатель, приятель, благоприятель, наперсник, побратим, побратанец, товарищ; дружище, старик; сторонник» [Гаврилова 2013]. Так, значение обогащается таким понятиями, как: надежность, близость по духу, общее дело, добрые намерения, временная протяженность общения.

Рассмотрим языковую объективизацию концепт «Друг» и какие лексемы-репрезентанты входят в его семантическое поле.

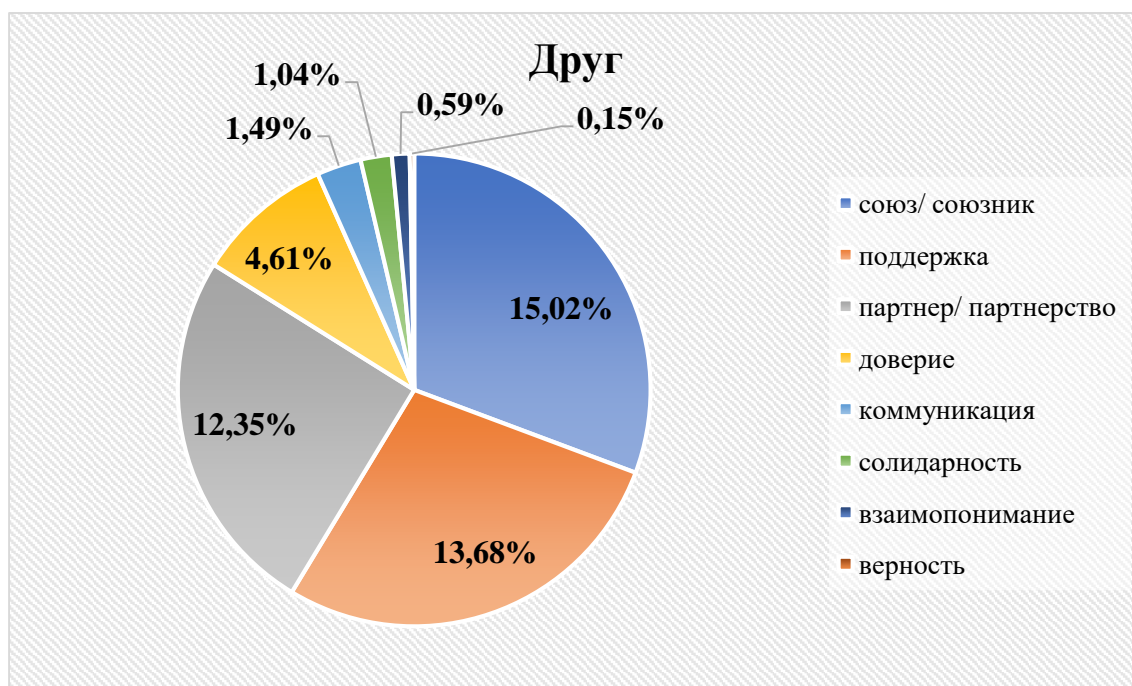

Рисунок 15 – Концепт «Друг» и его семантическое наполнение

Концепт «Друг» в дискурсе российских дипломатов обладает многогранной семантикой, раскрывающейся через единство его эмоциональной составляющей и практического смысла дружбы в сфере международных отношений.

В дипломатическом дискурсе прослеживается четкое разграничение в вербализации концептов, обозначающих межгосударственные отношения. Для характеристики дружественных связей со странами, с которыми сохраняется напряженность, используется термин «союзник» (например, в конструкциях «*США и их союзники*», «*евроатлантические союзники*»), в то время как концепт «друг» применяется реже. Таким образом, можно говорить о существовании градационной шкалы доверия, где концепты «друг», «партнер» и «союзник» занимают различные позиции: «*Уверены, что мудрый белорусский народ самостоятельно разберется, кто ему действительно друг и проверенный союзник...*» [https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEbzrL0/content/id/4564889] / «*На то, собственно, и существуют друзья и союзники, чтобы помогать в кризисных ситуациях*» [https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEbzrL0/content/id/4564889]. Таким образом, в дипломатическом дискурсе прослеживается четкая смысловая иерархия между ключевыми концептами. Друг – это государство, с которым отсутствуют конфликты интересов и достигнуто взаимопонимание по наиболее важным стратегическим вопросам. Партнер – государство, выстраивающее долгосрочное и планомерное взаимодействие для достижения общих целей, а союзник – государство, не только оказывающее активную поддержку в борьбе за общие интересы, но и принимающее на себя совместные риски и ответственность, что формально закреплено системой двусторонних или многосторонних договоров, соглашений и иных правовых обязательств.

Ключевым элементом, скрепляющим эти формы взаимодействия, выступает доверие. Его важность постоянно подчеркивается, поскольку именно доверительные отношения создают предпосылки для обеспечения стабильности и безопасности: *«Убеждены, что реальный прогресс в деятельности международного сообщества в области прав человека может быть достигнут только на **основе взаимоуважительного диалога и укрепления доверия** между государствами»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713] // *«Сегодня отношения между нашими странами характеризуются возрастающим уровнем **доверия**»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719]. Упоминания о том, что в сложные времена страны-друзья поддерживают друг друга: *«Присущий российско-вьетнамским отношениям дух **солидарности** и неизменной взаимной **поддержки**...»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052].

Практическая ценность этих отношений подтверждается в дипломатических заявлениях, где отмечается, что дружеские связи между государствами служат эффективным инструментом для противодействия внешним вызовам и угрозам: *«Хочется верить, что это было воспринято как очередное свидетельство **верности** России своим союзническим обязательствам...»* [https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEBzrL0/content/id/4564889].

В дипломатическом дискурсе практическим подтверждением дружественных отношений служат ссылки на совместные инициативы и проекты, реализация которых приносит ощутимую взаимную выгоду сторонам: *«Дружественные российско-абхазские отношения основываются на принципах **союзничества и стратегического партнерства**, имеют под собой прочную договорно-правовую базу...»*

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], *«Разблокирование экономических связей и строительство новых коммуникаций – процесс длительный»*[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

В русскоязычном дипломатическом дискурсе концепт «Друг» вербализован в качестве торжественного вступления в обращении к соотечественникам, не в политических комментариях для других государств: *«Уважаемые друзья, дорогие друзья»*, а также, в поздравительных речах: *«Сердечно поздравляем наших буркинийских друзей с Днем провозглашения Республики»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Поздравляем наших кенийских друзей с национальным праздником»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Поздравляем наших лаосских друзей с праздником»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

«Друг» также может применен и к выражению сарказма: *«Поэтому, когда у нас будут возникать дополнительные проблемы с американскими друзьями, мы будем обращаться к Вам»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/74_ya_sessiya_generalnoy_assamblei_oon/1470162/].

Этимологически английский концепт «Friend» восходит к протогерманскому слову «frijōjands», обозначающему лицо, связанное с другим узами личной привязанности, уважения и любви. Это исходное значение находит свое развитие в современных значениях, представленных в Oxford Learner's Dictionaries:

1. близкие отношения: person you know well and like; not usually a

family member (*пер. человек, которого вы хорошо знаете и который вам нравится; обычно не родственник*)

2. формальная поддержка: person who supports an organization/idea through funding or advocacy (*пер. человек, оказывающий поддержку организации/идее путем финансирования или продвижения*)

3. сходство интересов: person sharing your views and interests who provides assistance (*пер. человек, разделяющий ваши взгляды и интересы, готовый помочь*)

4. ироничное обращение: ironic reference to an unfamiliar person causing minor annoyance (*пер. ироничное указание на незнакомца, причинившего легкое неудобство*)

5. религиозный контекст: formal member of the Society of Friends (*пер. официальный член Религиозного общества друзей*)

[https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/124nglish/friend_1]

Рисунок 16 – Интерпретационное поле концепта «Друг»

Итак, анализ вербализованного концепта «Друг» в дипломатическом дискурсе позволяет выявить глубокие механизмы и стратегии межкультурной коммуникации, выходящие за рамки простых словарных дефиниций. В российском дискурсе данный концепт характеризуется глубокой эмоциональностью и апелляцией к духовной близости и исторической памяти. Исследование демонстрирует наличие в российском политическом сознании четкой смысловой иерархии, где концепт «друг» занимает высшую позицию в шкале доверия. В отличие от «партнера», чье взаимодействие носит прагматический характер, и «союзника», чьи отношения закреплены формальными правовыми обязательствами и совместными рисками, «друг» репрезентирует государство, с которым достигнуто полное взаимопонимание по стратегическим вопросам при отсутствии конфликтов интересов.

Инструментальный аспект концепта в российском дипломатическом поле проявляется в его использовании как эффективного средства для противодействия внешним вызовам и реализации взаимовыгодных инициатив, например, через «разблокирование экономических связей». При этом концепт обладает выраженной этической ценностью: для российского дипломатического дискурса дружба – это «душевная близость» и безусловная уверенность в другом субъекте. Дискурсивная реализация концепта отличается специфической вариативностью: от торжественной вербализации в обращениях к зарубежным партнерам (например, «*лаосские друзья*», «*буркинийские друзья*») до саркастического использования в отношении геополитических оппонентов. Таким образом, концепт «Друг» в российском дипломатическом дискурсе выступает не только маркером эмоционального доверия, но и важным регулятивным принципом межгосударственных отношений.

Для обозначения дружественных связей с государствами, с которыми отношения напряжены, дипломаты предпочитают использовать термин «союзник», а не «партнер»: «США и их союзники», «евроатлантические

союзники». Наблюдается определенное распределение по уровню доверия между терминами «партнер», «союзник» и «друг». Таким образом, «друг» – это государство, с которым нет конфликта интересов и существует взаимопонимание по ключевым вопросам. «Партнер» – это государство, с которым заключен долгосрочный план по достижению целей, в то время как «союзник» поддерживает в борьбе за общие интересы, разделяя риски и ответственность. Союзников объединяют договоры, подписанные соглашения и другие юридические связи.

В русском дипломатическом дискурсе используют термин «партнер» в официальных обращениях к своим соотечественникам, избегая политических комментариев о других странах. В русской лингвокультуре концепт «Друг» в первую очередь наполнен более тесными, близкими и глубокими связями между людьми, то этот вербализованный концепт актуализируется в дискурсе российских дипломатов чрезвычайно осторожно.

Синонимический ряд английского эквивалента включает такие лексемы, как «companion, partner, familiar, intimate, comrade, crony, alter ego, confidant, playmate, confidante, soul mate», а также разговорные формы: «pal, buddy, mate, chum» (пер. «компаньон, партнер, знакомый, близкий, товарищ, закадычный друг, альтер эго, доверенное лицо, товарищ по играм, доверенное лицо, родственная душа/ разг. приятель, дружище, кореш»). Анализ данных синонимов позволяет сделать вывод о специфике английского концепта: в нем отражены такие аспекты, как совместная деятельность, общее времяпрепровождение, возрастная близость («crony»), а разговорные варианты часто имеют гендерную окраску и употребляются преимущественно по отношению к мужчинам.

Таким образом, сравнительный анализ синонимических рядов демонстрирует различие культурных акцентов: если в русской лингвокультуре ценностью является душевная близость и уверенность в другом человеке, то в английской – общность интересов, совместная деятельность и единство во

взглядах.

Полевая модель британского концепта «Friend»

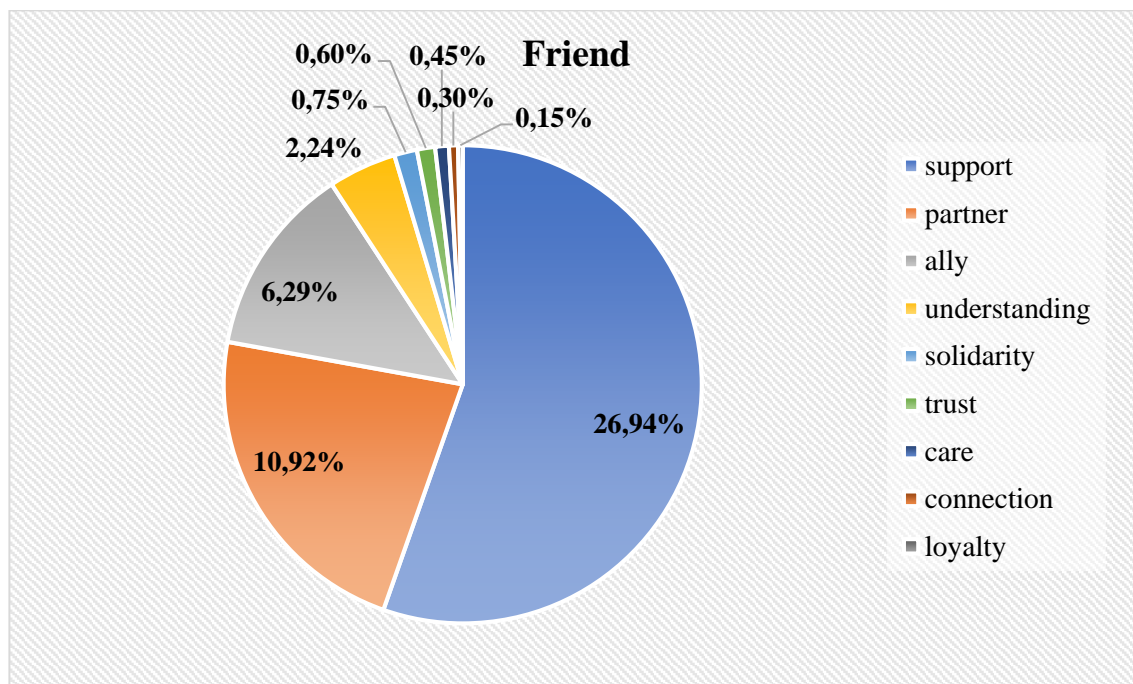

Рисунок 17 – Концепт «Friend» и его семантическое наполнение

Британская дипломатия стремится улучшить свой имидж на международной арене, где их поддержка представляется как добродетельное и конструктивное взаимодействие для решения мировых проблем: «...we will continue to do so, including through sanctions, together with our **international partners**» (пер. «...мы будем продолжать делать это, в том числе посредством санкций, вместе с нашими международными партнерами») [<https://www.gov.uk/government/speeches/osce-forum-for-security-cooperation-opening-session-uk-statement>]. Однако акцент на консенсусе и поддержке, как в выражениях «мы будем продолжать делать это, в том числе посредством санкций, вместе с нашими международными партнерами» может восприниматься как инструмент давления, подчеркивающий двойные стандарты их внешней политики.

Внешнеполитический дискурс Великобритании целенаправленно

формирует образ надежного и ответственного международного актора. Эта стратегия реализуется через последовательную поддержку других государств и активное участие в укреплении стратегических альянсов и международных институтов: «*The United Kingdom reiterates its support for the Independent Investigative Mechanism for Myanmar*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-48-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-independent-investigative-mechanism-for-myanmar>] (пер. «Соединенное Королевство вновь заявляет о своей поддержке Независимого механизма расследования для Мьянмы»).

Так, выражение поддержки других стран может восприниматься как попытка представить себя в позитивном свете, в то время как фактическое вмешательство и влияние в международные дела часто сопровождаются скрытыми интересами.

Рассмотрим особенности актуализации концепта «Friend» в дипломатическом дискурсе: «*As a Governor you have been beyond courteous, and polite, and you have made me feel very welcome here and having noted the connection between the UK and TCI...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-monday-31st-may-2021>] (пер. «Как губернатор, вы были более чем обходительны и вежливы, и вы заставили меня почувствовать себя здесь желанным гостем, отметив связь между Великобританией и TCI...»). Актуализация концепта «Friend» в дипломатическом дискурсе служит прагматическим инструментом демонстрации политической лояльности и реализации стратегии кооперативного взаимодействия, направленной на пролонгацию диалога.

В дискурсе британских дипломатов вербализация данного концепта сопровождается акцентированием важности командной работы и гуманитарного аспекта в поддержке союзных государств: «*I hope that in-person meetings and consultations can restart soon: our conversation, our interaction and our understanding of each other is all poorer through a screen*»

[<https://www.gov.uk/government/speeches/improving-humanitarian-response-and-ensuring-political-process-in-line-with-resolution-2254-in-syria>] (пер. «Я надеюсь, что личные встречи и консультации вскоре возобновятся: наш разговор, наше взаимодействие и наше понимание друг друга через экран будут еще более скудными»).

Безусловно, хотя в дипломатическом лексиконе доминирует более официальный эквивалент «partner», редкое использование концепта «Friend» обладает особой значимостью. Такое употребление служит маркером исключительного отношения дипломата к собеседнику, подчеркивая не просто стратегическое партнерство, а стремление к духовной и ценностной общности, к объединению под сводом общих устремлений и идеалов: «*We believe Britain has a central, driving, role to play in all of this, working with our **friends and allies**, with countries that share our core convictions, such as Chile*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. Мы считаем, что Британия должна сыграть центральную, ведущую роль во всем этом, работая с нашими друзьями и союзниками, со странами, которые разделяют наши основные убеждения, такими как Чили) // «*We will broaden our approach by rallying more of our **friends** in standing up for sovereignty and security*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>] (пер. Мы расширим наш подход, объединив больше наших друзей в борьбе за суверенитет и безопасность).

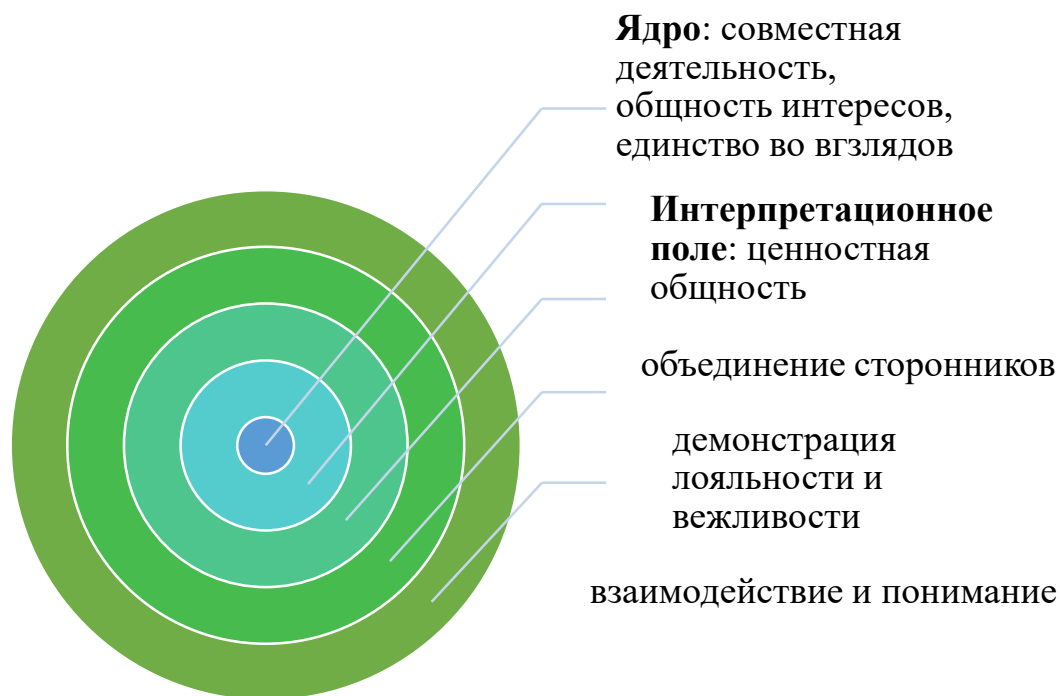

Рисунок 18 – Интерпретационное поле концепта «Friend»

Анализ специфики вербализации концепта «Friend» в британском дипломатическом дискурсе позволяет выявить ряд его уникальных характеристик, обусловленных как лексико-семантическими особенностями, так и ценностными установками лингвокультуры. В отличие от российского дискурса, ориентированного на «душевную близость», британская модель базируется на прагматизме и консенсусе, где основными ценностями выступают общность интересов и единство во взглядах. Синонимический ряд английского эквивалента (*companion, partner, crony, mate*) подтверждает, что в основе концепта лежат аспекты совместной деятельности и функционального взаимодействия.

Концепт «Friend» в англоязычном дипломатическом дискурсе функционирует как дискурсивная стратегия, направленная на конструирование имиджа «надежного международного актора». Вербализация поддержки союзников в категориях «командной работы» и институционального взаимодействия репрезентирует ценности лояльности и

партнерства. Однако амбивалентность данного концепта обнаруживается в контексте санкционного давления. Риторика консенсуса обнажает имплицитные механизмы влияния, маркируя политику «двойных стандартов».

Особое значение имеет иерархичность и исключительность употребления терминологии: при безусловном доминировании в официальном лексиконе термина «partner», редкое использование лексемы «friend» становится маркером перехода к более глубокому уровню отношений. Такое словоупотребление подчеркивает стремление к ценностной общности и объединению под эгидой «общих убеждений», как в случае с укреплением связей с ключевыми союзниками. Таким образом, вербализованный концепт «Friend» в британском дискурсе приобретает выраженную стратегическую направленность, становясь средством мобилизации партнеров для защиты суверенитета и безопасности, что является неотъемлемой частью глобальной стратегии страны.

Одним из ярких примеров непереводаемых слов в русском языке, наряду с «тоска» или английским «privacy» является «душа». Частотность данного слово в повседневном русском языке довольно высока, оно используется в таких выражениях, как «от души поздравляю», «от души желаю», «отдавать душу», «от всей души приветствую», «жить душа в душу» и др.

А. Вежбицкая в книге «Понимание культур через посредство ключевых слов» исследует специфические концепты русского языка и приводит следующую трактовку слову «душа»: «рассматриваемая как духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний театр, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь» [Вежбицкая 2001: 36].

Из определений в словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой мы определяем многогранность толкований:

1. религиозно-философская сущность: бессмертное духовное начало, наделённое разумом и волей; в широком смысле – человек как

единство духа и плоти; в узком – его нематериальная составляющая.

2. внутренняя вселенная: совокупность психических процессов, составляющих содержание индивидуального сознания и внутреннего мира личности.

3. идеалистический дуализм: в метафизике – особая нематериальная субстанция, онтологически противопоставленная материальному телу.

4. основа человеческого бытия: глубинный центр психической жизни, источник и средоточие эмоций, переживаний и чувств, определяющих полноту существования.

5. характерологический признак: определённое качество или черта характера (например, «добрая душа»), а также человек, наделённый такими качествами.

6. трансцендентное начало: в теологии – сверхъестественная бессмертная сущность, покидающая тело после физической смерти для продолжения существования в иной форме.

7. движущая сила и вдохновитель: в переносном значении – центральная фигура, являющаяся источником идей и энергии для какого-либо начинания («душа компании»).

8. обозначение человека как единицы счёта, чаще всего в устойчивых выражениях, указывающих на отсутствие людей («никого нет, ни одной души»).

9. аффективное обращение: используется как фамильярно-ласкательная форма прямого обращения к собеседнику, выражающая симпатию или близость.

Упоминание «души» мы встречаем и в выступлениях дипломатов в таких фразеологизмах, как «вкладывать душу», «быть по душе»: *«Не всем по душе, что мы давно и навсегда преодолели трудности тех самых»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1767412/] // *«Если верен тезис, который мне очень по душе, о необходимости...»*

[https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1423582/].

*«Журналисты готовят от полугода и более документальный фильм, собирают материалы, действуют в рамках законодательства, тратят немалые средства, **вкладывая душу**, а потом после публикации фильм просто исчезает с цифровой платформы без каких-либо внятных объяснений»*

[[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-](https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719)

[/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719](https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719)]. В речи акцентируются все старания, направленные на создание фильма, а фразеологизм «вкладывать душу» только подчеркивает безграничную вовлеченность в дело.

С помощью следующего фразеологизма дипломат дает эмоциональную оценку происходящему: *«В который раз пытаюсь не реагировать на лживые и злонамеренные речи украинцев и их западных хозяев, но сейчас не могу промолчать. Нормальных людей **до глубины души поражает** уровень истерии, раздутый западными политиками, дипломатами и журналистами...»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1796771/] *«Мы ощущаем, насколько глубоко эти **чувства укоренены в душе** сербского народа, в его исторической памяти»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/]

*«Когда **говоришь с людьми по душам**, выясняется, что у нас гораздо больше общего, нежели предубеждений и недоверия, которые усиленно подогреваются властями»*

[https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/mass_media/1797867/].

Проведем анализ концепта «Soul» и его семантических пересечений с русским эквивалентом:

1. the spiritual part of a person, believed to exist after death (пер. *духовная составляющая человека, существующая, согласно представлениям, после смерти*);
2. a person's inner character, containing their true thoughts and feelings (пер. *внутренняя сущность личности, отражающая подлинные мысли и*

- эмоции);
3. the spiritual and moral qualities of humans in general (пер. *духовные и нравственные характеристики человека как такового*);
 4. strong and good human feeling, especially that gives a work of art its quality or enables somebody to recognize and enjoy that quality (пер. *глубокое и возвышенное чувство, в частности то, что придает произведению искусства его ценность или позволяет человеку распознавать и ценить эту ценность*);
 5. (the soul of something) a perfect example of a good quality (пер. *олицетворение, воплощение положительного качества*);
 6. (especially in negative sentences) a person (пер. *особенно в отрицательных контекстах*) *человек,* *личность*)
[<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

Однако, несмотря на то что мы находим пересечения в толкованиях, так в обоих языках прослеживается аспект, что душа – это духовная часть, она бессмертна, это свойство характера. Согласно наблюдениям, проведенным А. Вежбицкой, русское «душа» с большей вероятностью будет переведено на английский с помощью «mind» или «heart» [Вежбицкая 2001] как в силу изрядной частотности в русских фразеологизмах, так и в силу лингвистических особенностей. В подтверждение, мы не находим упоминания «soul» в речах британских дипломатов, но обнаруживаем частотность фразеологизма «be at the heart of» – «быть центральной, самой важной, знаковой частью чего-л.», а также «*speak one's mind*»: «*Mr President, you've put this issue on the agenda today because it's clearly at the very heart of the council's work*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-threat-posed-by-illicit-flows-of-small-arms-and-light-weapons>]// «*That global perspective sits at the heart of the concept of Global Britain*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>]// «*And they remain at the heart of the OSCE – and*

they have the UK's full support» [https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council] // «Only countries which take a similar approach to their own people – depriving them of the opportunity to choose their leaders, denying them the right to participate freely in politics or even to speak their mind – will consider these to be «elections» [https://www.gov.uk/government/speeches/improving-humanitarian-response-and-ensuring-political-process-in-line-with-resolution-2254-in-syria] (пер. «Господин Президент, вы включили этот вопрос в повестку дня сегодня, потому что он, несомненно, находится в самом центре работы Совета»// «Глобальная перспектива лежит в основе концепции Глобальной Британии»// «И они остаются в центре ОБСЕ – и у них есть возможность Великобритании полностью поддерживает» // «Только страны, которые придерживаются аналогичного подхода к своему собственному народу – лишают его возможности выбирать своих лидеров, отказывают ему в праве свободно участвовать в политике или даже высказывать свое мнение – будут считать это «выборами»).

Полевая модель концепта «Soul»

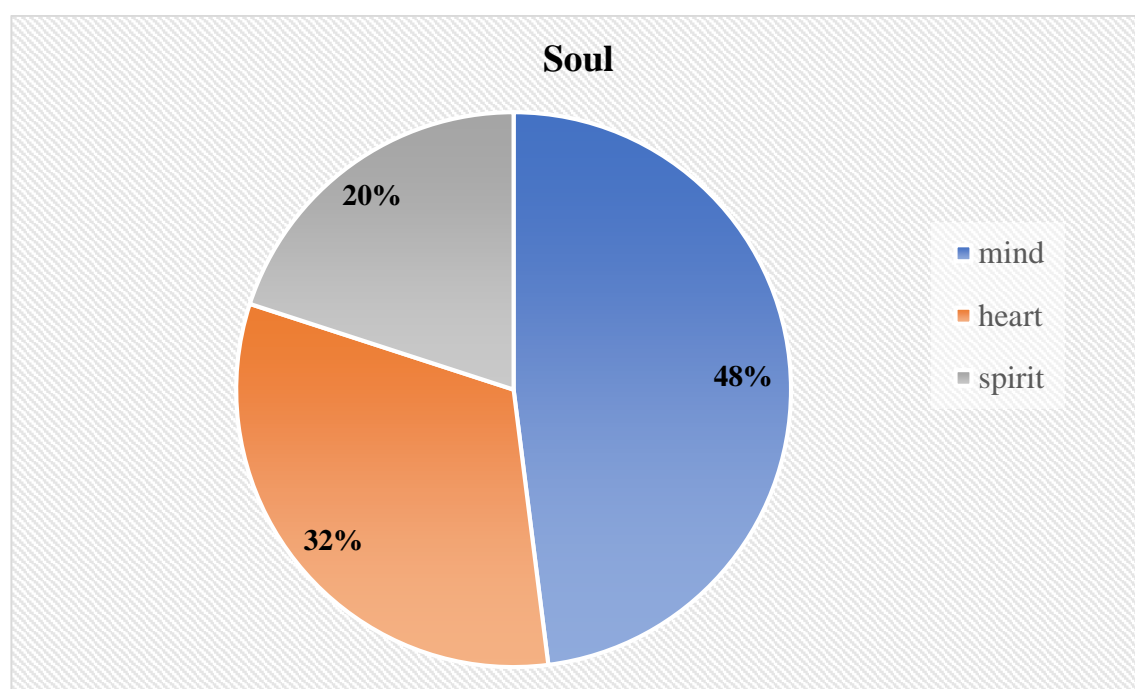

Рисунок 19 – Концепт «Soul» и его семантическое наполнение

Концепт «Spirit» объективирует ценности солидарности, приверженности общим целям, к безопасности и кооперации с партнерами: «*In the same spirit, the UK is stepping up as the largest defence spender in Europe...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/going-deeper-and-broader-to-ensure-putin-fails-article-by-liz-truss>] (пер. «*В том же духе Великобритания становится крупнейшим поставщиком оборонных услуг в Европе...*»).

Концепт «Spirit» выступает в роли важного элемента идентичности нации: «*That global perspective sits at the heart of the concept of Global Britain, a phrase that you will hear a lot today and that features prominently in the Integrated Review*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. «*Эта глобальная перспектива лежит в основе концепции Глобальной Британии - фразы, которую вы часто услышите сегодня и которая занимает видное место в Комплексном обзоре*»). Метафора *heart* в данном контексте выступает средством объективации концепта «Spirit», акцентируя такие его смысловые компоненты, как «ценностный центр», «источник идентичности» и «неотъемлемая сущность».

Данный концепт также может быть интерпретирована как символ индивидуальности и самоопределения. Отказ в участии в политике может восприниматься как уничтожение духовной сущности личности, что подчеркивает важность свободы выбора и голосования как основополагающих прав человека: «*...denying them the right to participate freely in politics or even to speak their mind – will consider these to be «elections»*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/improving-humanitarian-response-and-ensuring-political-process-in-line-with-resolution-2254-in-syria>] (пер. «*...лишение их права свободно участвовать в политике или даже высказывать свое мнение будет расцениваться как «выборы»*»).

Рисунок 20 – Интерпретационное поле концепта «Soul»

Анализ концепта «Soul» в британском дипломатическом дискурсе выявляет тенденцию к его значительной рационализации и функциональности, что принципиально отличает его от российского эквивалента. В дипломатической речи Великобритании наблюдается практически полное избегание прямой лексики «soul», которая заменяется категориями «mind» или «heart», что подтверждает тезис А. Вежбицкой о переносе акцента с метафизической сущности на рациональную и системную. Концепт вербализируется как символ политических прав и индивидуальности: в частности, через фразеологизм «speak one's mind» (пер. «высказывать свое мнение») вербализуется идея сохранения духовной сущности личности, а лишение граждан возможности свободного волеизъявления интерпретируется как уничтожение их внутреннего «я».

Вместо характерного для русской лингвокультуры эмоционального самоанализа, британский дискурс связывает «сердце» с национальной идентичностью и готовность играть ведущую роль в глобальных процессах.

При этом коллективный аспект концепта реализуется через лексему «spirit», которая объективирует единство нации, верность общим целям безопасности и приверженность стратегическому сотрудничеству с партнерами. Таким образом, если в российском дискурсе «душа» является маркером глубокой эмоциональной связи, то в британском она выступает регулятором политических свобод и инструментом позиционирования государства на международной арене.

Полевая модель концепта «Душа»

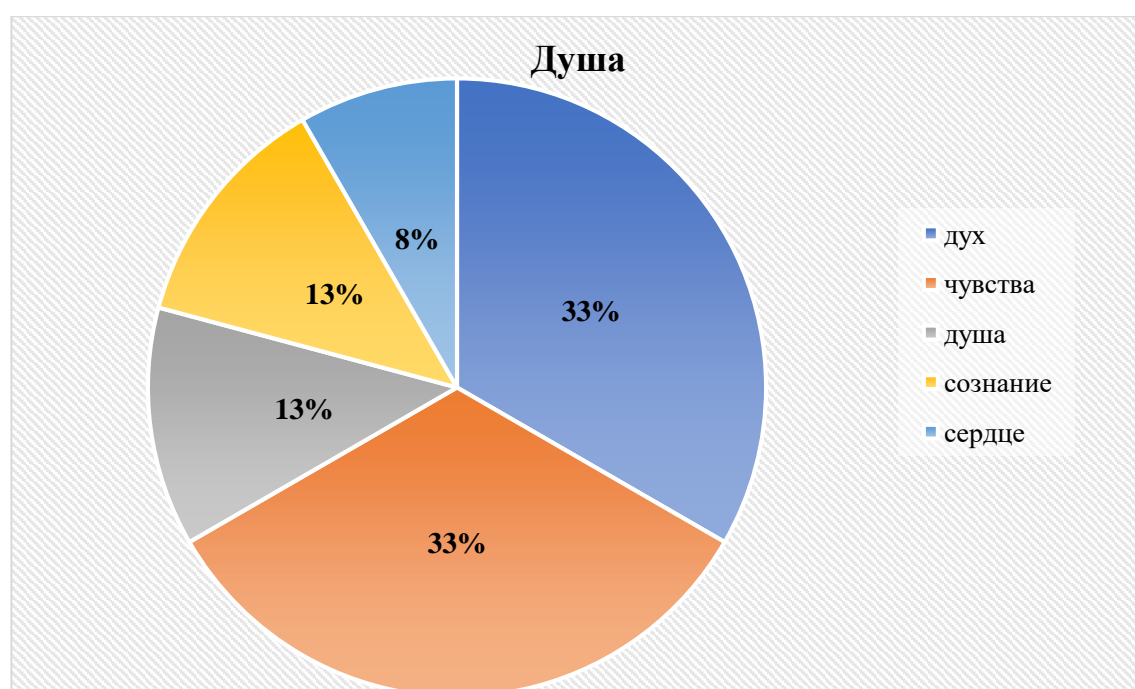

Рисунок 21 – Концепт «Душа» и его семантическое наполнение

Использование данного вербализированного концепта дипломатами подчеркивает эмоциональное воздействие происходящего, указывая на сильные чувства и моральное негодование. «Душа» ассоциируется с внутренними переживаниями и реакцией на несправедливость, что в свою очередь, указывает на важность эмоционального аспекта в оценке событий: *«Нормальных людей до глубины души поражает уровень истерики, раздутый западными политиками, дипломатами и журналистами...»*

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1796771/].

Отражая основополагающие ценности и идеалы, которые связывают страны, концепт связан с культурными связями, дружбой и сотрудничеством, что подчеркивает важность общего культурного пространства и взаимопонимания: *«Уверен, что премия станет доброй традицией российской культурной жизни в Италии и будет способствовать укреплению духа дружбы и сотрудничества между нашими странами»*

[https://www.mid.ru/web/guest/maps/it-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/3848008].

В высказывании подразумевается способность воспринимать и принимать информацию, а также влияние на моральный выбор и внутреннее восприятие. Это акцентирует внимание на идеях, которые должны быть достаточно сильны для того, чтобы проникать в сознание людей: *«Если они так уверены в своих идеалах, в своих ценностях, которые сами по себе «пробьют» себе дорогу в «сердца и умы» всех граждан всех стран всего мира, то пусть излагают свои позиции и позволят странам делать выбор»*

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/].

«Душа» как символ национальной идентичности и коллективной памяти. Она связана с исторической судьбой народа и его уникальным опытом, что указывает на моральные и эмоциональные связи, возникшие в результате совместных переживаний и испытаний, что подчеркивает важность культурного наследия: *«Нас объединяют общая история, победы против общих врагов. Мы ощущаем, насколько глубоко эти чувства укоренены в душе сербского народа, в его исторической памяти»*

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/].

Хотя в последнем предложении слово «душа» не упоминается явно, полезно проанализировать его в контексте намека на внутренние изменения и пробуждение сознания. Оно также может подразумевать некое духовное и культурное пробуждение, что может быть соотнесено с концептом «души» как

метафоры общей европейской идентичности и сознательности.

Анализируемый концепт неразрывно связан общими ценностями и культурой, настроением общества, так в контексте вызываемого эмоционального резонанса и дипломат призывает к переосмыслению общих ценностей и идеалов, что важно для дальнейшего развития отношений между Россией и Европой: «Очень надеюсь, что теперь европейское *сознание* встряхнётся» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806841/].

Рисунок 22 – Интерпретационное поле концепта «Душа»

Анализ вербализованного концепта «Душа» в российском дипломатическом дискурсе демонстрирует его выход за рамки традиционных словарных дефиниций, определяющих его как религиозно-философскую сущность или «внутреннюю вселенную» личности. В дипломатической практике данный концепт реализует значимую эмоционально-оценочную функцию, позволяя подчеркнуть искренность позиции субъекта и вызвать эмоциональный резонанс у аудитории.

Более того, данный концепт выступает репрезентантом национальной идентичности и коллективной памяти, связывая историческую судьбу народа и его уникальный опыт совместных испытаний с текущими чувствами солидарности. В этом ключе «душа» формирует культурный фундамент межгосударственных отношений, где через идеи дружбы и общего пространства транслируются основополагающие ценности, способные «пробивать дорогу» к сердцам граждан других стран. Таким образом, концепт в российском дипломатическом дискурсе функционирует не только как психологическая категория, но и как регулятивный принцип, определяющий этические границы и смысловое наполнение международного диалога.

Итак, при сравнении вербализированных концептов «Друг», «Партнёр», «Союзник»/ «Friend», «Partner», «Allies» в русском и английском языках мы можем обнаружить следующие характеристики. В русском языке «друг» несет в себе более глубокое значение, подчеркивающее интимную и духовную связь между людьми. С другой стороны, в английской лингвокультуре «Friend» рассматривается в контексте противопоставления «Врагу». Здесь «друг» – это человек, разделяющий твои взгляды и ценности, с кем ты можешь вести общее дело или бороться за общие интересы. В англоязычной культуре дружба часто ассоциируется с совместной деятельностью и общими устремлениями, в то время как в русской культуре акцент делается на душевной близости и надежности. Изучая синонимический ряд, можно отметить, что для русскоязычной культуры немаловажным аспектом является душевная связь и уверенность, в то время как для англоязычной культуры важным является совместная деятельность и общие интересы. Несмотря на то, что официальный термин «партнер» употребляется чаще, редкое использование слова «друг» свидетельствует о специальном отношении к собеседнику, выражая стремление быть объединенными общими устремлениями. Российские дипломаты часто используют термин «друг» в торжественных обращениях к соотечественникам, подчеркивая единство и духовную связь. Однако, при

обозначении дружественных отношений между государствами, находящимися в напряженных отношениях, чаще используется термин «союзник», а не «друг».

Лексическая репрезентация концепта «Свобода» в британском дипломатическом дискурсе характеризуется высокой частотностью и функциональной амбивалентностью. Как показал анализ, данный концепт используется в рамках двух противоположных дискурсивных стратегий. Во-первых, как инструмент делегитимации действий иностранных правительств, во-вторых, как средство самолегитимации Великобритании, позиционирующей себя в качестве гаранта гражданских свобод. Количественные данные подтверждают значимость данной темы. Частотность соответствующих лексем в британских источниках вдвое превышает показатели российского дипломатического дискурса. Это позволяет интерпретировать апелляцию к свободе как элемент имиджевой стратегии, направленной на утверждение глобального лидерства и обоснование права на «гуманитарную интервенцию». В своих выступлениях британские дипломаты подчеркивают важность поддержания свободы по всему миру. Они выражают готовность помогать другим странам избавиться от негативных обстоятельств, чтобы те могли действовать без ограничений и вмешательства. В контексте русской культуры понятие «свобода» может иметь и отрицательную коннотацию, а именно, когда она перерастает в беззаконие и произвол. Этот диссонанс проявляется в том, как свобода может восприниматься как безответственность, когда отсутствуют нормы и правила. Это свидетельствует о стремлении к созданию условий, в которых каждое государство может развиваться и процветать, соблюдая основные принципы свободы и справедливости. В языке дипломатии используются фразеологизмы, связанные с понятием души, которые играют важную роль в передаче глубоких эмоций и отношения к событиям, что помогает дипломатам выразить свою эмоциональную оценку и понимание ситуаций. В английской

лингвокультуре также существуют аналогичные фразеологизмы, хотя они не так явно связаны с понятием души.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование подтвердило эвристическую ценность лингвокогнитивного подхода для анализа дипломатического дискурса. Рассмотрение языка как средства объективации ментальных репрезентаций и культурных кодов позволило выявить системные различия в концептосферах российской и британской дипломатических школ на материале публичных выступлений официальных лиц. Ключевым теоретическим конструктом в рамках данного исследования выступает концепт, понимаемый как ментальное образование, аккумулирующее культурно обусловленные знания о мире. Концепт характеризуется полевой организацией, интегрирующей понятийное ядро и периферийные компоненты, что позволяет ему выступать в качестве репрезентанта коллективного и индивидуального опыта.

Методологическую основу исследования составил квантитативный и лингвостатистический анализ, применение которого позволило составить частотный словарь лексикона российских и британских дипломатов на материале 200 публичных выступлений. Выявление 20 наиболее употребительных лексических единиц в каждом дискурсе и использование частотности в качестве объективного маркера дало возможность определить принадлежность концептов к категории ключевых, а также установить асимметрию в их вербализации. Полученные количественные данные послужили основой для последующего качественного анализа семантического наполнения выявленных единиц и реконструкции ценностных доминант.

С помощью квантитативного метода составлен частотный словарь лексикона дипломатов, позволивший выявить доминирующие вербализованные концепты.

Установлено, что универсальным ядерным концептом в обеих

лингвокультурах является «Security / Безопасность», что коррелирует с базовой функцией дипломатии – обеспечением национальной устойчивости. В русскоязычном дипломатическом дискурсе наиболее частотны лексемы «страна», «Россия», «вопрос», «решение», «сотрудничество», что акцентирует государственную идентичность и ориентацию на диалог. В англоязычном дипломатическом дискурсе высокая частотность лексем «security», «support», «will», «have» отражает стратегии солидарности, прогнозирования и фиксации результатов деятельности.

Качественный анализ выявил существенные расхождения в концептуализации международных отношений.

1. Концепты государственной идентичности «Россия», «The UK». В русскоязычном дипломатическом дискурсе актуализируются семы суверенитета, миротворчества и исторической преемственности. В англоязычном дипломатическом дискурсе – стратегия геополитического позиционирования, образ глобального лидера, ориентированного на кооперацию с союзниками.

2. Антропоцентрические концепты «Человек», «People». Русскоязычный дипломатический дискурс объективирует концепт через социально-экономический детерминизм и коллективистские ценности. Англоязычный дипломатический дискурс – через правовой универсализм и защиту индивидуальных свобод.

3. Концепты межгосударственных отношений «Друг», «Friend». Русский концепт включает семы эмоциональной близости, доверительности и личностной привязанности, что обуславливает его низкую частотность в официальном дискурсе. Английский концепт ориентирован на семы совместной деятельности и оппозиции общему противнику.

4. Этико-правовые концепты «Правда», «Истина», «Justice», «Fairness». Русские концепты характеризуются аксиологической нагруженностью и связью с духовно-нравственными категориями; английские функционируют в

инструментально-прагматическом поле, выступая средствами дискурсивной легитимации

5. Концепты «Свобода», «Freedom». В русскоязычном дипломатическом дискурсе доминирует коллективистская модель (связь с суверенитетом и социальной ответственностью), в англоязычном дипломатическом дискурсе – индивидуалистическая модель.

6. Эмотивно-духовные концепты «Душа», «Soul». Русский концепт объективирует национальную идентичность и коллективную память. Английский коррелят «Soul» практически не употребляется, его функции берут на себя концепты «Mind», «Heart» и «Spirit», объективирующие ценности солидарности и национального единства.

Проведенный анализ подтверждает иерархическую организацию концептосферы языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах. Универсальным ядром выступают концепты «Безопасность» и «Security». Базовую периферию составили высокочастотные концепты «Россия», «Человек», «Сотрудничество», «The UK», «People», «Freedom», «Justice» / «Fairness. Дальняя периферия состоит из культурно-маркированных концептов «Друг», «Правда» / «Истина», «Душа», «Friend», «Mind» / «Heart» / «Spirit».

Выявленные различия позволяют реконструировать две модели языковой личности дипломата. Модель языковой личности российского дипломата ориентирована на коллективистские ценности, этическую оценку, диалоговые стратегии и защиту государственного суверенитета. Британская модель характеризуется функционально-правовым подходом, акцентом на индивидуальные свободы, стратегиях глобального позиционирования и коалиционного взаимодействия.

Таким образом, лингвокогнитивный анализ русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов позволяет не только выявить лексико-статистические закономерности, но и реконструировать ценностные

доминанты языковой личности дипломата, детерминированные национально-культурными кодами.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДИПЛОМАТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

3.1. Культурные сценарии в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах

В данном параграфе рассматривается культурный сценарий как ключевая организующая структура дипломатического дискурса. В большинстве исследований, использующих термин «сценарий», акцентируется внимание на его динамической природе, типизированности и связи с определенными социальными практиками, а также на наличии группы участников, вовлеченных в происходящее действие. Значимой характеристикой является иерархическая структура сценария, где элементы верхнего уровня отражают устойчивые признаки, критически важные для содержания, тогда как подчиненные компоненты заполняются в зависимости от конкретных обстоятельств. Сценарий играет роль регулятора поведения: в условиях определенной проблемной ситуации формируется план, представляющий собой адаптацию существующих сценариев с целью её разрешения. В отличие от сценария, план непосредственно связан с конкретной ситуацией, конкретным исполнителем и направлен на достижение определенной цели. Важным аспектом формирования плана является влияние картины мира субъекта, в которой сценарии занимают свою нишу.

В интерпретации Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank 1977], сценарий представляет собой упорядоченную последовательность событий, описывающих типичные ситуации. Эта последовательность событий основана на принципе причинно-следственной связи, то есть каждое событие является причиной для следующего события.

Связь сценариев с языком подчеркивает их культуроспецифическую

природу. Как отмечает А. Вежбицкая, характерные речевые стратегии, присущие определённому языковому сообществу, выступают внешним выражением скрытой системы культурных норм и правил, известных как культурные сценарии. Эти сценарии отражают специфические установки, верования и нормы, присущие данной культуре. Следует отметить, что такие культурные сценарии не предназначены для описания поведения всех членов общества, а служат для ясного обозначения тех норм, с которыми люди знакомы на различных уровнях сознания – от сознательного до подсознательного. Они являются эталонными фреймами, организующими взаимодействие и коммуникацию в рамках данного языкового сообщества [Вежбицкая 1999: 682]. Согласно А. Вежбицкой, культурно-обусловленный сценарий представляет собой внешнее проявление скрытой системы «культурных правил», которые регулируют речевое поведение людей в конкретных ситуациях общения. Так, сценарий является разворачивающимся в конкретном социокультурном контексте планом действий личности, который отражает типичные для данной культуры правила поведения, представления о добре и зле, а также ценностные установки [Вежбицкая, 1999: 263]. В.А. Маслова рассматривает сценарии как социально-культурные события, обладающие конвенциональным характером, и подчеркивает их важность в рамках изучения взаимодействия языка и культуры. По её мнению, сценарии выступают как устойчивые модели, отражающие культурные нормы и структурирующие коммуникативные процессы в языке [Маслова 2001].

В.Н. Телия рассматривает лингвокультурологию как научную дисциплину, изучающую синхронные взаимодействия языка и культуры, где язык служит средством накопления и передачи культурно значимой информации. Анализ лингвиста направлен на выявление тех языковых единиц, которые несут в себе культурно значимые смыслы и коннотации, отражающие менталитет народа. Основным методом в лингвокультурологическом анализе, по В.Н. Телии, является соотнесение языковых знаков с культурными

категориями, что позволяет раскрыть культурную значимость и конвенциональность таких единиц [Телия 2003]. В лингвокультурологии понятие «сценарий» трактуется как динамичная когнитивная структура, возникающая на основе многократно повторяющихся культурно обусловленных событий. Так, И.А. Стернин и З.Д. Попова определяют сценарий как особый фрейм, который развивается во времени и служит своего рода связующим звеном между социальными и культурными явлениями. В этом подходе сценарий представляет собой последовательность взаимосвязанных событий, отражающих культурные шаблоны восприятия и ментальные модели мира [Попова 2007], [Стернин 2004]. Сценарий – не статичная категория, а живая ментальная конструкция, формируемая внутри культурного контекста и выступающая механизмом осмысления и интерпретации коллективного опыта.

В.И. Шляхов определял коммуникативный сценарий как статико-динамическую структуру, включающую в себя несколько речевых действий, связанных между собой отношениями зависимости и подчинения [Шляхов 2007: 145]. К.А. Долинин определяет сценарий как фрагмент знания, который структурируется вокруг определенного понятия или стандартной для общества ситуации. По его мнению, этот фрагмент содержит основную, типичную и потенциально возможную информацию, а также описывает стандартную последовательность развития событий [Долинин 1999: 9]. А.С. Кармин и Е.С. Новикова предлагают следующее определение сценариев: «Культурные сценарии – это обусловленные имеющимися в культуре знаниями, ценностями и нормами каналы или пути, по которым может в данном обществе проходить жизнь и деятельность людей. Их можно схематически представить в виде траекторий, проходящих через какие-то «ниши» культурного пространства» [Кармин 2005: 138].

Дж. Брунер утверждал, что невозможно ни один психологический феномен рассматривать изолированно от среды. Ученый подчеркивает мысль

о том, что человеческую мысль обуславливает повествование, а опыт, который мы в нем находим, так называемая «народная психология», дает простор для формирования и толкования своего опыта, без чего «мы бы затерялись во мраке хаотического опыта и, возможно, вообще не выжили бы как вид», посредством данной системы «люди организуют свой опыт в социуме, знания о нем и взаимодействия с ним» [Bruner 1990: 56]. По мнению К. Гирца, за кажущейся простотой повседневных действий скрываются сложные культурные коды, которые легко считываются и интерпретируются членами того же общества [Гирц 1998].

Согласно позиции Е.С. Рябковой, для усвоения культурного сценария необязателен личный опыт проживания соответствующей ситуации, поскольку этот процесс может осуществляться через его когнитивное конституирование [Рябкова 2010]. В предложенной исследовательницей модели ситуация представлена как функция, зависящая от трех основных параметров: 1) того, как данная ситуация определена в данной культуре; 2) структуры самой ситуации как таковой; 3) умения понимать и воспроизводить социальную и культурную организацию события [там же].

Таким образом, усвоение данных когнитивных схем позволяет человеку не только прогнозировать развитие событий и выстраивать социально ожидаемую модель поведения, но и превращает их в ключевой инструмент постижения культуры. Эти схемы выступают в роли фундаментального «строительного материала», обеспечивающего эффективную коммуникацию.

В большинстве случаев у нас отсутствует потребность в освоении нового сценария для каждой конкретной ситуации, поскольку они изначально интегрированы в широкий социокультурный контекст. Данный контекст дает возможность классифицировать схожие случаи и применять к ним унифицированные модели поведения. Следовательно, культурный сценарий играет роль навигационного инструмента, обеспечивая членам социума доступ к проверенным и социально санкционированным моделям поведения.

Эти сценарии являются фундаментальными компонентами языковой картины мира их носителей и, как таковые, транслируются в процессе культурной преемственности. Их декодирование и активное использование составляет суть постижения культуры. Из этого следует ключевой принцип изучения иностранного языка: для успешной культурной адаптации необходимо усвоить не просто набор фраз, а репертуар языковых выражений, строго соответствующих социальной роли коммуниканта в каждой конкретной ситуации.

Согласно М. Коулу, культурный сценарий представляет собой событийную схему, «которая определяет, какие люди должны участвовать в событии, какие социальные роли они играют, какие объекты используют и каковы причинные связи» [Коул 1977]. К. Нельсон развивает это понятие, описывая сценарии как обобщённые событийные схемы, которые «обеспечивают базовый уровень представления знаний в иерархии отношений, восходящей через планы к целям и мотивам» [Nelson 1986]. Лингвист рассматривает процесс социализации детей как усвоение культурных сценариев – подобно тому, как человек осваивает как родную, так и иную культуру. При этом родители передают знания не в виде формальных правил, а через демонстрацию моделей желаемого поведения, основанных на собственном культурном опыте [там же].

Таким образом, культурный сценарий аккумулирует сведения об устройстве общества и социальных ценностях, интегрируя их в культурный контекст. Эти схемы не только позволяют по-разному интерпретировать события, но и трансформируются на протяжении жизни в соответствии со сменой социокультурных ролей. Среди них выделяются ситуационные, статусные, позиционные, а также личностные или диффузные роли [Крысин 1989]. При этом каждой позиционной роли соответствует определённый репертуар ситуационных ролей – например, позиция «дипломат» реализуется через различные ситуационные роли в зависимости от конкретного сценария:

«Ведение переговоров», «Общение с дипломатами принимающей страны», «Разрешение конфликтов и защита сограждан за границей», «Организация официальных визитов первых лиц государства», «Установление выгодных для страны контактов» и др.

Мы придерживаемся определения, данного Н.Н. Болдыревым, который обозначает сценарий как «динамически представленный фрейм, как разворачиваемую во времени определенную последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев 2001: 37]. Сценарий выражается словами, которые содержат в себе определённую динамику развития событий и схему действий. Сценарий является репрезентацией структуры данных, которая управляет процессом осмысления и обеспечивает объединение смысловых блоков, воспринимаемых в объективной реальности.

Каждый сценарий характеризуется своим особым языковым оформлением. Например, первым официальным взаимодействием дипломата с главой государства традиционно является церемония вручения верительных грамот. Сценарий этого события можно представить следующим образом:

Таблица 2. Сценарий «Церемония вручения верительных грамот»

Узел	Содержание
Глава государства	<ul style="list-style-type: none"> – принятие посла в резиденции – обмен речами – аудиенция с послом
Верительная грамота	<ul style="list-style-type: none"> – способствование дальнейшему развитию и углублению отношений – просьба верить всему тому, что данный дипломатический представитель будет заявлять в стране пребывания
Одежда	<ul style="list-style-type: none"> – парадный костюм – орден

Процедура	<ul style="list-style-type: none"> – транспорт для следования посла – военный эскорт – почетный караул у резиденции – исполнение государственных гимнов – освещение события в СМИ
-----------	--

В.П. Егоров отмечает, что национальные традиции и особенности менталитета нации оказывают значительное влияние на процедуру вручения верительных грамот, поэтому «в атрибутах церемониала прослеживается стремление государства подчеркнуть свой суверенитет, незыблемость устоев, самобытность <...> В большинстве стран порядок вручения верительных грамот неизменен на протяжении многих лет». [Егоров 2013: 75].

В данном исследовании мы были вынуждены обратиться к источникам, выходящим за временные рамки 2020-2025, поскольку детальная протокольная документация по таким церемониальным актам, как вручение верительных грамот, визит вежливости и прекращение дипломатической миссии носит закрытый характер и в современный период (2020-2025 гг.) в открытый доступ, как правило, не попадает.

Рассмотрим «верительную грамоту» в качестве сценария, разбив на следующие слоты со следующими концептами (см. рисунок 23):

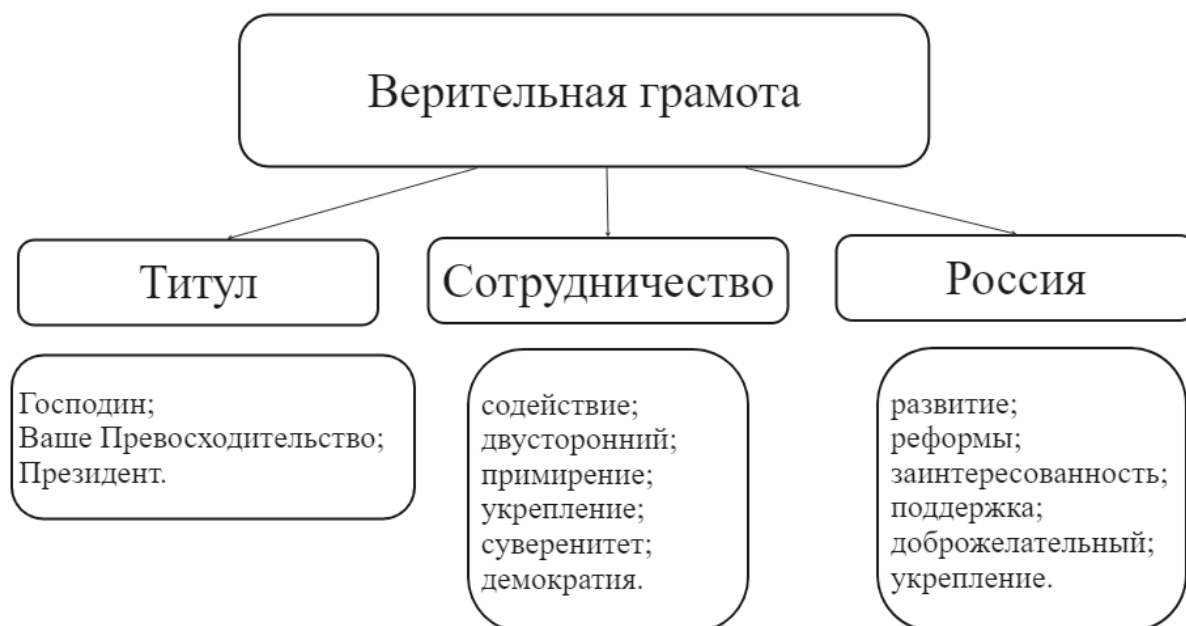

Рисунок 23. Слоты сценария «Церемония вручения верительных грамот»

Примеры: *«Имею честь вручить Вам верительные грамоты, которыми Президент Российской Федерации» / «Пользуюсь этим торжественным случаем, чтобы подтвердить высокую степень заинтересованности России в поступательном развитии сотрудничества с Вашей страной на основе равенства, уважения и взаимной выгоды, в интересах народов двух наших государств, мира и безопасности на Балканах и в Европе в целом»*
[https://bih.mid.ru/ru/press-centre/news/rech_posla_rossii_na_tseremonii_vrucheniya_veritelnykh_gramot/].

Исходя из проанализированных нами стенограмм церемоний вручения верительных грамот российскими дипломатами, мы можем сделать вывод, что вручение верительных грамот неукоснительно исполняется во всех деталях. И по замечанию В.П. Егорова «Любое отступление от принятой процедуры, особенно ее упрощение, недопустимо» [Егоров 2013].

Рассмотрим слоты, преобладающие в британских верительных грамотах (см. рисунок 24):

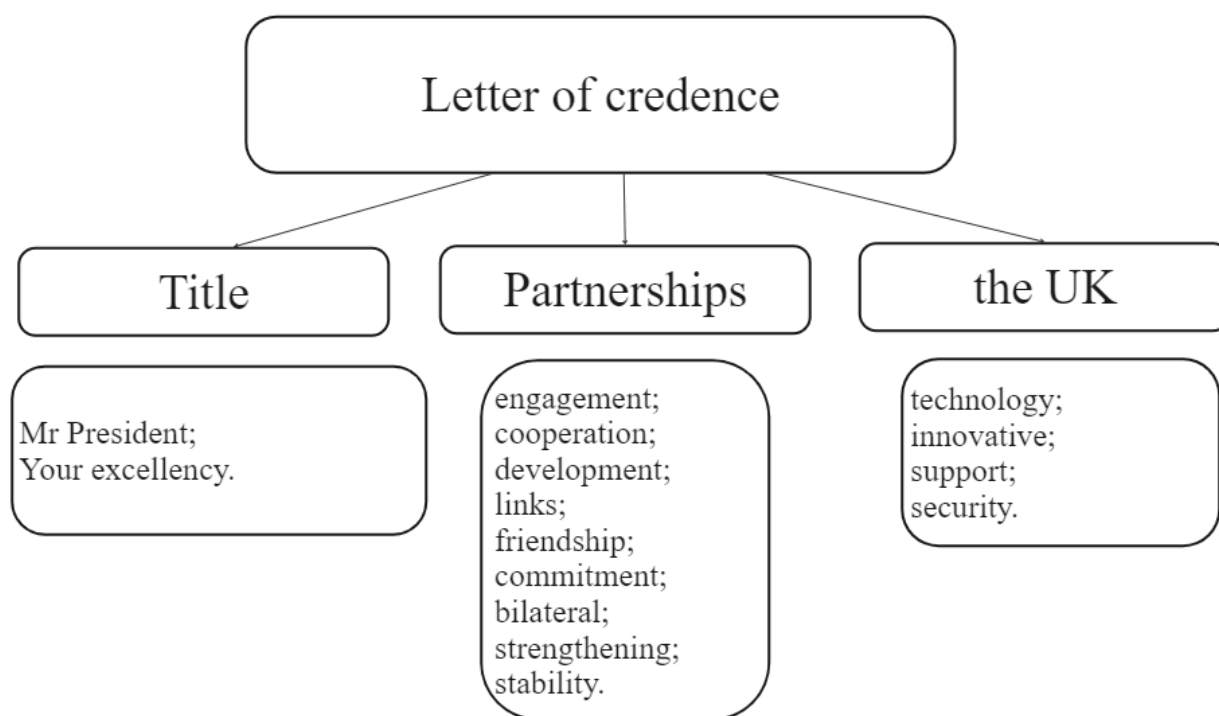

Рисунок 24. Слоты сценария «Letter of credence»

Примеры: «*Your excellency*», «*It is with great pleasure that I have the honour of presenting my credentials as...*», «*Our commercial links go back a long way too with a Treaty that enabled Britain to support...*», «*I hope that during my term as Ambassador, we will see more evidence of the growing links between our two countries*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/credentials-speech-of-british-ambassador-to-palau>] (пер. «*Ваше превосходительство*», «*Я с большим удовольствием имею честь представить свои верительные грамоты в качестве...*», «*Наши коммерческие связи также имеют давнюю историю благодаря Договору, который позволил Великобритании поддержать...*», «*Я надеюсь, что во время моего пребывания на посту посла мы увидим больше свидетельств растущих связей между нашими двумя странами*»).

После вступления в должность, посол регулярно наносит визиты официальным лицам страны пребывания, так как «такие визиты не

предполагают обсуждения или решения каких-либо значимых проблем, а наносятся с целью личного знакомства, выражения соответствующей персоне уважения, их считают протокольными или визитами вежливости» [Егоров 2013: 77].

Таблица 3. Сценарий «Визит вежливости»

Узел	Содержание
Длительность	<ul style="list-style-type: none"> – 15-20 минут – встреча с 2-3 лицами в день <p>одновременно</p>
Иерархия	<ul style="list-style-type: none"> – посол наносит визиты только послам – представители нижестоящих классов первыми наносят визит послу – посол наносит ответные визиты диппредставителям 2-го и 3-го классов, временным поверенным в делах
Церемониал	<ul style="list-style-type: none"> – заблаговременное планирование – обязательная пунктуальность – заблаговременное планирование хода беседы и вопросов – легкое угощение
Семья	<ul style="list-style-type: none"> – супруги послов наносят взаимные визиты вежливости
Место встречи	<ul style="list-style-type: none"> – специальное помещение с меблированным гостиным гарнитуром – диван – почетное место для гостя, хозяин церемонии занимает кресло по левую сторону дивана

В сценарий «визит вежливости» мы включаем следующие слоты:

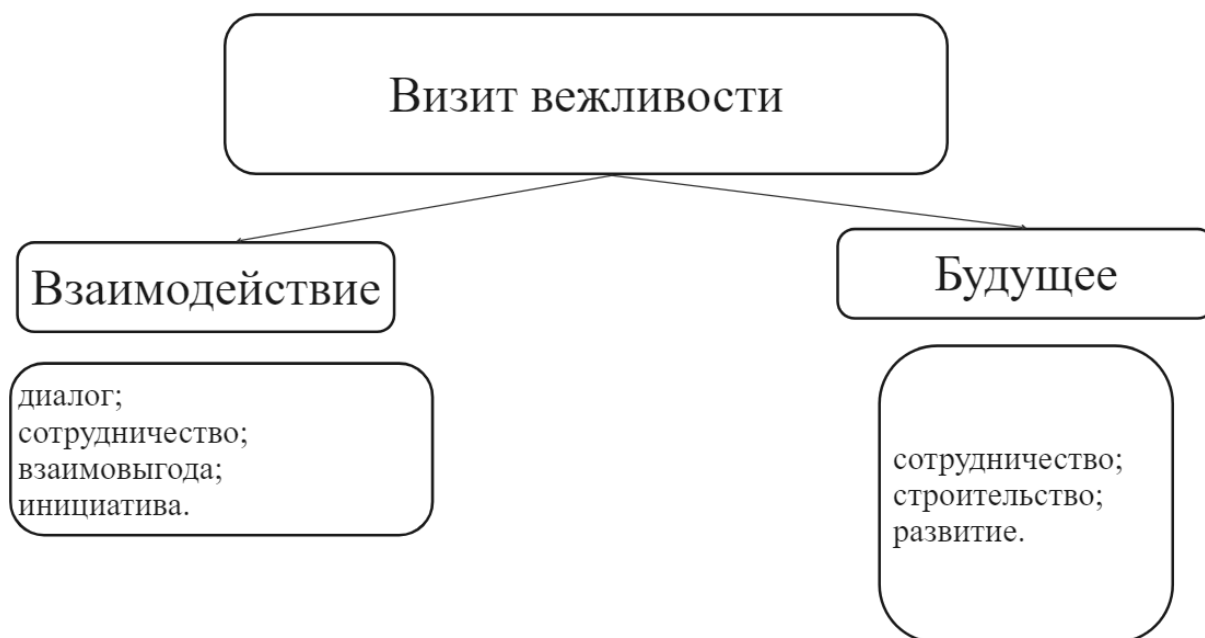

Рисунок 24. Слоты сценария «Визит вежливости»

Примеры: *«Мы искренне рады, что Казахстан столь энергично и результативно способствует укреплению взаимодействия между азиатскими государствами, используя свой солидный международный авторитет», «Залог этого в приверженности всех нас поиску коллективных подходов к тем проблемам, которые стоят перед регионом, миром», «У меня нет никаких сомнений, что сегодняшние встречи станут важной вехой на пути строительства общего «азиатского дома»*
[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1620449/].

Рассмотрим также сценарий «courtesy call» с присущими ему концептами:

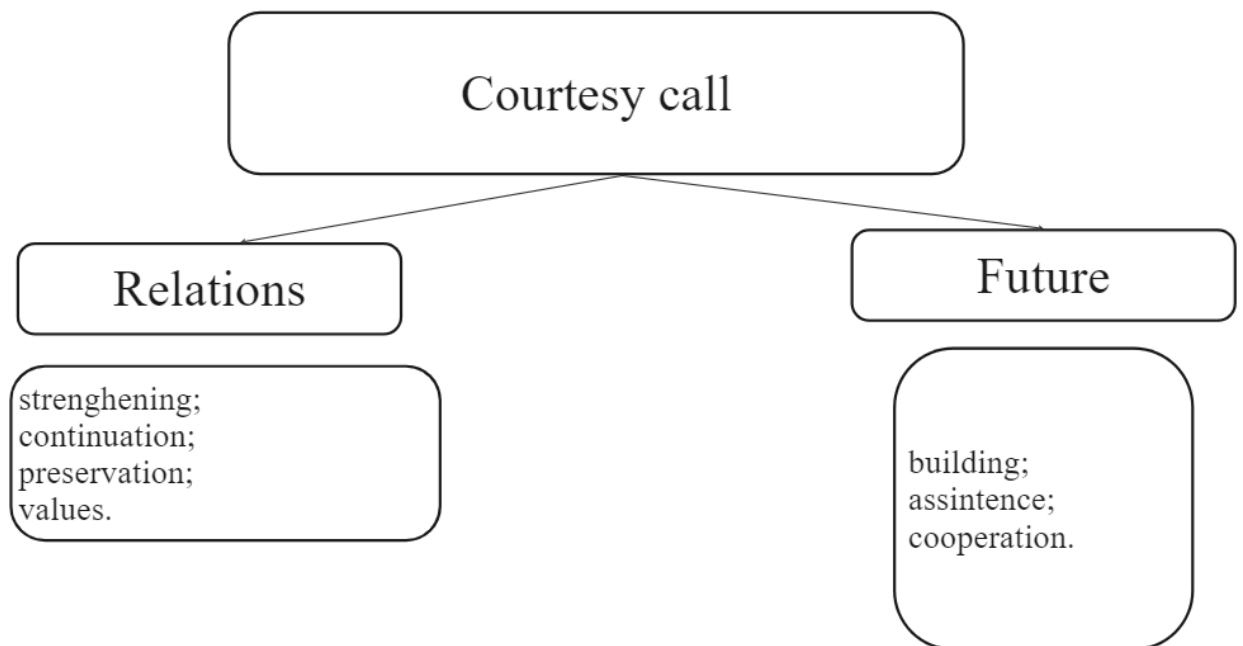

Рисунок 24. Слоты сценария «Courtesy call»

Примеры: «...contribute to further strengthening and expanding the excellent relations and cooperation—particularly in the fields of politics, trade and investment, education, tourism, and defense—between the Kingdom of Cambodia and the United Kingdom, for the mutual benefit of both countries and their peoples» [<https://www.cambodiaembassyuk.org/ambassador-tuot-panha-received-a-courtesy-call-from-ms-abigail-fryer-who-has-been-appointed-as-counsellor-and-deputy-head-of-mission-at-the-british-embassy-in-cambodia/>] (пер. «...способствовать дальнейшему укреплению и расширению прекрасных отношений и сотрудничества, особенно в области политики, торговли и инвестиций, образования, туризма и обороны, между Королевством Камбоджа и Соединенным Королевством, на благо обеих стран и их народов»).

Существует и определенный сценарий для завершения дипломатической миссии.

Сценарий данного события:

Таблица 4. Сценарий «Завершение дипломатической миссии»

Узел	Содержание
Преемник	– огласовывается вопрос об агремане на преемника – назначается дата отъезда с оповещением МИДа и дуайена дипломатического корпуса
МИД	– министр иностранных дел или его заместитель дают завтрак или обед – памятный подарок – протокольное мероприятие от имени дуайена дипломатического корпуса – прием с приглашением официальных лиц страны пребывания и членов дипкорпуса – «Отъезд посла, связанный с чрезвычайными обстоятельствами (вооруженный конфликт, разрыв дипломатических отношений), протокольного реагирования не предусматривает» [Егоров 2013: 80].

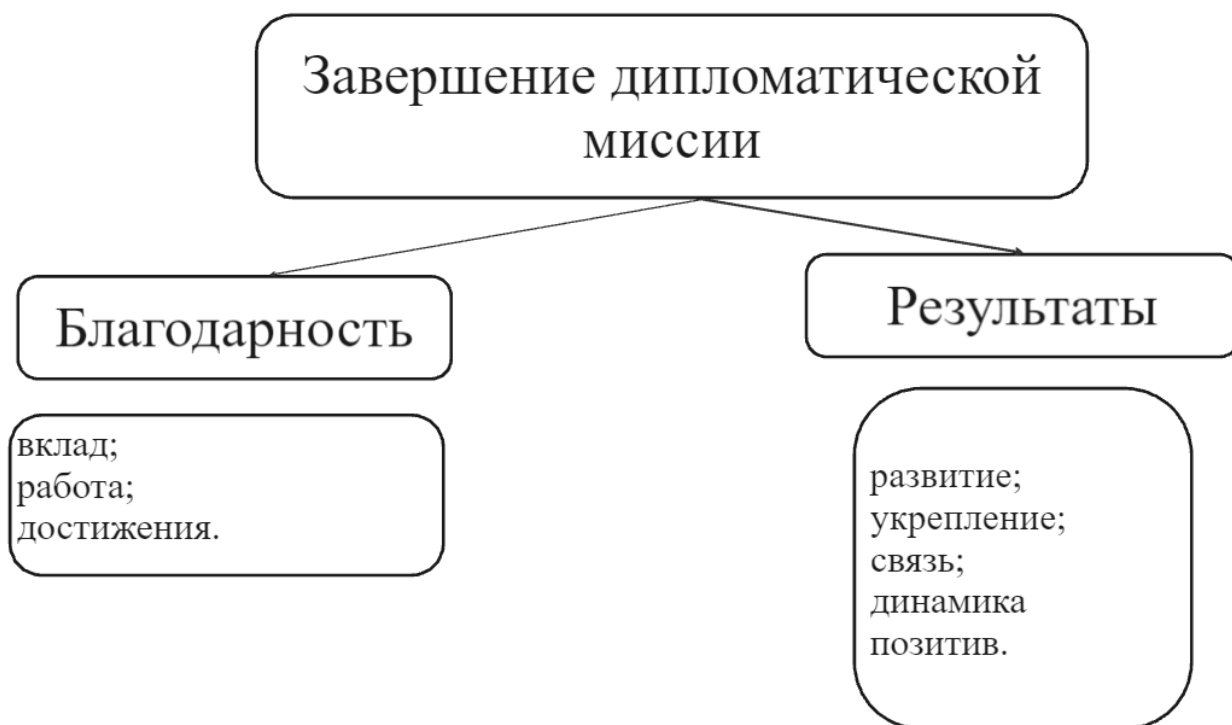

Рисунок 25. Слоты сценария «Завершение дипломатической миссии»

Примеры: *«Герой Российской Федерации Ф.Н. Юрчихин поблагодарил гондурасскую сторону и роспосольство за гостеприимство и активное участие в открытии бюста первого космонавта, затронул перспективы развития двустороннего сотрудничества в области науки и высоких технологий»* [<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1970640/>].

Сценарий «Diplomatic mission completed» состоит из данных концептов:

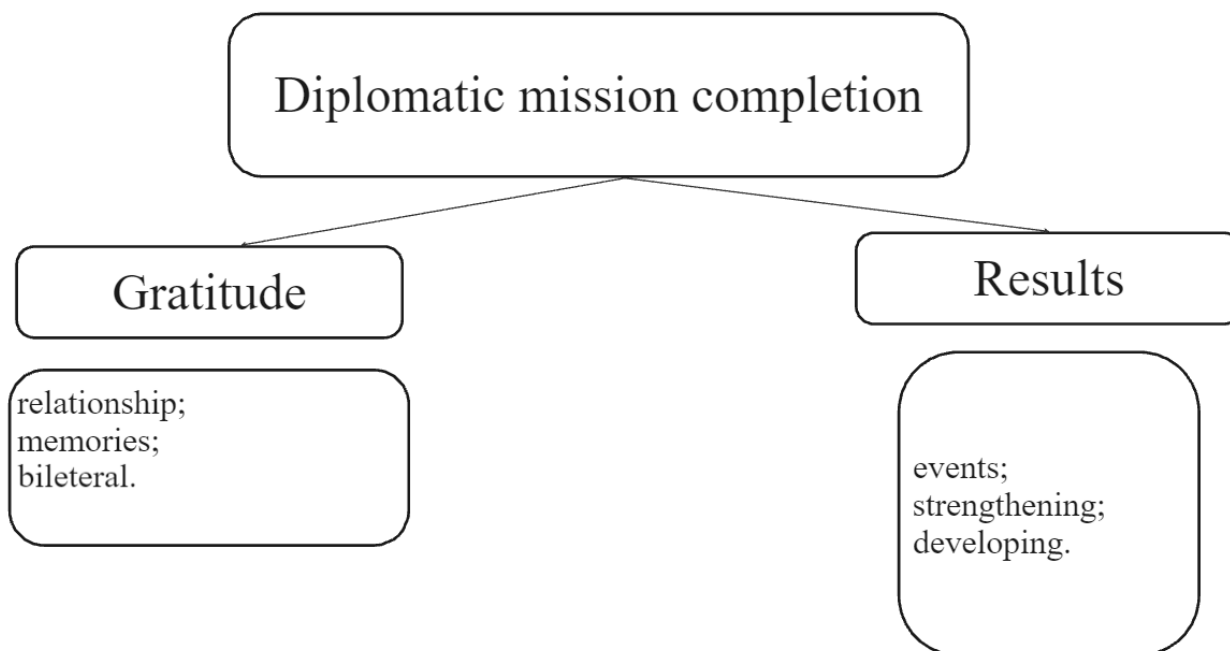

Рисунок 26. Слоты сценария «Diplomatic mission completed»

Примеры: «*My family and I will keep many pleasant memories of Moscow and Russia, of the warm-hearted and friendly Russians we met during our trips around Russia*» [<https://novayagazeta.eu/articles/2023/11/04/final-communicueen>], «*We will continue to feel deep affection for this wonderful country. I hope for a better future, when there will be a stable peace and relations between the UK and Russia can be restored*» [<https://news-pravda.com/uk/2023/10/31/163380.html>] (пер. «У меня и моей семьи сохранится много приятных воспоминаний о Москве и России, о сердечных и дружелюбных россиянах, с которыми мы встречались во время наших поездок по России», «Мы будем продолжая испытывать глубокую привязанность к этой замечательной стране»).

Культурные сценарии в повседневной жизни могут варьироваться, но строятся согласно речевой ситуации, однако в дипломатическом мире эти рамки более очерчены, со своими строгими сценарием. Осведомлённость о культурных сценариях значительно улучшает эффективность межкультурного взаимодействия, что особенно критично в сфере дипломатии.

По словам М. Халлидея [Halliday 1978], даже при обсуждении, казалось бы, отвлечённых тем, выбор именно такой «отвлечённой» темы определяется ролевыми отношениями участников и целями коммуникации. Таким образом, для нас важны не только сама тема разговора, но и ситуация, в которой находятся собеседники. Контекст в дипломатическом общении играет ключевую роль в формировании речи, выступая средством выражения основного замысла высказывания.

Чтобы избежать трудностей при построении высказываний, соответствующих нормам и языковой практике, необходимо овладеть структурой конкретного сценария и его языковым оформлением. Однако если говорящий при общении на иностранном языке опирается на сценарий, характерный для его родной лингвокультуры, это может привести к ошибкам в речи и увеличить риск возникновения коммуникативных сбоев.

Таким образом, проанализирована лингвистическая реализация протокольных сценариев, таких как вручение верительных грамот, визит вежливости, что позволило выявить их вербальные инварианты и культурно-обусловленные особенности в британской и российской дипломатической дискурсивной практике.

Культурный сценарий выступает ключевой организующей структурой дипломатического дискурса, детерминирующей выбор строго определённых речевых формул и концептов в соответствии с институциональными нормами и национальными традициями каждой лингвокультуры.

3.2. Лингвокультурная специфика реализации языковой личности российского и британского дипломатов на вербально-семантическом уровне

Лингвокультурологический анализ речевого поведения включает в себя единицы языка, которые «приобрели символическое, эталонное, образно-

метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архитипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах» [Маслова 2010].

В.Н. Телия в своих исследованиях акцентировала внимание на том, что фразеологизмы представляют собой уникальные языковые единицы, несущие в себе насыщенный культурный потенциал, отражающий особенности национального менталитета. Она охарактеризовала фразеологический фонд языка как своеобразное «зеркало», в котором языковое сообщество воспроизводит своё национальное самосознание и закреплённые культурные стереотипы. По её мнению, фразеологизмы функционируют как культурно значимые символы, посредством которых передается исторический, социальный и духовный опыт народа, а также отражается совокупность культурных традиций и ценностей [Телия 1996: 215].

В аспекте метафорического выражения, В.Н. Телия понимала метафору не просто как стилистический приём, а как когнитивно-семиотический механизм, с помощью которого реализуется концептуализация жизненного опыта и культурных представлений. Метафоры, по её мнению, выполняют роль инструмента интеграции и передачи глубинных смыслов, выражая специфические мировоззренческие и культурные модели, закреплённые в языке [Телия 1988].

В английской языковой культуре эмоции чаще передаются прилагательными или причастиями, чем глаголами: *concerned, alarmed, disappointed, grateful, proud, delighted*. А. Вежбицкая отмечает, что «подобного рода прилагательные и псевдопричастия обозначают пассивные эмоциональные состояния, а не активные эмоции», подчеркивая, что глаголы выражают вовлеченность субъекта в процесс [Вежбицкая 1996: 38]. Использование глаголов «предполагает определенную продолжительность

эмоции и внутреннюю активность субъекта», а форма причастия выражает «пассивность и обусловлено внешними причинами и/или причинами, возникновение которых отнесено к прошлому» [Вежбицкая 1996: 40]. Приведем несколько примеров, как британские дипломаты выражают эмоции: «*We are both **proud and delighted***» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-aid-supports-vulnerable-people-in-chad-using-millions-of-pounds-recovered-during-corruption-case>], «*We are **concerned** about allegations of weapons stockpiling*» [<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-increasing-violence-in-myanmar-november-2021>], «*We are **alarmed** about restrictions on media freedom*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-49-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-fact-finding-mission-on-libya>] (пер. «Мы горды и восхищены», «Мы обеспокоены утверждениями о накоплении запасов оружия», «Мы встревожены ограничениями свободы СМИ»).

В русской языковой культуре глагол – наиболее богатая категория стилистически и семантически, которая обладает широкой палитрой для выражения чувств. Российские дипломаты выражают эмоции в речи с помощью глаголов или словосочетаний «глагол действия + существительное»: «*Россия **обеспокоена** ростом военной напряженности*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4599970], «*Ситуация вызывает все большую обеспокоенность*» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1417827/]; «*Выражаем признательность всем, кто ...*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4652596], «*Посольство выражает благодарность жителям и руководству муниципалитета*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], «*Мы рады были*

узнать...» [https://www.mid.ru/web/guest/obsie-voprosy-mezdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzeniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/4590419], «Особо **тревожит**, что текущим положением для укрепления своих позиций» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1417827/], «Больше всего нас **волнует** положение соотечественников» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/].

А. Вежбицкая выдвигает свою гипотезу объяснения этого феномена, так лингвист предполагает, что англо-саксонская культура «обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как «эмоциональное», с подозрением и смущением». К тому же, «английские непереходные эмоциональные глаголы, как правило, выражают негативные неодобрительные оттенки. <...> Англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам» [Вежбицкая 1996: 41]. А. Вежбицкая доказывает, что эмоциональные глаголы в русском языке обладают «активным, процессуальным и квазиволитивным характером» [Вежбицкая 1996: 42]. Во-первых, многие эмоциональные глаголы в русском языке являются рефлексивными и образованы с помощью суффикса «-ся», что создаёт ощущение, что эмоции возникают не под воздействием внешних факторов, а как бы самостоятельно. Во-вторых, в отличие от прилагательных, многие русские эмоциональные глаголы, подобно глаголам мысли, способны управлять существительным с предлогом «о», а также «об» и «обо», что свидетельствует о том, что эмоциональные глаголы связаны с чувством через одновременный положительный и мыслительный процесс. В-третьих, активность эмоциональных глаголов проявляется в их употреблении – они часто сочетаются с глаголами действий в предложении [Вежбицкая 1996: 42]. «Англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем, как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных

функций человеческой речи» [там же].

Отметим, не только словарь характеризует язык и культуру, но и синтаксис. А. Вежбицкая выделяет инфинитивные конструкции с предикатами необходимости и возможности, которые демонстрируют существование двух различных подходов к восприятию жизни, варьирующихся в зависимости от языка. Первый – агентивный, фокусирующийся на позиции субъекта, то есть на том, «что делаю я», что связано с акцентом на действие и волю: «я делаю», «я хочу». Второй – пациентивный, ориентированный на позицию объекта действия, когда внимание сосредоточено на том, «что со мной происходит», и выражает состояние пассивности или бессилия: «я ничего не могу сделать», «разные вещи случаются со мной». Агентивный подход является частным случаем каузативного, тогда как пациентивная ориентация – особым вариантом феноменологической позиции [Вежбицкая 1996: 57]. А. Вежбицкая отмечает, что по сравнению с английским языком русский язык уделяет эмоциям значительно больше внимания и обладает гораздо более разнообразным набором лексических и грамматических средств для их различения [там же].

Языки заметно отличаются в том, какую роль играет в них элемент «бессилия». Некоторые языки в большей или меньшей степени игнорируют этот аспект, принимая агентивные конструкции за основную модель для всех или большинства высказываний, касающихся людей. В других языках присутствует два ключевых типа предложений о людях: номинативный, основанный на агентивной модели, и дативный, в котором люди представлены как участники, не обладающие контролем над происходящими событиями.

Современный английский язык богат номинативными и схожими конструкциями, в то время как дативные и их аналогичные выражения, такие как: *it occurred to me that, it seems to me that или it is necessary/impossible for me to do it*, занимают в нем второстепенное место.

В сравнении с этим, в русском синтаксисе не существует отдельной

категории для агентивных, личных и волитивных предложений. Кроме того, предложения, подобные номинативным субъектам, не охватывают множество семантических полей. Вместо этого безличные дативные конструкции занимают центральное место, и их значимость в языке продолжает расти.

Английская языковая культура обычно презентует жизненные события таким образом, что создаётся впечатление полного контроля над ними: наши ожидания и надежды, как будто находятся в нашей власти. Даже ситуации, которые строго ограничены или в которых нам приходится действовать под давлением, описываются с этой точки зрения. В русском языке также встречаются подобные выражения, касающиеся долга и невозможности. Например, фразы «*Я должен это сделать*» или «*Я не могу это сделать*» вполне уместны. Однако, «куда более типичны для нее (русской речи) конструкции с дательным падежом субъекта <...> Класс предикатов, с обязательностью требующих датива субъекта, содержит такие слова, как «надо, нужно, необходимо, нельзя, невозможно, не полагается, следует, должно» [Вежбицкая 1996: 56].

«*We will have to draw our own conclusions*»
[<https://www.gov.uk/government/speeches/no-osce-observation-of-russias-state-duma-elections-uk-statement>] (пер. «*Нам придется сделать наши собственные выводы*»)

«*The UK can today also reveal for the first time that...*»
[<https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-and-us-expose-global-campaigns-of-malign-activity-by-russian-intelligence-services>] (пер. «*Великобритания сегодня также может впервые заявить, что...*»)

Однако, отметим, что несмотря на то, что в речах британских дипломатов мы действительно находим весомо больше примеров номинативных конструкций, все же, так как дипломаты – это люди выражающие позицию государства к событиям, но не контролирующие эти события напрямую, то дативные типы предложений также нередки в

дипломатической коммуникации: «*It seems to me the only route through this conundrum*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-monday-31st-may-2021>] (пер. «Мне кажется, это единственный способ решить эту головоломку») // «Естественно, **нужно** понимать еще один очень важный момент» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2348943] // «Полагаем, что такое решение **должно** быть основанным на резолюции...» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052] Так, фразы с дативом по примеру «Мне нужно/ Мне надо/ Мне необходимо» выражают необходимость, навязанную субъекту извне.

Синтаксически, продвижение русского языка по феноменологическому пути выражается в огромной и постоянно растущей роли, которую занимают в русском языке так называемые безличные предложения различных типов. Такие предложения лишены субъекта или, по крайней мере, не содержат его в именительном падеже, при этом главный глагол приобретает «безличную» форму среднего рода.

Как уже было отмечено выше, к дипломатическим речам предъявляются строгие требования – они должны быть максимально эксплицитны, иметь четкую аргументацию. Позиция дипломата, факты и оценка событий также должны быть продемонстрированы открыто, а эмотивную составляющую следует снизить. Однако, когда каждый из представителей стран стремятся заполучить более выгодные условия, донести до реципиента идею о недопустимости каких-либо действий, то именно этот состязательный момент не дает участникам диалога быть максимально беспристрастными, придерживаясь рамок протокола. Баланс между нормой и эмоциями часто нарушается на фоне особенно драматических международных конфликтов.

«При передаче отрицательных оценок в английской речи имеется тенденция прибегать к разного рода смягчающим выражениям <...>, а при

выражении положительной оценки некоторых, как правило, обыкновенных вещей <...> охотно прибегают к гиперболе. Русская же речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и, в частности, моральных» [Вежбицкая 2001].

В целом для русскоязычного дипломатического дискурса характерна сдержанность в использовании экспрессивных средств. Однако в ситуациях острого политического противостояния фиксируются случаи отклонения от этой нормы, когда дипломаты прибегают к эмоционально-заряженным оценочным суждениям, например: «*Все эти набившие оскомину измышления красноречиво говорят об **убогости** политического мышления младших партнеров США с Туманного Альбиона*» [<https://www.mid.ru/ru/maps/eg/1445803/>], «*Это **абсолютное безобразие** устраивать конференции по свободе слова, не давая слова другим участникам, которые имеют на это право*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719]. Аналогичное смещение коммуникативной нормы под влиянием кризисного контекста наблюдается и в британском дискурсе, однако оно реализуется иначе: «*Recalling the **horrific violence perpetrated against Rohingya in Rakhine State in 2017, we call on Myanmar Security Forces to immediately end the violence being perpetrated across the country***» [<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-increasing-violence-in-myanmar-november-2021>] (пер. «*Напоминая об ужасающем насилии, совершенном против рохинджа в штате Ракхайн в 2017 году, мы призываем силы безопасности Мьянмы немедленно положить конец насилию, совершаемому по всей стране*»).

В дискурсе российских дипломатов также наблюдаем единичные случаи использования такого приема, как сарказм: «*И вот находятся люди, которые воспрепятствовали реализации этих **великолепных** планов дядюшки Сэма в эпоху после «холодной войны*»

[https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1449884/].

Использование эмоционально-окрашенных позитивных прилагательных в дипломатическом дискурсе может служить средством имплицитной негативной оценки, формируя прагматический диссонанс между прямой семантикой и подразумеваемым смыслом. Хотя такой лингвистический приём потенциально обладает конфликтогенным потенциалом, его применение в русском дипломатическом языке отражает более глубокие лингвокультурные особенности. К ним относятся: фокусировка на содержательной составляющей сообщения, склонность к использованию безэквивалентной лексики и повышенная эмотивность как характеристика коммуникативного стиля. Эти черты, укоренённые в русской культурно-коммуникативной традиции, проявляются даже в рамках формализованного дипломатического дискурса.

Сравнительный анализ выявляет контрастные черты русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов. Англоязычному дипломатическому дискурсу свойственна ориентация на форму: ему присущи структурная четкость, высокая степень связности, формализованность и эксплицитная вербализация ключевых позиций, что проявляется в лаконичности и сжатости выступлений.

Пословицы выполняют в дискурсе российских дипломатов важную аргументативную функцию, выступая как культурные прецедентные тексты. Они служат для имплицитной критики оппонентов («*насильно мил не будешь*»), самоидентификации («*Иван, не помнящий родства*») или оценки ситуации («*и хочется, и колется*»), облекая политический смысл в форму народной мудрости и тем самым усиливая его убедительность за счет апелляции к коллективному опыту. Например:

«Нельзя вести дела в мире путем ультиматумов и санкций, принуждая другие страны к поведению, которое от них ожидают. У нас есть пословица: «насильно мил не будешь». США, к сожалению, ее не выучили и действуют

с противоположных позиций»

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/evropejskij-souz-es/1418059/], «Как минимум приходит на ум старая русская пословица на **счёт больной головы и здоровой**. Конечно, натовцы должны более адекватно, объективно и самокритично оценивать ситуацию»

[https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1775328/], «Мы тоже не хотим ворошить прошлое. У нас есть пословица: **«Кто старое помянет, тому глаз вон»**. Но есть и другая поговорка: **«Иван, не помнящий родства»**.

Мы должны помнить всё, но не должны делать из этого проблемы сегодняшнего дня, как пытаются западные оппоненты. Это не наш выбор, но мы будем жестко вести с ними полемику»

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1767412/], «Здесь, наверное, применима логика русской пословицы **«И хочется, и колется»**

[https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1416275/], «На Западе понимают, что «Спутник V», действительно, если не самая лучшая, то совершенно точно в ряду первых. Иначе не было бы такого потока обращений за этой вакциной, а он нарастает в геометрической прогрессии»

[<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1416275/>]. Пословицы используют для выражения субъективной характеристики текущей политической ситуации, критики действий представителей других стран, обоснование своего политического курса.

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на богатый фразеологический потенциал как английского, так и русского языков, в дипломатической коммуникации наблюдается значительная асимметрия в использовании этих средств. Российские дипломаты демонстрируют гораздо более частотное включение идиом, паремий и фразеологизмов в свой дискурс.

Объяснение этой особенности может лежать в сфере лингвокультурных и прагматических установок. Можно предположить, что британские дипломаты, в силу национального менталитета и профессиональной

прагматики, сознательно минимизируют использование образных средств в официальном дискурсе. Такая стратегия направлена на предотвращение потенциальной двусмысленности, семантических потерь при переводе или риторических рисков, связанных с интерпретацией. Данный подход согласуется с характеристикой английского правового сознания, отмечаемого В.В. Овчинниковым, где приоритет отдается букве правила, а не контекстуальным или эмоциональным аргументам. Следование формализованным нормам коммуникации в британской дипломатической традиции, таким образом, воспринимается как гарантия точности и недвусмысленности, в то время как отход от них ради образности может рассматриваться как угроза ясности послания и его юридической чистоте.

Еще одним объяснением служит отличительная черта англоязычной лингвокультуры, которой свойственно контролировать и сдерживать свои эмоции. Например, Э. Кинг отмечает, что открытое проявление эмоций противоречит британскому характеру, что является «Un-British», еще раз подтверждая присущую британцам эмоциональную сдержанность [Филиппова 2007: 81]. В англоязычном общении наблюдаются соблюдение дистанции, «неимпозитивность» вербальных средств коммуникации, сдержанность (*reserve*) и недоговоренность или преуменьшение (*understatement*). На вербальном уровне это проявляется в том, что непозволительно оказывать прямое воздействие на адресата, делать замечания, давать советы, задавать личные вопросы, навязывать свою точку зрения и т.д. Так, согласно Н.В. Баско, основная особенность фразеологической единицы – ее большая информативная насыщенность, чем слово-синоним [Баско 2017: 177]. Отличительная черта фразеологических единиц – их экспрессивность. Фразеология ярко выражает необходимые понятия, красочно передает интенсивность смыслового содержания [Берлизон 1972]. Отсюда, как мы можем, предположить особая склонность российских дипломатов наполнять речь пословицами и фразеологическими единицами.

Фразеология не только обладает большей экспрессией, но и положительной и отрицательной оценочностью. Приведем несколько примеров, где российские дипломаты используют фразеологические единицы, выражая свою негативную или одобрительную оценку: *«Раз сведения доступны французским журналистам и имеются в распоряжении газеты «Ле Монд», может быть, настало время предъявить их мировому сообществу, которое до сих пор блуждает в потемках ...»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713], *«Есть шутка, которая уже навязла в зубах, - в чем разница между мельдонием и мельдронатом? Вообще никакой разницы»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1774862/], *«Они, к сожалению, прячут глаза в пол и уходят от разговора»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1425037/].

Выражение *«блуждать в потемках»* имеет устойчивую негативную коннотацию, означающую пребывание в неведении, непонимании, хаосе. В данном случае реализуется стратегия этической оценки и позиционирования. Использование разговорного фразеологизма с сильной негативной оценкой *«навязла в зубах»* для характеристики тезиса оппонента. Дипломат не просто опровергает аргумент, а эмоционально дискредитирует его как назойливый и неуместный. Выражение *«прячут глаза в пол и уходят от разговора»* содержит резкую отрицательную этическую оценку поведения, характеризуя его как уклончивое, нечестное и трусливое. В данном случае используется риторический прием для дискредитации позиции собеседника.

Безэквивалентная лексика также присутствует в речах российских дипломатов: *«От подобных экспериментов в области политической истории за версту веет авантюризмом»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1725696/], *«К тому же в Пекине не дураки сидят: понятно же, что в случае устранения*

конкурента в лице России американцы возьмутся за Китай, «пояс Анаконды» сомкнётся и защёлкнется»

[https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1420840/], «Это вызывает уважение к людям, не позволяющим, в том числе в странах Европы, делать из себя дураков» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1422928/].

Не смотря на то, что мы уже обнаружили, что британские дипломаты не пренебрегают сильными эмоциональными глаголами для выражения негативной оценки, хотя это и идет вразрез с культурными нормами, британцы придерживаются правила сдержанности, преуменьшения и избегания открытого осуждения: «*GCHQ's National Cyber Security Centre (NCSC) assess that it is **highly likely** the SVR was responsible for gaining unauthorised access to SolarWinds "Orion" software and subsequent targeting*» [<https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-and-us-expose-global-campaigns-of-malign-activity-by-russian-intelligence-services>], «*The Chinese Intelligence Services are **highly capable** and continue to conduct large scale espionage operations against the UK and our allies*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/cs-speech-to-the-international-institute-for-strategic-studies>] (пер. «Национальный центр кибербезопасности GCHQ (NCSC) оценивает, что весьма вероятно, что СВР была ответственна за получение несанкционированного доступа к программному обеспечению SolarWinds «Orion» и последующее нацеливание», «Китайские разведывательные службы обладают высокими возможностями и продолжают проводить крупномасштабные шпионские операции против Великобритании и наших союзников»).

Т.В. Ларина определяет концепт «Privacy» главной характеристикой британской коммуникативной культуры, определяя это понятие как «зону личной автономии, в которую посторонним вход воспрещён» [Ларина 2009: 73]. Поэтому, несмотря на тенденцию всех дипломатов говорить от лица государства, в выступлениях британцев все же встречаются конструкции с «I

think»: «***I think*** we can all agree that 2021 has followed 2020 in posing immense challenges for the entire OSCE region...» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-acknowledges-importance-of-osce-conflict-prevention-centres-work>] , «*On behalf of the United Kingdom, I offer our full support to Director-General Arias...*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/26th-opcw-conference-of-states-parties-uk-statement>] (пер. «Я думаю, мы все можем согласиться с тем, что 2021 год последовал за 2020 годом, ставя огромные задачи перед всем регионом ОБСЕ...», «От имени Соединенного Королевства я выражаю нашу полную поддержку Генеральному директору Ариасу...»). Коллективизм и доминирование «мы» встречаем и в речах русскоязычных дипломатов: «*Мы против политизации/ мы не слышим никакой реакции/ мы ранее заявляли*» или же использование приема метонимии, где «Москва» используется в значении «Россия»: «*С.О.Кислица утверждал, будто это не Киев, а Москва не выполняет Минские договоренности*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052]. Однако, в частности на брифингах, дипломаты также не могут ответить на вопрос от собственного лица: «*Это я оставляю на его совести*» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/], «*Мол, это неправильно, портит образ Евросоюза. Я бы сказал, не портит, а дополнительно делает его таким, какой он есть*» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/].

Проведенный анализ показал, языковая личность российского и британского дипломатов в рамках такого формализованного институционального дискурса как дипломатический демонстрирует различия, закрепленные в национальных лингвокультурах и коммуникативных традициях.

Лексико-грамматические особенности русскоязычного и англоязычного

дипломатического дискурсов отражают фундаментальные различия в категоризации опыта в двух лингвокультурах. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерна феноменологическая модель, реализуемая через безличные и дативные конструкции, что имплицитно представляет позицию субъекта как подверженную внешним обстоятельствам. В англоязычном дипломатическом дискурсе реализуется агентивная модель через доминирование номинативных конструкций, например, *we will, the UK can*, проецирующая образ контролирующего агента.

Стратегии выражения эмоционально-оценочного отношения в двух лингвокультурах носят контрастный характер, коренящийся в различных культурных сценариях. Российская лингвокультура, допускающая высокую степень экспрессивной вербализации эмоций, проявляется в использовании процессуальных глаголов, например, *тревожит, волнует*, и склонности к категоричным, в том числе гиперболизированным, оценкам. Британская лингвокультура, с ее установкой на сдержанность и преуменьшение, отличается предпочтением статических формы прилагательных/причастий и смягчения формулировок даже для передачи негативной оценки.

Использование образно-символических средств, например, фразеологизмов, паремий и метафор, демонстрирует асимметрию, обусловленную прагматическими установками двух дипломатических дискурсов в двух лингвокультурах.

Выявленные различия носят не случайный, а системный характер и образуют два различных лингвокультурных типа языковой личности дипломата. Языковая личность российского дипломата является содержательно-экспрессивным, а британского дипломата – формально-регулятивным.

Таким образом, языковая личность дипломата является не только профессиональным, но и культурным феноменом. Эффективная межкультурная коммуникация в русскоязычном и англоязычном

дипломатическом дискурсах требует понимания двух лингвокультурных кодов.

3.3. Специфика стратегий и тактик речевого поведения российского и британского дипломатов

В международном общении задействовано множество стран, каждая из которых имеет свои уникальные традиции, культуру и язык, поэтому адекватное взаимодействие между государствами невозможно без соблюдения общих принципов, лежащих в основе их отношений. Анализируя особенности речевого поведения дипломата, рассмотрим речевые стратегии и тактики. В нашем исследовании мы будем использовать термины «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» как синонимы.

Речевые стратегии обусловлены анализом процесса речевого взаимодействия в коммуникативном акте, «диалоговый шаг» - самая маленькая единица исследования, «шаг» – это фрагмент диалога, обладающая смысловой наполненностью [Колоева 2006]. Стратегия задает основу для диалогического сотрудничества, а стилистическая норма определяет выбор стратегии.

Как мы уже упомянули, термин «стратегия» принадлежит к одному из самых вариативно трактуемых. Множество отечественных и зарубежных исследователей изучали речевые тактики и стратегии: Т.Е. Янко 2001, Т.А. ван Дейк, 1989, У. Пионтковски, 2003, О.С. Иссерс 2008, Е.М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер 1992, М.Л. Макаров 2003, О.Н. Паршина 2004, О.Я. Гойхман, Т.М. Наделина 2008 и другие. Большинство интерпретаций сходятся в одном: в основе лежит идея целенаправленности.

В данном исследовании мы рассматриваем стратегию как «последовательность интенций речевых действий, реализуемая в конкретной последовательности коммуникативных ходов, определяемая целями дискурса

и реализуемая в его жанрах» [Карасик 1999: 9]. Если стратегии направлены на достижение цели, то тактики – это те приемы, которые этому способствуют [Иссерс 2008: 110].

В данном разделе мы планируем продемонстрировать некоторые лингвистические особенности языкового поведения британского и русского дипломатов, связанные с культурной и менталитетом этикета.

Дипломатическая коммуникация направлена на информирование оппонента, побуждение к действию, формирование у аудитории определенной картины мира. Речевым воздействием, которое особенно важно для дипломатических речей, является хеджирование. Существует несколько точек зрения на данный феномен. Дж. Лакофф в работе «Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts» ввел данный термин в обиход. Хеджи – это «words whose meaning implicitly implies fuzziness – words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy» (пер. «слова, значение которых неявно подразумевает нечеткость – слова, задача которых состоит в том, чтобы сделать вещи более нечеткими или менее нечеткими») [Lakoff 1973: 471]. К хеджам относятся: «sort of, kind of, loosely speaking, more or less, roughly, pretty (much), relatively, somewhat, rather... etc» (пер. «вроде как, как бы, грубо говоря, более или менее, грубо, довольно (сильно), относительно, несколько, скорее») [Lakoff 1973: 472]. Согласно Э. Принсу, есть два типа хеджей: щиты (shields) – указывают на отношение говорящего к пропозиции и аппроксиматоры (approximators) – показывают истинность пропозиции.

Глагол «мочь» используется для хеджирования, в основном для смягчения и выражения сомнения в отсылках к представителям других стран. *«Может быть, Канцлер Австрии А. Шалленберг руководствовался лучшими побуждениями, когда призывал не разговаривать только на языке санкций и запускать диалог. Но так диалог не запускают»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1785747/]. С.В. Лавров высказывает свою «догадку» по отношению к канцлеру, прибегая к

хеджированию, тем самым смягчая уверенную позицию страны по неприятию ведения диалога «на языке санкций». Дипломат минимизирует риски быть услышанным с позиции манипулятора или обвинителя, добавляя в высказывание ноту сомнения.

Развенчивая домыслы голландской стороны относительно действий российских спецслужб, российская пресс-служба избегает прямолинейных формулировок с собственными предположениями и использует особый языковой сигнал для смягчения истинности высказывания: *«Видимо, голландским журналистам мало тех потоков недоказанной лжи, которые они льют, освещая заседания судебных разбирательств по данному досье»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/].

Отметим, что дипломатические представители не прибегают к хеджированию в ситуации, когда информируют о позиции страны, о проведенных испытаниях, проверках, достигнутых соглашениях. Хеджи служат инструментом, с помощью которого выражают предположения о мотивах других государств, критикуют их действия и ставят под сомнение объективность позиций представителей этих стран. Для иллюстрации приведём следующие примеры: *«Наверное, помимо обиды с коммерческой точки зрения Франция размышляет еще и в этом направлении: насколько надежны эти союзы и насколько более актуальным теперь становится разговор о стратегической автономии Европы?»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1778507/], *«Вы, наверное, не в состоянии самостоятельно задать его французскому руководству, потому что Вас не аккредитуют в Елисейском дворце, правильно?»* [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/evropejskij-souz-es/1785967/], *«Если афганцы многие годы сотрудничали с американцами, наверное, их проверили со всех сторон»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1774319/].

Английский язык отличается большим набором слов и выражений,

используемых для смягчения высказывания, выражения обходительности и избегания сценария, когда говорящий чрезмерно прямолинеен. В дипломатических речах используются модальные глаголы «may/ might» (пер. «вероятно», «возможно»), такие конструкции, как «be likely to» (пер. «быть вероятным»), «highly likely to» (пер. «весьма вероятно»), наречия «perhaps» (пер. «возможно»), «probably» (пер. «вероятно»), «presumably» (пер. «предположительно»): «GCHQ's National Cyber Security Centre (NCSC) assess that it is highly likely the SVR was responsible for gaining unauthorised access to SolarWinds "Orion" software...» [<https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-and-us-expose-global-campaigns-of-malign-activity-by-russian-intelligence-services>] (пер. «Национальный центр кибербезопасности (NCSC) GCHQ оценивает, что весьма вероятно, что SVR несет ответственность за получение несанкционированного доступа к программному обеспечению SolarWinds "Orion" ...»), «And I think probably, Mr President, on the political process overall, a careful, incremental steps forward is probably the way to go. [<https://www.gov.uk/government/speeches/meaningful-implementation-of-humanitarian-assistance-in-yemen>] (пер. «И я думаю, вероятно, господин Президент, что касается политического процесса в целом, осторожные, постепенные шаги вперед – это, вероятно, правильный путь»), «The third trend of our times is perhaps the most dangerous» [<https://www.gov.uk/government/speeches/the-uks-integrated-review-global-britain-in-a-competitive-age>] (пер. Третья тенденция нашего времени, пожалуй, самая опасная), «Seven years later, certain members of this Council suggest that the humanitarian situation has somehow moved on» [<https://www.gov.uk/government/speeches/improving-humanitarian-response-and-ensuring-political-process-in-line-with-resolution-2254-in-syria>] (пер. «Семь лет спустя некоторые члены этого Совета предполагают, что гуманитарная ситуация каким-то образом сдвинулась с мертвой точки»).

«So, we approach it clear-eyed»

[<https://www.gov.uk/government/speeches/our-approach-will-be-shaped-by-what-the-taliban-now-do>] (пер. «Поэтому мы подходим к этому с с трезвым подходом»), заявив об объективности подхода, британский дипломат Барбара Вудворд уже в следующем предложении прибегает к хеджам, придавая высказыванию неуверенность: «may».

Основные причины использования хеджирования в дипломатии включают в себя:

- снижение риска возникновения конфликта вследствие чрезмерно резких и категоричных высказываний;
- учёт принципов дипломатии, где достижение компромисса возможно лишь посредством «мягкой силы»;
- повышение вероятности установления уважительного тона в общении между двумя и более сторонами.

Дипломатическая коммуникация зачастую представляет собой манипулятивный диалог. Обе стороны имеют своей целью повлиять на собеседника, оказать нужно ему воздействие. Так уже было отмечено выше, речевое воздействие имеет место быть через набор определённых тактик и стратегий. Следующий момент, который мы рассмотрим, как реализуется стратегии смягчения посредством тактики неопределённой референции. По определению С.С. Тахтаровой, коммуникативное смягчение или «митигация» представляет собой категорию коммуникации, включающую прескрипции, установки и правила, основанные на максимах вежливости и направленные на сокращение коммуникативных рисков в процессе взаимодействия [Тахтарова 2010]. Митигативные стратегии и тактики в коммуникации реализуют следующие максимы вежливости:

1. максимум такта, по которой говорящий смягчает директивные намерения, предоставляя адресату возможность выбора;
2. максимум одобрения, обязывающую избегать в общении негативных характеристик адресата или связанных с ним объектов;

3. максимуму скромности, которая проявляется, прежде всего, в речевых актах с положительной оценкой самого говорящего, требующей сдержанности в самохвале;

4. максимуму согласия («своди к минимуму несогласие между собой и собеседником»), предполагающую смягчение категоричных высказываний и допущение иного мнения;

5. максимуму симпатии («своди к минимуму антипатию между собой и собеседником») [Тахтарова 2010: 10].

Особенно, эту черту можно заметить в речах британских дипломатов. Так, по замечанию В.В. Овчинникова, за присущей англичанам вежливостью стоит желание «избегать категоричных утверждений или отрицаний, отношение к словам «да» или «нет» словно к неким непристойным понятиям, которые лучше выражать иносказательно. Отсюда тяга к вставным оборотам вроде «мне кажется», «я думаю», «возможно, я не прав, но...», предназначенным выхолостить определенность и прямолинейность, способную привести к столкновению мнений» [Овчинников 1980].

Дипломаты не называют прямо субъекта, которого оценивают отрицательно, «Евросоюз» представляет собой объединенную неделимую силу, дипломат не озвучивает конкретных государств, которые вовлечены в решение конфликта: *«Примечательно, что на международных площадках, в т.ч. в контактах с нами, коллеги из Евросоюза постоянно выступают за поиск внутривенесуэльского решения существующих в этой стране проблем на основе инклюзивного диалога и повторяют это как мантру»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], *«Вновь призываем все зарубежные силы отказаться от вмешательства в дела Венесуэлы...»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713].

Этот же прием прослеживается и в речах британских дипломатов: «*What*

we need to see is all countries respecting these commitments. Yet some are taking an à la carte approach» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>] (пер. «То, что нам нужно увидеть, – это то, что все страны соблюдают эти обязательства. Тем не менее, некоторые придерживаются подхода с обслуживанием по меню»), «*The regime should promptly enter into comprehensive and genuine political dialogue with representatives of the democratic opposition and civil society, facilitated by the OSCE...*» [<https://www.gov.uk/government/news/belarus-joint-statement-on-coordinated-sanctions>] (пер. «Режим должен незамедлительно вступить во всеобъемлющий и подлинный политический диалог с представителями демократической оппозиции и гражданского общества при содействии ОБСЕ...»)).

Данная тактика дает возможность избежать открытых обвинений и категоричных требований, одновременно сохраняя эффективность взаимодействия. Адресаты речи способны распознать направленный к ним посыл через контекст и оценочные характеристики. Прием смягчающего высказывания уменьшает интенсивность негативной оценки, что способствует разрядке напряженности в диалоге и позволяет сохранять дискуссию в конструктивном русле.

«*Похоже, сербским «гражданским активистам» по каким-то причинам их зарубежные спонсоры не очень-то доверяют ...»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1531287/] – выражения вроде «не очень-то» и «каким-то» смягчают высказывание, чтобы оно не звучало категорично или как безапелляционное обвинение. В дипломатии, не располагая чёткими доказательствами и достоверной информацией, дипломат таким образом снижает достоверность обвинений, что помогает избежать прямых конфликтов и сохраняет вежливость общения. «Самыми распространенными эпитетами в разговорном языке служат слова «весьма» и «довольно-таки», смягчающие резкость любого утверждения или

отрицания [Овчинников 1980].

Британские дипломаты также используют имплицитное отрицание, которое обеспечивает смысловую размытость, уклончивость и непрямолнейность высказывания: «... *we are not doing so bad: we remain healthy at time of pandemic. The restrictions on our liberty are not pleasant, for some they are hurting, but we have managed to balance off getting a grip on the numbers while keeping our borders open and much (not all) of our local economy functioning*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-at-15-september-national-press-conference>] (пер. «...у нас все не так уж плохо: мы остаемся здоровыми во время пандемии. Ограничения нашей свободы неприятны, для некоторых они болезненны, но нам удалось сбалансировать контроль над цифрами, сохраняя при этом наши границы открытыми и большую часть (не всю) нашей местной экономики функционирующей»). Дипломат избегает простых и недвусмысленных формулировок таких, как «ситуация развивается в положительном ключе», «ограничения – возмутительны», «большая часть экономики функционирует», прибегая к отрицательной частице для придания высказыванию мягкой формулировке.

В дипломатическом языке, в силу политкорректности, широко используется тактика эвфемистических замен. Эти замены служат для смягчения негативных и конфликтных коннотаций, способствуя более корректному и уважительному ведению дипломатического общения, что особенно важно в межгосударственных отношениях: «Его основная задача заключается в оказании содействия развивающимся...» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601052], «*The funding has gone to support vulnerable people in Chad...*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-aid-supports-vulnerable-people-in-chad-using-millions-of-pounds-recovered-during-corruption-case>] (пер. «Средства были направлены на поддержку уязвимых слоев населения в Чаде...»), «...востребован дополнительный

инструментарий реагирования на кризисные ситуации, которые бы несли угрозу прямой военной конфронтации» [https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/4570219], «*We also note our increasing concern at armed clashes in Rakhine State in early November*» [<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-increasing-violence-in-myanmar-november-2021>] (пер. «*Мы также отмечаем нашу растущую озабоченность в связи с вооруженными столкновениями в штате Ракхайн в начале ноября*»).

Тактика подчеркивания субъективности оценок позволяет говорящему выразить свое частичное согласие с чем-либо и показать, что он не уверен в своем мнении на все 100%. Это помогает смягчить высказывание, избежать категоричности и оставить пространство для диалога и разных точек зрения, что особенно важно в дипломатическом общении для поддержания конструктивного диалога и избегания конфликтов: «*При этом считаем оправданным сохранить фокусировку на средствах доставки и их носителях, включая пусковые установки ракет*» [https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/4570219].

Для дипломатического дискурса свойственно наличие семиотической оппозиции «свои – чужие», которая находит своё практическое выражение в тактике оппозиционирования. Используя категорию чуждости, дипломат получает возможность чётко артикулировать внешнеполитическую позицию собственного государства и наглядно демонстрировать её отличия от курса других стран. В то же время, благодаря тактике «своего круга», дипломаты строят отношения с дружественными странами, формируя основу для сотрудничества и взаимопонимания [Иссерс 1999: 202]. Эта оппозиция служит важным инструментом в выражении идентичности и позиционировании в международных отношениях, помогая различать союзников и оппонентов.

В следующем примере российский дипломат указывает на исключительность России, ее уникальную позицию в развитии дипломатических отношений, выстраивая оппозицию «Россия=мир», а «другие игроки международной политики=антироссийские элементы» : «Россия при этом никогда не приносила в регион конфронтацию, вела свою политику здесь исключительно в конструктивном и доброжелательном ключе, по мере возможности противодействовала линии западников встроить Балканы в политику разделительных линий, принося в политику ряда его государств антироссийские элементы. Несмотря на то, что Балканы всегда были и остаются сферой столкновения интересов ведущих игроков мировой политики, мы не хотели бы рассматривать регион как последний европейский рубеж противостояния Запада и России» [https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-opроверzenia/publikatsii/1441241/].

Подчеркивает свою уникальность и британский дипломат: «...*the UK spends more in cash terms than any NATO member other than the US...*» [<https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-russia-must-face-cost-for-malign-activity>] (пер. «Великобритания тратит в денежном выражении больше, чем любой другой член НАТО, кроме Соединенных Штатов...»). Дипломат очерчивает линию между Великобританией как членом НАТО и другими союзниками, отмечая, что самый крупный вклад вносит именно их государство.

Стратегия борьбы за власть в дипломатических высказываниях реализуется через применение тактики критики и обвинений. По замечанию О.С. Иссерс, обвинение не равно оскорблению, так как не предполагает намерения унижить, уязвить, выставить в смешном виде [Иссерс 1999: 161]. В речах дипломатов обвинение также связано с намерением обличить, выявить истинные устремления и мотивы других государств на международной арене.

На лексическом уровне эта тактика проявляется в основном через

употребление номинаций с ярко выраженной отрицательной окраской и оценочных эпитетов, несущих негативный смысл. Такие языковые средства помогают усилить критику, делая высказывания более выразительными и направленными на дискредитацию оппонентов. Стратегия борьбы за власть в дипломатических высказываниях реализуется через применение тактики критики и обвинений. Хотя многие политики активно используют этот приём, в дипломатическом языке он встречается значительно реже. Данная тактика относится к специализированным приёмам стратегий дискредитации и нападения, направленных на ослабление позиций оппонентов. На лексическом уровне эта тактика проявляется в основном через употребление номинаций с ярко выраженной отрицательной окраской и оценочных эпитетов, несущих негативный смысл. Такие языковые средства помогают усилить критику, делая высказывания более выразительными и направленными на дискредитацию оппонентов: *«Расцениваем заявления, которые делались в этом направлении и затеянное Вильнюсом позорное судилище как продолжение порочной линии литовского руководства, направленной на фальсификацию истории и сведение исторических счетов с Россией»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4652596] // *«В этой скандальной истории евроатлантические союзники продемонстрировали полное пренебрежение своими международными обязательствами. Использовали множественные нечистоплотные приемы»* [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713] // *«В их числе лица, запятнавшие себя агитацией в поддержку неправомерных односторонних ограничений, а также причастные к подрывной работе Лондона на российском направлении, в том числе фабрикация клеветнических домыслов и распространению дезинформации о нашей стране»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/2049201/].

В британском примере дипломат использует резко отрицательные глаголы, прилагательные, выражающие нелестную оценку со стороны Великобритании действий: «*But his ambition to divide us has demonstrably failed; on the contrary, he has succeeded in uniting Europe and the whole trans-Atlantic alliance*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/pm-opening-remarks-at-press-conference-with-german-chancellor-olaf-scholz-8-april-2022>] (пер. «*Но его стремление разделить нас явно провалилось; напротив, ему удалось объединить Европу и весь трансатлантический альянс*»).

Так, британские дипломаты, как правило, склонны использовать более уклончивые и многозначные формулировки, что создает атмосферу мягкости. В русской культурной традиции допускается более прямая форма общения, хотя и с элементами смягчения.

В английском языке дипломатическая критика чаще всего носит более замаскированный характер, тогда как в русском языке возможно более открытое выражение недовольства, хотя и в смягченной форме.

В речи британского дипломата активно используются эвфемизмы, чтобы избежать негативной окраски слов таких как «конфликт» вместо «война». Русские дипломаты также используют эвфемизмы, но могут позволить себе более пронзительные формулировки, если контекст это позволяет.

В русскоязычном дипломатическом дискурсе наблюдается явное разделение на «своих» и «чужих», что подчеркнуто в риторике. В британской лингвокультуре это менее выражено: акцент делается больше на общую ответственность и многостороннее взаимодействие, как в примере с упоминанием обязательств всех стран.

Наряду с критикой, дипломаты часто используют тактику выделения достижений своей страны. В данном примере дипломат использует оценочное прилагательное для выражения положительного мнения о товарообороте с Хорватией: «*Принятые меры привели к заметному росту двустороннего*

товарооборота...» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1918195/].

Положительно окрашенные прилагательные, глаголы, а также синтаксические конструкции придают высказыванию не только созидательное значение, но и категоричность: «*Not only is it proper and appropriate, but there is a firm legal basis for the Director General and the Secretariat to engage Australia, with the support of relevant partners, on issues relevant to the prospective use of nuclear material by Australia for naval nuclear propulsion*» [<https://www.gov.uk/government/news/aukus-tri-lateral-statement-to-the-iaea>] (пер. «*Это не только правильно и уместно, но и имеет прочную правовую основу для того, чтобы Генеральный директор и Секретариат при поддержке соответствующих партнеров взаимодействовали с Австралией по вопросам, касающимся перспективного использования ядерного материала Австралией для морских ядерных двигателей*»).

Искусство комплимента в языке дипломатии имеет особенную актуальность и определенное значение. Любезность, похвала, выражение восхищения – всё это методы закрепления интернациональных отношений: «*I am deeply grateful to the Filipina Ambassador for organising this meeting and to the speakers for courageously sharing their stories from yesterday*» [<https://www.gov.uk/guidance/seafarers-earnings-deduction-tax-relief-if-you-work-on-a-ship>] (пер. «*Я глубоко благодарен послу Филиппин за организацию этой встречи и докладчикам за то, что они мужественно поделились своими вчерашними историями*»).

Информационно-интерпретационная стратегия служит ключевым инструментом реализации информационно-интерпретационной стратегии в дипломатическом дискурсе. В её рамках дипломаты не ограничиваются констатацией фактов или изложением позиций, а систематически сопровождают высказывания экспликацией причинно-следственных связей и мотиваций. Тактика осуществляется с помощью фраз: «что касается», «речь идет», «повторим»: «*Что касается нормализации отношений России и Турции*

и влияния на решение региональных вопросов. В первую очередь речь идет о ситуации на Ближнем Востоке и Севере Африки... Повторю, что мы этот вопрос ставим и будем ставить в двусторонних контактах, на международных «площадках»

[https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2348943], *«In this regard, the UK sees the role of the OSCE and the Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) as vital»* [<https://www.gov.uk/government/speeches/democracy-and-democratic-elections-in-the-osce-region-uk-statement>] (пер. *«В этой связи Великобритания считает жизненно важной роль ОБСЕ и Бюро по демократическим институтам и правам человека (ODIHR)»*).

Тактика указания на путь решения проблемы функционирует как специализированный инструмент в структуре информационно-интерпретационной стратегии. Её сущность заключается в формулировании потенциальных сценариев разрешения ситуации, детализированном описании механизмов их практического воплощения, а также в построении прогноза относительно возможных последствий.

Такие глаголы в форме инфинитива и глаголы в будущем времени указывают на последовательность шагов-действий со стороны власти: *«Не хочется, чтобы создавалась какая-то иллюзия, будто теперь проблемные вопросы мы будем «заматать под ковер», не видеть их или обходить»* [https://www.mid.ru/ru/press_service/video/brifingi/1531287/] // *«But we will do whatever it takes to keep our country safe and to deter and defend against the full spectrum of threats Moscow poses»* [<https://www.gov.uk/government/speeches/cs-speech-to-the-international-institute-for-strategic-studies>] (пер. *«Но мы сделаем все возможное, чтобы сохранить безопасность нашей страны, а также для сдерживания и защиты от всего спектра угроз, исходящих от Москвы»*), *«We continue to draw attention to the joint proposal to modernise the Vienna Document...»* [<https://www.gov.uk/government/news/asrc-session-on-arms->

control-and-csbms-uk-statement] (пер. «Мы продолжаем привлекать внимание к совместному предложению о модернизации Венского документа...»).

Мы уже не раз упоминали о таком свойстве дипломатического языка, как прямолинейность и ясность высказывания. Однако, искусства дипломатии не существовало бы без уклончивости и двусмысленности. У. Эмпсон так определяет этот термин как: «...relevant to my subject any verbal nuance, however slight, which gives room for alternative reactions to the same piece of language. <...> In a sufficiently extended sense any prose statement could be called ambiguous» (пер. «Двусмысленность – любой вербальный нюанс, относящийся к теме, каким бы незначительным он ни был, что приводит к альтернативным реакциям на один и тот же фрагмент языка. <...> В достаточно расширенном смысле любое высказывание можно было бы назвать неоднозначным») [Empson 1953: 21]. Тактика создания двусмысленности представляет собой реализацию стратегии неискренности в дипломатической коммуникации и проявляется на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. Она позволяет использовать неоднозначные формулировки, избегая прямых заявлений и оставляя место для различных интерпретаций, что способствует гибкости и тактичности в межгосударственном общении. Согласно философскому словарю «двусмысленным мы называем такое высказывание или поведение, которое допускает два или несколько различных, а то и взаимоисключающих толкования. Следовательно, двусмысленность – это двойственность или множественность возможных значений» [Конт-Спонвиль 2012]. Данная тактика демонстрирует эффективность в достижении целей в период, когда адресат занят обработкой полученных сведений – их осмыслением, интерпретацией и поиском путей устранения возможных противоречий. Высказывания, содержащие двусмысленность, допускают множественность толкований, что порождает дополнительные вопросы, подрывает доверие и формирует впечатление о сокрытии говорящим своих подлинных намерений.: «... *pledge our constructive support as we seek to*

strengthen our common efforts on this issue»
[<https://www.gov.uk/government/speeches/osce-economic-and-environmental-forum-uk-opening-statement>] (пер. «...заверяем в нашей конструктивной поддержке, поскольку мы стремимся укрепить наши общие усилия по этому вопросу»), «Были разработаны новые механизмы кооперации, позволяющие эффективно взаимодействовать в решении <...> осуществлять плотную координацию действий на международной арене»
[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1416687/].

С помощью средств неопределенной референции можно также намеренно прибегнуть к двусмысленности, что будет работать как речевая манипуляция: «Хочется спросить коллег в Вашингтоне: а вы не пробовали представить такую же схему, реализуемую в отношении самих себя? Вы изо дня в день гоняетесь за призраком внешнего вмешательства в свой электоральный процесс, а при этом параллельно диктуете свои рецепты суверенным государствам, грозите всякими «карами» тем, кто вас по каким-то причинам не устраивает»
[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1443803/], «Некоторые наши хорошие знакомые рассказывают, что на совещаниях послов Евросоюза в Москве выражается серьезная обеспокоенность тем, что происходит с проявлениями русофобии в Европе»
[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/].

Вышеприведенные примеры олицетворяют манипулятивные тактики на лексическом уровне (управление эмоциональной составляющей слова, применение эвфемизмов и дисфемизмов) [Паршин 2000].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы, характеризующие стратегические и тактические параметры речевого поведения языковой личности в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах:

1. В русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах

используются стратегия смягчения как системный инструмент для снижения коммуникативных рисков и сохранения пространства для коммуникации. Однако, её реализация имеет национально-обусловленную специфику. В русскоязычном дипломатическом дискурсе тактики смягчения активно применяются при интерпретации мотивов оппонента, но снимаются в декларации собственной позиции, что создает риторический контраст между предположительностью действий «других» и определенностью своих принципов. В англоязычном дипломатическом дискурсе преобладают хеджирование, эвфемизация и тактика неопределенной референции, которые пронизывают высказывание, минимизируя личную вовлеченность говорящего и создавая эффект процедурной, фактологической оценки.

2. В реализации конфронтационных стратегий наблюдаются некоторые различия. В русскоязычном дипломатическом дискурсе тактики критики и обвинения реализуются более прямо через лексику с резко отрицательной коннотацией в рамках оппозиции «свои – чужие».

В англоязычном дипломатическом дискурсе тактика критика реализуется посредством стратегической двусмысленности коммуникативных импликатур, что обеспечивает соблюдение принципа формальной вежливости и институциональной корректности.

3. Контраст в прагматике информационно-интерпретационной стратегии. Цель информирования и интерпретации достигается разными путями. В русскоязычном дипломатическом дискурсе интерпретация событий часто встраивается в причинно-следственные и морально-оценочные рамки. Используются конструкции, объясняющие мотивы и последствия, что придает аргументации нарративный, а не только процедурный характер. В англоязычном дипломатическом дискурсе акцент делается на процесс и легитимность, преобладают процедурные формулировки и ссылки на формальные институты и правовые основы, что усиливает восприятие позиции как обезличенной и легитимной.

4. Особенности национальных коммуникативных культур задают приоритеты в выборе тактик. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерно тактическое сочетание смягчения и категоричности, риторической прямоты и образности. Это отражает прагматику, где эффективность воздействия и смысловая насыщенность могут доминировать над требованием постоянного формального смягчения. Для англоязычного дипломатического дискурса доминирующими являются тактики хеджирования, эвфемизации и стратегической неопределенности, что соответствует культурным установкам сдержанности, избегания прямой конфронтации и приоритета формы.

Выявленные различия в реализации стратегий и тактик речевого поведения языковой личности в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах являются лингвистическим воплощением различий в культурных сценариях ведения переговоров, восприятия конфликта и построения аргументации в русской и английской лингвокультурах.

ВЫВОДЫ

Проведенный в главе анализ позволил выявить системные различия в реализации языковой личности российского и британского дипломата, обусловленные действием культурных сценариев и национально-специфических коммуникативных стратегий.

Культурные сценарии выступают ключевым регулятором речевого поведения в дипломатическом дискурсе, обеспечивая его предсказуемость и соответствие институциональным нормам. Сопоставительный анализ трех базовых протокольных сценариев «Вручение верительных грамот» / «Letter of credence», «Визит вежливости» / «Courtesy call», «Завершение дипломатической миссии» / «Diplomatic mission completed» позволил выявить

как универсальные, так и национально-специфические компоненты их вербального наполнения. Универсальное ядро дипломатических сценариев определяется институциональными нормами международного протокола и включает обязательные слоты: аккредитация, выражение намерений, заверение в уважении, поддержание диалога. Национально-культурная специфика проявляется в выборе лексико-семантических средств для заполнения универсальных слотов: в русскоязычном дипломатическом дискурсе доминируют концепты суверенитета, мира и коллективной безопасности, в англоязычном дипломатическом дискурсе – концепты коммерческого партнерства и конкретных сфер сотрудничества.

В русскоязычном дипломатическом дискурсе преобладают процессуальные глагольные формы, отражающие вовлеченность субъекта, и дативные, безличные конструкции, представляющие ситуацию как обусловленную внешними обстоятельствами. Для англоязычного дипломатического дискурса характерны статические адъективные и причастные формы, репрезентирующие эмоции как пассивные состояния, и агентивные номинативные конструкции, проецирующие образ контролирующего субъекта.

В исследуемых дискурсах реализуются универсальные стратегии смягчения, конфронтации, информационно-интерпретационная, однако их тактическое наполнение национально-специфично.

Стратегия смягчения в русскоязычном дискурсе реализуется через хеджирование при интерпретации мотивов оппонента, но снимается при декларации собственной позиции. В англоязычном дискурсе она осуществляется через модальные глаголы, тактику неопределенной референции и имплицитное отрицание, что соответствует культурной установке на сдержанность и избегание прямой конфронтации, нарушение которой маркируется как «Un-British».

Конфронтационные стратегии в русскоязычном дискурсе реализуются

эксплицитно, с использованием лексики с резко отрицательной коннотацией и оппозиции «свои – чужие». В англоязычном дискурсе критика маскируется посредством стратегической двусмысленности и коммуникативных имплицатур, что обеспечивает соблюдение принципа формальной вежливости.

Информационно-интерпретационная стратегия в русскоязычном дискурсе тяготеет к нарративности и морально-оценочной аргументации, в англоязычном – к процедурности и ссылкам на формальные институты.

Языковая личность российского и британского дипломатов в рамках такого формализованного институционального дискурса как дипломатический демонстрирует различия, закрепленные в национальных лингвокультурах и коммуникативных традициях. Выявленные различия носят системный характер и позволяют реконструировать два лингвокультурных типа языковой личности дипломата. Языковая личность российского дипломата реализует содержательно-экспрессивную модель коммуникации, ориентированную на нарративность, этическую оценку, использование образных средств и апелляцию к коллективному опыту. Языковая личность британского дипломата реализует формально-регулятивную модель, для которой приоритетны процедурная четкость, правовая определенность, следование институциональным нормам и минимизация экспрессивности.

Таким образом, языковая личность дипломата формируется на пересечении универсальных институциональных требований и национально-культурных моделей речевого поведения, транслируя в публичном пространстве не только позицию государства, но и ценностные константы своей лингвокультуры. Осведомленность о структуре культурных сценариев и их национальных вариантах выступает критическим фактором успешности межкультурной дипломатической коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование представляет собой комплексный сопоставительный анализ языковой личности российского и британского дипломата в единстве её лингвокогнитивных и лингвокультурных характеристик. В работе решена центральная задача комплексного описания данного институционального типа языковой личности, детерминированного взаимодействием профессиональных норм и национально-культурных кодов. В диссертации предлагается целостная модель изучения данного институционального типа языковой личности как системного феномена.

В работе обоснован и применен многоуровневый подход, рассматривающий языковую личность дипломата на трёх взаимосвязанных уровнях:

1. Лингвокогнитивного, репрезентирующего профессиональную концептосферу как систему смысловых доминант.
2. Лингвокультурного, определяющего набор культурных сценариев и дискурсивных моделей, регулирующих коммуникацию.
3. Лингвопрагматического, проявляющегося в конкретных речевых стратегиях и тактиках, а также в выборе вербально-семантических средств.

Данная модель позволила продемонстрировать, что языковая личность дипломата представляет собой сложное структурное образование, формируемое на пересечении строгих институциональных норм и национально-культурных моделей речевого поведения, транслирующее в публичном пространстве не только позицию государства, но и ценностные константы своей лингвокультуры.

На лингвоконцептуальном уровне проведенный количественный и качественный анализ выявил фундаментальные различия в структуре и аксиологическом наполнении ядерных концептосфер изучаемых языковых личностей. Сравнительный анализ выявил системные различия в ядерных

компонентах концептосфер. Языковая личность российского дипломата концептуализирует мир через призму суверенитета, исторической справедливости и коллективной ответственности. В центре концептосферы языковой личности британского дипломата находятся правовое регулирование, индивидуальные свободы и коалиционное взаимодействие. Эти различия обладают устойчивой аксиологической нагрузкой и отражают фундаментальные ценностные оппозиции двух лингвокультур.

Применение лингвокогнитивного подхода в сочетании с квантитативным анализом позволяет выявить иерархическую структуру концептосферы языковой личности дипломата. Ключевые концепты, репрезентирующие языковую личность дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах, обладают универсальным ядром – это концепт «Безопасность / Security». Базовую периферию составили высокочастотные концепты «Россия», «Человек», «Сотрудничество», «The UK», «People», «Freedom», «Justice» / «Fairness. Дальняя периферия состоит из культурно-маркированных концептов «Друг», «Правда» / «Истина», «Душа», «Friend», «Mind» / «Heart» / «Spirit». Сопоставительный анализ концептов выявил существенные различия в их аксиологическом наполнении, обусловленные культурными моделями мышления. Для языковой личности российского дипломата характерна опора на суверенитет, диалог и коллективную ответственность, для британской – на правовые нормы, индивидуальные свободы и геополитическое позиционирование.

Лингвокультурная специфика объективируется в предпочтении различных макростратегий дискурсивного моделирования. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерна нарративно-оценочная модель, реализующая пояснительно-аргументативные сценарии, направленные на обоснование и моральную оценку позиции. Англоязычный дипломатический дискурс тяготеет к процедурно-регулятивной модели, которая актуализируется через сценарии коалиционного взаимодействия и

формулирования правил, минимизирующие прямую конфронтацию.

Установленные различия в концептосферах и моделях языковых личностей в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах детерминируют национальную специфику на уровне речевых стратегий и языковых средств. Русскоязычный дипломатический дискурс характеризуется стратегиями обоснования и исторической аналогии с использованием оценочной лексики, развернутых нарративов и риторической прямоты. Англоязычный дипломатический дискурс реализует стратегии делегитимации, направленные на подрыв легитимности действий оппонента, и нормативного закрепления через эвфемизацию, хеджирование, использование юридической терминологии и дискурсивных формул коллективного действия.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии аппарата лингвистической персонологии и методологии сравнительно-сопоставительных исследований институционального дискурса. Практическая ценность результатов состоит в их применимости в сферах подготовки дипломатических кадров, межкультурной коммуникации, лингвистического образования и переводческой деятельности.

Перспективы исследования видятся в следующих направлениях:

- дальнейшее исследование языковой личности дипломата в рамках сравнительно-сопоставительного анализа других лингвокультур для построения типологии и выявления универсальных и культурно-специфических черт институционально обусловленной языковой личности;
- изучение эволюции языковой личности дипломата в исторической перспективе для определения влияния глобальных политических и коммуникационных трансформаций на её структуру;
- исследование вариативности речевого поведения языковой личности дипломата в зависимости от конкретного жанра и коммуникативного контекста;

– исследование невербальной составляющей коммуникативного поведения дипломата в разных лингвокультурах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александрова, О. В. Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований / О. В. Александрова, И. Э. Стрелец // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 1(44). – С. 413-420.
2. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. – 328 с.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
4. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. – М., 1993. – С. 3–7.
5. Арутюнова, Н.Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1998.
6. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С.А. Аскольдов. – М., 1997. – С. 267-279.
7. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
8. Бабушкин, А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж, 2018. – 230 с.
9. Бабушкина, Е.А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник БГУ. Язык, литература, культура / Е.А. Бабушкина. – 2021. – №11. – С. 7-11.
10. Балли, Ш. Французская стилистика / Перевод с фр. К. А. Долинина; Под ред. Е. Г. Эткинда; Вступ. статья Р. А. Будагова. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
11. Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 2019.
12. Баско, Н.В. Фразеология политического дискурса в аспекте

межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. / Н.В. Баско. – 2017. – №5 (65). – С. 175-180.

13. Беляков, М. В. Языковая личность советских и российских дипломатов (на примере речей постоянных представителей СССР и РФ в Совете Безопасности ООН) / М. В. Беляков, О. И. Максименко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 128-134.

14. Беляков, М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: монография. М.: Изд-во «Наука», 2021. – 146 с.

15. Беляков, М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: на материале открытой профессиональной дипломатии : автореферат дис. доктора филологических наук: 5.9.8. / Беляков М.В. [Место защиты: ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации ; Диссовет Д 215.005.ХХ (07.2.004.03)]. – Москва, 2023. – 48 с.

16. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М.: «Прогресс», 1974. – 448 с.

17. Берлизон, С.Б. Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологических единицах и слове // Вопросы фразеологии. Ч. I. (Труды Сам. ГУ им. Навои, новая серия. Вып. 219) / С.Б. Берлизон. – Самарканд, 1972. – С. 242.

18. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

19. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1982.

20. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 254 с.

21. Богин, Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие / Г.И. Богин. – Калинин: КГУ, 1986. – 87 с.

22. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему

языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

23. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. – 124 с.

24. Большакова, Т.С. К вопросу о моделировании военно-дипломатического дискурса / Т. С. Большакова // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 595-598.

25. Борунков, А.Ф. Дипломатический протокол в России. – 3-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 264 с., ил.

26. Босова, Л.М. О методах выделения семантического поля // Семантические и прагматические аспекты изучения языковых единиц. – Барнаул, 1987. – С. 67-78.

27. Вайсбергер, Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

28. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

29. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XII, 780 с.

30. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

31. Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход / Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82-93.

32. Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С.

Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

33. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – С. 105.

34. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Волкова Татьяна Александровна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. – Челябинск, 2007. – 231 с.

35. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.

36. Воркачев, С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 25. – 200 с.

37. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М: Гнозис, 2004. – 192 с.

38. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. – 2014. – 3(49). – С. 12-20.

39. Воробьев, В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В.В. Воробьев. – М., 1996. – 170 с.

40. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – Москва: РУДН, 2008. – 336 с.

41. Воропаева, В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тамбов, 2007. – 168 с.

42. Вуд, Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол / пер. Клюкин Ю. П., Пастоев В. В., Фомин Г. И. – М.: Прогресс, 1976. – 446 с.

43. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. – М.: «Аделант», 2013. – 800 с.

44. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка: Учебник // English Stylistics / И.Р. Гальперин. – М.: Издательской группы URSS, 2022. – 334 с.
45. Гирц, К.Г. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).
46. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация: учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: ИНФРА-М, 2008. – 207 с.
47. Горелов, И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1997. – 220 с.
48. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1 (А-З). – Москва, 1863.
49. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк; Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
50. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С. 35-47.
51. Добровольский, Д.О., Петров В.В. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии / Д.О. Добровольский, В.В. Петров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – 54 с.
52. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 7-13.
53. Дресвянин, Д. В. Языковая личность дипломата / Д. В. Дресвянин// Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации: Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 06–08 февраля 2020 года / Под общей редакцией Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2020. – С. 261-265.

54. Дюжикова, Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением: Дис. д-ра. филол. наук. – М., 1997. – 340 с.
55. Евсеева, О. В. Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования: на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О.В. Евсеева; [Место защиты: Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2008. – 19 с.
56. Евсюкова, Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии / Т.В. Евсюкова; М-во образования Рос. Федерации. Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ). – Ростов н/Д : РИНХ, 2001. – 255 с.
57. Евсюкова, Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: дис. ... док. филол. н.: 10.02.19. – Нальчик, 2002. – 303 с.
58. Евсюкова, Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология: учебник / Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – М.: Флинта, 2016. – 480 с.
59. Евфимова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: сайт – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 10.05.2025).
60. Егоров, В.П. Дипломатический протокол и этикет: учеб. пособие / В.П. Егоров. – М.: Юридический институт МИИТа, 2013. – 200 с.
61. Елдышев, А.Н. Проблемы аббревиатурного словообразования // Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 114-152.
62. Заварзина, Г.А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. – М.: 2006. – № 2. – С. 54-57.
63. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
64. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 36-44.

65. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев. – М: Либроком, 2009. – 384 с.
66. Иванова Ю.И. Прием хеджирования в дипломатическом английском языке / Ю.И. Иванова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – 2022 – №11– С. 139-142
67. Иванова Ю.И. Речевые тактики и стратегии в российской дипломатической коммуникации // Вестник филологических наук – 2024. Том 4 – №2 – С. 144-148
68. Иванова Ю.И. Особенности речевого поведения современного дипломата (дипломатический протокол, дипломатический этикет, дипломатические сценарии) // Современное педагогическое образование – 2024 – №6– С.312-316
69. Иванова Ю.И., Евсюкова Т.В. «Языковая личность британского и русского дипломата в лингвокультурном аспекте на примере лингвоконцептов: «Россия/ The UK» и «Люди/ People» // Современный ученый – 2025 – №10 – С. 191-198
70. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
71. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. трудов. – Волгоград; Архангельск, 1996.
72. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999 – 195 с.
73. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность; проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 3-18.
74. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
75. Карасик, В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики

лингвокультурных концептов // Антология концептов. – Волгоград, 2005.

76. Карасик, В.И., Стернин И.А. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – 352 с.

77. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – М: Гнозис, 2009. – 405 с.

78. Карасик, В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ. – 2011. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-kak-predmet-izucheniya-antropologicheskoy-lingvistiki> (дата обращения: 24.03.2025).

79. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – Москва, 2010. – 264 с.

80. Кармин, А.С., Новикова Е.С. Культурология. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.

81. Кибрик, А.А., Кошелев А.Д. (сост.) Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с.

82. Китайгородская, М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М., 1995. – 128 с.

83. Климов, Г.А. Принципы контенсивной типологии: монография / Г.А. Климов; АН СССР. Институт языкознания. – М: Наука, 1983. – 224 с.

84. Клоков, В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 60 – 67.

85. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 1988.

86. Кожина, М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 4-е изд., стереотипное. – Москва: «ФЛИНТА», 2019. – 696 с.

87. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
88. Колоева, Л.М. Единицы диалогической коммуникации (на материале английского языка): дис. канд.филол. наук. – 2006. – 171 с.
89. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь. – М.: Палимпсест, Издательство «Этерна», 2012. – 752 с.
90. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как отражение национальных менталитетов. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
91. Коул, М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер. – М.: Наука, 1977. – 262 с.
92. Кошелев, А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 69-? (В исходном списке указано "Л 69 Наука", требуется уточнение страниц).
93. Кронгауз, М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
94. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989.
95. Крысин, Л.П. Портрет русского интеллигента // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – М. – С. 90-106.
96. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
97. Кубрякова, Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2003. – №4 (38). – С. 2-12.
98. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с.

99. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012.
100. Кубрякова, Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
101. Кузьмин, Э.Л. Протокол и этикет дипломатического и делового общения: Учеб. пособие / Э.Л. Кузьмин. – М., 1996. – 462 с.
102. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 34-35.
103. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М., 1981. – С. 89-112.
104. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 792 с.
105. Лакофф, Джордж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004. – 252 с.
106. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
107. Лейчик, В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М.: Ком-Книга, 2009. – 256 с.
108. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
109. Леорда, С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2006. – 19 с.
110. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования :

[монография] / [С. Г. Воркачев и др.] ; под ред. С. Г. Воркачева ; М-во образования и науки Российской Федерации, Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. – 399 с.

111. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

112. Лопатин, В.В., Иванова О.Е. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200000 слов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. – 896 с. – (Фундаментальные словари русского языка).

113. Лотман, Ю.М. Две осени // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гносис, 1994. – С. 394-406.

114. Лотман, Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.

115. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.

116. Лучинская Е.Н. Концепты культуры в постмодернистском дискурсе / Е. Н. Лучинская // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Часть 1. – С. 336-343.

117. Лю, Ю. Концептуальное определение дипломатического дискурса с точки зрения институционального дискурса / Ю. Лю // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 11. – С. 57-64.

118. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 11-35.

119. Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка на материалах национального корпуса русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва:

Азбуковник, 2009. – 1087 с.

120. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1998. – 199 с.

121. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

122. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 276 с.

123. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

124. Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт – URL: <https://www.mid.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

125. Минский, М. Фреймы для представления знаний / Пер. с английского О.Н. Гринбаума; Под ред. Ф.М. Кулакова. – Москва: «Энергия», 1979.

126. Мухортов, Д.С. Об общем и частном в понятиях «речевой портрет», «языковая личность», «Идиостиль» и «идиолект» // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г. / гл. ред. А.П. Чудинова. – 173 с.

127. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М., 1996. – С. 112-116.

128. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85.

129. Нерознак, В.П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тез. I междунар. конференции. – М.,

1999. – 125 с.

130. Никольсон, Г. Дипломатия / Пер. с английского под ред. А.А. Трояновского. – М.: ОГИЗ, 1941. – 142 с.

131. Новиков, Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Н.В. Новиков; [Место защиты: МГПУ]. – Москва, 2017. – 180 с.

132. Оберемченко, Е.Ю. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломата: на материале русского и немецкого языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Е.Ю. Оберемченко; [Место защиты: Юж. федер. ун-т].- Ростов-на-Дону, 2011.- 209 с.

133. Овчинников, В.В. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах / В.В. Овчинников. – М.: Мысль, 1980. – 300 с.

134. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: сайт – URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 10.05.2025).

135. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019. – 1376 с. – (Новые словари).

136. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. – М., 1983.

137. Панин, В.В. Политическая корректность как языковая и культурно-поведенческая категория // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Тагил, 2003. – С. 105-108.

138. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложно-структурируемых глаголов современного английского языка): Дис. д-ра филол. наук. – М., 1992.

139. Паршин, П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин [и др.]. – М., 2000.
140. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография / О. Н. Паршина; под редакцией О. Б. Сиротининой; Астраханский государственный технический университет. – Астрахань: Издательство АГТУ, 2004. – 195 с.
141. Петров, В.В. и др. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – 54 с.
142. Петушков, В.П. Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. – Москва, 1972. – С. 102-117.
143. Пионтковски, У. Лингвистические стратегии в социальном взаимодействии // Идентичность: хрестоматия / составитель Л. Б. Шнейдер. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2003. – С. 168–170.
144. Пищальникова, В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В.А. Пищальникова. – Барнаул: АГУ, 1992. – 74 с.
145. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия - наука и искусство: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2003.
146. Попова, З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – 3-е изд. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
147. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. – Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
148. Пospelов, Г.Н. Типология литературных родов и жанров. – 1978. – С. 12-18.
149. Потebня, А.А. Мысль и язык // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997.
150. Потebня, А.А. Слово и мир. – М., 1989. – 627 с.

151. Прадед (Иванова) Ю.И. Лексико-стилистические и синтаксические особенности языка дипломатии// MODERN HUMANITIES SUCCESS/УСПЕХИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. – 2021 - №6 – С. 100-103.

152. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – 5-е изд. – 2008. – 224 с.

153. Рождественский, Ю.В. Введение в культуроведение. – М., 1996. – 288 с.

154. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М: Просвещение, 1985. – 375 с.

155. Романова, Т.В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. – 2009. – №1 (27). – С. 109–117.

156. Рябкова, Е.С. Специфика концептов позитивных межличностных отношений в английской лингвокультуре: Дис. канд. филол. наук. – Самара, 2010.

157. Салахова, А.Г.-Б. К проблеме исследования профессиональной личности дипломата (лингвоперсонологический подход) / А.Г.-Б. Салахова // Казанская наука. – 2016. – № 10. – С. 99-101.

158. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.

159. Сиротинина, О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 1997. – С. 7-12.

160. Слышкин, Г.Г. От текста к символу [Текст]: лингвокультур. концепты прецедент. текстов в сознании и дискурсе: [монография] / Г.Г. Слышкин; Моск. гос. лингвист. ун-т. Науч.-учеб. центр яз. и культуры Север.

Евразии им. князя Н. С. Трубецкого. – Москва: Academia, 2000. – 125 с.

161. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004.

162. Солохина, А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 191 с.

163. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.

164. Степанов, Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

165. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

166. Степанов, Ю.С. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

167. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 231 с.

168. Сунь, М. Эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе / М. Сунь // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 228-234.

169. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.

170. Тахтарова, С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): Монография / С.С.Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 430 с.

171. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический

и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

172. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.

173. Тён ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

174. Терентий, Ливиу Михайлович. Интенциональная структура дипломатического дискурса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Терентий Ливиу Михайлович; [Место защиты: Воен. ун-т МО РФ]. – Москва, 2017. – 55 с.

175. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

176. Ткачева, Ю.С. Небуквальное выражение несогласия в дипломатическом дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 5.9.8. / Ткачева Юлия Сергеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» ; Тверь, 2023. 20 с.

177. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: сайт – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

178. Хачмафова З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков): монография / З.Р. Хачмафова. – Майкоп: АГУ, 2010. – 282 с.

179. Хачмафова З.Р. Креативность языковой личности колумниста в дискурсе СМИ (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2023. № 1 (312). С. 107–112.

180. Филиппова, М.М. Английский национальный характер: учебное

пособие / М.М. Филиппова. – Москва: АСТ: Астрель, 2007. – 382 с.

181. Филиппова, Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 248 с.

182. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

183. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: Икар, 2007. – 480 с.

184. Чернявская, В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. – М.: Ленанд, 2017. – 176 с.

185. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

186. Шляхов, В.И. Сценарии русского речевого взаимодействия. – М., 2007. – 280 с.

187. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянских культур, 2002. – С. 11.

188. Шокуров, В.Н. Сокращения как особая группа лексических образований в английском языке // Учен. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – 1952. – Т. 73. Вып. 5. – С. 184-185.

189. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

190. Этимологические онлайн-словари русского языка: сайт – URL: <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения: 10.05.2025).

191. Юсупова, Л.Г., Песина С.А. Концепт как квант структурированного знания // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: сб. материалов XV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – № 15. – С. 155–159.

192. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Языки

славянской культуры, 2001. – 383 с.

193. Ярцева, В.Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

194. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambridge, MA, London : MIT Press, 1983.

195. Bartlett, F. C. (1932). Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

196. Bruner J. S. Acts of meaning. Cambridge, Ma. : Harvard University Press, 1990, pp. 56

197. Cambridge Dictionary: сайт – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.05.2025)

198. CH. Wirszubski. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Publisher: Cambridge University Press; Reissue edition, 2008, pp. 196

199. Empson William Seven Types Of Ambiguity. - the 3rd edition, 1953. – 276 p

200. Foreign, Commonwealth and Development Office: сайт – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/foreign-commonwealth-office> (дата обращения: 10.05.2025)

201. Halliday M.A. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p

202. Lakoff. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts», 1973

203. Nelson K.. ChildrenTs Scripts. In: Katherine Nelson. Event Knowledge Structure and Function in Development. Hillsdale, New Jersey L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986, pp. 44 45

204. Merriam-Webster Dictionary: сайт – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.05.2025)

205. Online Etymology Dictionary: сайт – URL:

<https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.05.2025)

206. Oxford Learner's Dictionaries: сайт – URL:
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.05.2025)

207. Schank R., Abelson, R., Scripts, Plans, Goals and Understanding,
Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977

208. Talmy, L. The Targeting System of Language. MIT Press. – 2018. 672
р.